

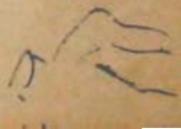
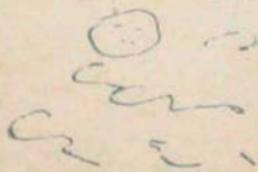
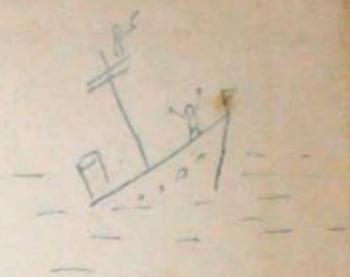
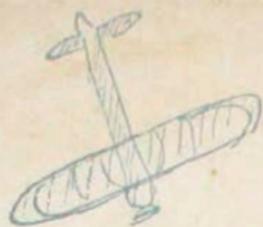
**ГОЛУБАЯ
КНИГА**

Мих. Зощенко

Голубая

Книга

Ученый сотрудник
института зоологии в г. Сар
тов Института
Л. М. Соколова.

10.10.97

МИХ. ЗОЩЕНКО

Голубая книга

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1938

*Рисунки шмуцтитолов, концовок
и форзаца работы автора*

*Переплет, супер-обложка, заставки,
шрифты на шмуцтитулах
работы М. А. Кирнарского*

Дорогой Алексей Максимович!

Два года назад в своем письме вы посоветовали мне написать смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни.

Вы писали:

«По-моему, вы и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить — вышить что-то вроде юмористической «Истории культуры». Это я говорю совершенно убежденно и серьезно...»

Я могу сейчас признаться, Алексей Максимович, что я весьма недоверчиво отнесся к вашей теме. Мне показалось, что вы предлагаете мне написать какую-нибудь юмористическую книжку, подобную тем, какие уже бывали у нас в литературе, например «Путешествие сатирикоповцев по Европе» или что-нибудь вроде этого.

Однако, работая нынче над книгой рассказов и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать при помощи истории), я неожиданно наткнулся на ту же самую

тему, что вы мне предложили. И тогда, вспо-
мнив ваши слова, я с уверенностью принялся за
работу.

Нет, у меня нехватило бы сил и уменья
взять вашу тему в полной своей мере. Я напи-
сал не Историю культуры, а, может быть, всего
лишь краткую историю человеческих отноше-
ний.

Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей
Максимович, посвятить вам этот мой слабый,
но усердный труд, эту мою «Голубую книгу»,
которую вы так удивительно предвидели и ко-
торую мне было тем более легко и радостно
писать, сознавая, что вы будете ее читателем.

Сердечно любящий вас

Мих. Зощенко.

Январь, 1934 г.

Ленинград

Предисловие

Веселость нас никогда не покидала.

Вот уже пятнадцать лет мы, по мере своих сил, пишем смешные и забавные сочинения и своим смехом веселим многих граждан, желающих видеть в наших строчках именно то, что они желают видеть, а не что-нибудь серьезное, поучительное или досаждающее их жизни.

И мы, вероятно по своему малодушию, бесконечно рады и довольны этому обстоятельству.

Нынче мы замыслили написать не менее веселую и забавную книжонку о самых разнообразных поступках и чувствах людей.

Однако мы решили написать не только о поступках наших современников. Перелистав страницы истории, мы отыскали весьма забавные факты и смешные сценки, наглядно рисующие поступки прежних людей. Каковые сценки мы также предложим вашему вниманию. Они нам весьма пригодятся для доказательства и утверждения наших дилетантских мыслей.

Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, без бешеной погони за деньгами и без великих злодеяний в этой области, нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше.

И в силу этого мы решили, прежде чем приступить к новеллам из нашей жизни, рассказать вам кое-что из прежнего.

И вот, перелистав страницы истории своей рукой невежды и дилетанта, мы подметили неожиданно для себя, что большинство самых невероятных событий случилось по весьма немногочисленным причинам. Мы подметили, что особую роль в истории играли деньги, любовь, коварство, неудачи и кое-какие удивительные события, о которых речь будет дальше.

И вот в силу этого мы разбили нашу книгу на пять соответствующих отделов.

И тогда мы с необычайной легкостью, буквально как мячи в сетку, распахали наши новеллы по своим надлежащим местам.

И тогда получилась удивительно стройная система. Книга заиграла всеми огнями радуги. И осветила все, что ей надо было осветить.

Итак, в книге будет пять отделов.

В каждом отделе будет особая речь о том предмете, который явится нашей темой.

Так, например, в отделе «Любовь» мы расскажем вам, что знаем и думаем об этом возвышенном чувстве, затем припомним самые удивительные, любопытные приключения из прежней истории и уж затем, посмеявшись вместе с читателем над этими старыми, поблекшими приключениями, расскажем, что иной раз случается и бывает на этом фронте в наши переходные дни.

И то же самое мы сделаем в каждом отделе.

И тогда получится картина полная и достойная современного читателя, который перевалил через вершины прошлого и уже двумя ногами становится в новой жизни.

Конечно, ученые мужи, подобострастно читающие историю через пенсне, могут ужасно рассердиться, найдя наше деление произвольным, крайне условным и легкомысленным.

Но пускай они сердятся, а мы тем не менее будем продолжать.

Итак, перед нашим взором пять отделов: Деньги, Любовь, Коварство, Неудачи и Удивительные события.

Отметим, что последний отдел должен быть самый замечательный.

В этом отделе будут отмечены наилучшие, наиболее роднейшие поступки, поступки высокого мужества, великодушия, благородства, героической борьбы и стремления к лучшему.

Этот отдел, по нашей мысли, должен звучать, как героическая симфония Бетховена.

Нашу книгу мы назвали голубой.

Голубая книга!

Мы назвали ее так оттого, что все другие цвета были своевременно разобраны. Синяя книга, белая, коричневая, оранжевая... Все цвета эти были использованы для названий книг, которые выпускались различными государствами для доказательства своей правоты или, напротив, — вины других.

Нам едва оставалось четыре-пять совершенно невзрачных цвета. Что-то такое: серый, розовый, зеленый и лиловый. И посудите сами, что таким каким-либо пустым и незначительным цветом было бы по меньшей мере странно и оскорбительно назвать нашу книгу.

Но еще оставался голубой цвет, на котором мы и остановили свое внимание.

Этим цветом надежды, цветом, который с давних пор означает скромность, молодость и все хорошее и возвышенное, этим цветом неба, в котором летают голуби и аэропланы, цветом неба, которое расстилается над нами, мы называем нашу смешную и отчасти трогательную книжку.

И что бы об этой книге ни говорили, — в ней больше радости и надежды, чем насмешки, и меньше иронии, чем настоящей, сердечной любви и нежной привязанности к людям.

Итак, поделившись с вами общими замечаниями, мы торжественно открываем наши отделы.

И по этим отделам, как по аллеям истории, мы предлагаем читателю прогуляться.

Дайте вашу мужественную руку, читатель. Идемте.

Мы желаем вам показать кое-какие достопримечательности.

Итак, мы открываем первый отдел — «Деньги», который в свою очередь распадается на два отдела: исторические новеллы о деньгах и рассказы из наших дней на эту же тему.

А прежде этого в отвличенной беседе обрисуем общее положение.

Итак — «Деньги».

ДЕНЬГИ

ДЕНЬГИ

1. Мы живем в удивительное время, когда к деньгам изменилось отношение.

Мы живем в той стране, в которой прекратилось величественное шествие капитала.

Мы живем в том государстве, где люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое.

И потому деньги получили другой смысл и другое более благородное назначение — на них уже не купишь честь и славу.

2. Этот могущественный предмет до сей славной поры с легкостью покупал все, что вам было угодно. Он купал сердечную дружбу и уважение, безумную страсть и нежную преданность, неслыханный почет, независимость и славу и все, что имелось наилучшего в этом мире.

Но он не только покупал, он еще, так сказать, имел совершенно сказочные свойства превращений.

И, например, обладательница этого предмета, какая-нибудь там крикливая, подслеповатая бабенка, без трех передних зубов, превращалась в прелестную нимфу. И вокруг нее, как больные, находились лучшие мужчины, добываясь ее тусклого взгляда и благосклонности.

3. Полоумный дурак, тупица или полный идиот, еле ворочающий своим косноязычным языком, становился остроумным малым, поминутно говорящим афоризмы житейской мудрости. Пройдоха, сукин-сын и жулик, грязная

душонка которого при других обстоятельствах вызывала бы омерзение, делался почетным лицом, которому охота была пожать руку. И безногий калека с рваным ухом и развороченной мордой нередко превращался в довольно симпатичного юношу с ангельской физиономией.

Вот в кого превращались обладатели этого предмета.

И вот, увы, этому магическому предмету, слишком действовавшему на наше мягкое, как воск, воображение и имеющему столь поразительные свойства, достойные сказки, нанесены у нас тяжелые раны. И что из этого будет и получится, лично нам пока в полной мере и до конца неизвестно.

Однако мы думаем, что ничего плохого, кроме хорошего, не произойдет. И, быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь.

4. Вот, если, предположим, какое-нибудь, ну, я не знаю, какое-нибудь там разумное существо, скажем, с другой культурной планеты, ну, предположим, с Марса или там с Юпитера, завернет, допустим, ненадолго на нашу скромную землю, — существо это, не привыкшее к нашим земным делам, до крайности изумится течению нашей земной жизни.

Конечно, хочется думать, что это разумное существо в первую очередь и хотя бы в виду обширности наших полей и равнин завернет или упадет именно к нам. И тогда его изумление не будет столь грандиозно.

Но если оно, допустим, по неопытности или там из крайнего любопытства, или, чего доброго, из желания, в силу своей порочности, порезвиться завернет сначала в одну из европейских стран, рассчитывая там отвести свою душеньку, засохшую в мытарствах далеких и строгих планет, то оно, непривычное к таким видам, до крайности поразится в первое же мгновение.

5. Вот, предположим, существо это спустилось, или, придерживаясь более земных понятий, скажем — упало

на своем летательном аппарате куда-нибудь, ну, там поблизости какого-нибудь мирового города, где, так сказать, блеск, треск и иммер элеган.

Сверкают, предположим, лампионы. Вырываются к небу лучи реклам. Блестит на облаках всем на удивление какая-нибудь там световая бутылка с шампанским. Пробка у ней нарочно выскакивает. Световые брызги блестят. Внизу гремит музыка. Поезд грохочет. Визжит там, я извиняюсь, какой-нибудь человечешко, которому отхватило полноги. Сок течет... Автомобиль едет, до отказа наполненный шикарными дамами. Они с хохотом и прибаутками едут куда-нибудь там, ну, я не знаю — в оперу или кабаре, повеселиться. Бравый полисмен оживленно отдает им честь... Где-то мило поют... Где-то раздается выстрел... Где-то плачут, охают и танцуют.

6. Одним словом, грохот, треск и блеск ошеломляют наше приезжее существо, которое тем не менее бесстрашно устремляется вперед, чтоб посмотреть на невиданное дотоле зрелище.

Смешавшись с толпой, наше странное существо идет, предположим, на своих кривых ножках по главной улице.

Ротик у него раскрыт, глазенки вращаются туда и сюда, в сердце, если имеется таковое, неясная тревога сменяется сожалением, что сдуру оставлено насиженное место, и вот — неуютно ли, может быть, чорт знает, что сейчас произойдет.

И вдруг существо видит: подъезжает к подъезду какой-нибудь там шикарный мотор.

7. Три швейцара стремительно выбегают и с превеликим почтением открывают дверцы. И любопытные, затаив дыхание, смотрят на того, кто сейчас оттуда вылезет.

И вдруг из авто, наклонив головку, выпархивает, вообразите себе, этакая куколка, крайне миловидная, красивенькая дама, такая прелестная, как только может представить себе праздничная фантазия мужчины.

В одной ручке у нее крошечный песик, дрожащий черненький фокс-террьер, в другой ручке — кулек с фруктами — ну, там персики, ананасы и груши.

Она выпрыгивает из авто с крайне беспомощными словами: «Ах, упаду!» или «Ах, Алексис, ну где же ты, наконец!»

И вот вслед за ней, кряхтя, плюясь и поминутно сморкаясь, вылезает Алексис на своей хромой ноге. Этакое, представьте себе, грубое животное, этакая у него морда — нос кривой, одной скулы нету, и из глаза гной течет. Нет, он одет модно и элегантно, но, сразу видать, это ему никак не помогает, а, напротив того, усиливает его крайне безобразный вид.

8. И вот все ему тем не менее кланяются в три погибели, все на него восторженно смотрят. Шопот восторга и почтения пробегает по рядам.

— Ах, — говорит швейцар, дрожа от волнения, — какое счастье, господа, что он к нам пожаловал.

А он, этот хромоногий субъект, видать, состарившийся в злодеяниях, небрежно зевая и не закрывая даже своего едала рукой, идет себе на своей кривой ноге, нехотя поглядывая на прелестную даму, которая суть не кто иная, как его жена.

— Пардон. Кто это такое? — испуганно спрашивает наше разумное существо у швейцара. — Это что же будет: какой-нибудь ваш великий ученый или политический деятель, или, может быть, крупный педагог своего времени?

— Педагог, — презрительно говорит швейцар. — Если б педагог, то никакой бы, извиняюсь, суматохи не случилось. У нас педагогов, может быть, с кашей жрут, а это приехавши миллионер.

9. С трудом понимая, что это значит, наше разумное существо узнает, что этот хромоногий субъект, которому оказано столь великое уважение, только тем и замечателен, что он весьма удачно торгует автомобильными

щинами, купленными на те деньги, которые оставил ему его папа.

Не понимая, что это значит, и не желая ломать свои возвышенные мозги, наше разумное существо, рассердившись, решает тогда покинуть землю, где земных обитателей уважают за столь странные и непонятные свойства.

И вот спешит наше приезжее существо обратно к своему летательному аппарату.

И по дороге видит странные сценки. Оно видит шикарных и развязных людей в длинных шубах, подбитых мехом. И людей жалких, бедно одетых, идущих трухлявой, вороватой походкой. Оно видит ребятенка с протянутой лапкой. И роскошного, нахального младенца с свисающими от жира щеками, которого за ручку ведет мама и поминутно кормит то бисквитами, то каким-то мягким шоколадом.

Оно видит картину, наверно привычную и для его потустороннего взора, — оно видит молодую красоточку, поспешно выбежавшую на тротуар и пристающую к мужчинам с надеждой заработать у них на своей миловидности.

10. И, видя все это, наше существо спешит, чтобы сесть в свой аппарат и лететь, куда глаза глядят.

И вдруг оно чувствует, как чья-то рука лезет в его карман, которого, вообще-то говоря, у него и нету, а деньги, по обычаю своей планеты, оно, может быть, держит на груди.

Прижав лапчонкой это место, чтобы не уперли последнее сбережение, наше существо садится в аппарат и, нажав кнопку, поспешно взлетает к ярким небесам, бормоча на своем тарабарском наречии:

— А ну вас, знаете ли, к лешему. Тоже, представьте себе, — планета.

Прощайте, прощайте... До свиданья... Прилетайте почаще. Быть может, в дальнейшем что-нибудь изменится. Привет вашим. Пишите. Заглядывайте к нам. У нас течение жизни идет по-яному.

11. Да, в самом деле, у нас иная жизнь. Нет, у нас есть деньги. У нас на них многое можно купить, но они иначе распределяются между людьми. И у нас нет уважения к тому, кто почему-либо их больше имеет. У нас такую личность уважают за другие качества.

Значит, новая жизнь, новые отношения и новая страница истории.

И вот, стало быть, если это так, — интересно и всем обязательно нужно и полезно посмотреть, что было раньше, раз этого сейчас нету, и что случилось в прошлом, раз больше не хотят, чтоб это происходило в настоящем.

И вот, послунив палец, мы перелистываем пожелтевшие страницы бесстрастной истории.

И тут мы сразу видим, что история знает великое множество удивительных рассказов о деньгах. Однако, прочитав их, мы решительно не можем понять, почему история должна рассказывать об этом беспристрастно. Напротив. Некоторые историйки, на наш взгляд, весьма прекоmicны, и над ними надо смеяться. А есть рассказы, над которыми следует проливать слезы.

Но нет, что вы, мы не собираемся пересказать вам всю историю. Мы расскажем то, что было наиболее смешно, и то, что было наиболее характерным, как нам показалось.

12. Вот, например, извольте прослушать рассказ о силе денег, рассказ о том, как однажды с публичного торга продавался царский трон. Причем не самый, конечно, трон, не мебель, а целое царствование. И каждый желающий богатый субъект, любитель поцарствовать, мог спокойно стать царем. И мог, так сказать, всем на удивление, создать свою собственную какую ни на есть художественную династию. И это случилось не в какой-нибудь там захудалой стране, где, так сказать, ковыль, леса и белки, а не больше, не меньше, как в самом величественном Риме.

Причем это было тем более достойно всякого удивле-

ния, что в то время и трон и царская династия необыкновенно почитались и были, так сказать, нечто божественное, освященное привычками и веками. И уж во всяком случае понятие об этом было несколько иное, чем, извиняюсь, в наши дни. Но тем не менее деньги все же над этим восторжествовали.

Бесстрастная история рассказывает, что в Риме в 193 году нашей эры преторианцы,¹ нуждаясь в деньгах, пустили императорский трон с публичного торга.

Желающих быть императорами оказалось больше, чем следовало ожидать.

13. Мы представляем себе, как при этом горячились жены претендентов на престол. И какие были крики, стоны и вопли и, может быть, даже, извините, драки и побоища. Было, конечно, весьма соблазнительно из полного ничтожества стать вдруг императрицей. Однако два человека вскоре обскакали всех.

Один богатый человек, городской префект Сульпициан, предложил около восьми миллионов рублей за престол.

Однако другой претендент, сенатор Дидий Юлиан, придурковатый и немолодой субъект, жена которого, повидимому, нервно стояла рядом, хриплым голосом, унимая сердцебиение рукой, сказал, что он дает каждому солдату ровно по шесть тысяч двести пятьдесят динариев, что составляло в общей сложности тринадцать миллионов рублей.

Сумма эта вызвала великий энтузиазм в массах, и сенатор Дидий Юлиан, шатающийся от слабости и волнений, получил заманчивый престол.

— Ты просто дурак! — вероятно сказала супруга императору. — Брякнуть тринадцать миллионов! Они бы нам и за девять уступили...

— Ну уж, матушка, почем я знал. Ты бы меня со свету сжила, ежели бы кто другой перебил.

¹ Преторианцами назывались отборные войска — стража римских императоров.

14. Однако со свету сжила его не супруга. А, кое-как процарствовав шестьдесят шесть дней, этот любитель императорской власти неожиданно закончил свое земное существование, — те же преторианцы его умертвили, заколов кинжалами.

— Мерзавцы, — наверно кричал бедняга-император, — что вы, ей-богу, делаете, я же вам, кажется, заплатил сполна.

Однако доблестные воины, надеясь, вероятно, вовлечь в подобную сделку еще следующего богатого дурака, безжалостно прикололи горе-императора, невинная и многострадальная душа которого поспешно взвилась к небу, горько жалуясь господа-богу на величайшее свинство и вопиющую людскую непорядочность.

Свинство же, действительно, было преогромное — за тринадцать миллионов царствовать всего два месяца и после того отдать богу душу. А, впрочем, дурак был отчасти сам виноват, — зачем полез в императоры.

Но в общем трон — это неувидительно.

15. Вот было удивительно, когда церковь стала продавать ордера на отпущение грехов. Это у них уклончиво называлось индульгенциями.

Мы, собственно, не знаем, как возникло это дело. Вероятно, было заседание обедневших церковников, на котором, давась от здорового смеха, кто-нибудь предложил эту смелую идею.

Какой-нибудь там святой докладчик, наверное, в печальных красках обрисовал денежное положение церкви.

Кто-нибудь там несмело предложил брать за вход с посещающих церковь.

Какой-нибудь этакый курносый поп сказал своим гнусавым голосом:

— За вход брать — это они, факт, ходить не будут. А вот, может быть, им при входе чего-нибудь этакое легонькое продавать, дешевенькое, вроде Володи... Что-нибудь вкручивать им...

Кто-нибудь крикнул:

— Дешевенькое тоже денег стоит. А вот, может, нам

с каждого благословения брать? Или: водой морду по-кропил — платите деньги.

16. Но тут вдруг наш курносый поп, фыркая в руку и качаясь от приступов смеха, сказал:

— А, может, нам, братцы, грехи отпущать за деньги? У кого какой грех — мони гонету... И квиток получай на руки... Ай, ей-богу...

Тут, без сомнения, шум поднялся, смешки, возгласы.

Пожалуй, какая-нибудь высушенная ханжа, воздев к небу руки, сказала:

— А как же бог-то, иже еси на небеси?

Курносый говорит:

— А, может, мы для него и стараемся... Я только, братцы, другого боюсь — вдруг не понесут деньги... Народ форменный прохвост пошел.

Но тут, проголосовав, решили испытать это дело. Дело, вопреки сомнениям, двинулось хорошо. И вот этой выгодной торговлишкой церковь усердно занималась в течение многих веков.

Любой грех можно было выкупить за определенную плату.

17. Божественный наместник Христа, некто папа Лев X (1514 год), сильно нуждаясь в деньгах и желая расшевелить эту заглохшую было в его время торговлишку, решил отправить за границу специального человечка, надеясь потрясти карманы состоятельным иностранцам, верующим в святость и непогрешимость церкви.

Этот человек, монах Тецель, объехал все германские владения, бойко торгуя там ордерами на отпущение грехов.

Он ездил на лошади с двумя ящиками. В одном ящике у него были папские грамоты и ярлыки на отпущение грехов — прошлых, настоящих и даже будущих. В другой ящик монах пихал деньги за вырученный товар.

История рассказывает про это зрапство забавный

анекдот, как один германский рыцарь встретил в лесу этого монаха. Этот рыцарь купил у монаха ордер на отпущение того греха, который он намерен исполнить. После чего, избив монаха и отняв у него ящик с деньгами, скрылся.

18. Впрочем, что касается церкви, это тоже не так уж поразительно. По части денег церковь всегда отличалась непомерной жадностью. И самые крупные суммы скапливались в церковных и монастырских недрах и подвалах.

Конечно, попы прошлого, надо сказать, несколько отличались от современных затрушенных служителей культа. Это были яростные молодцы и любители хорошо пожрать и выпить. Многие из них ходили со шпорами, вооруженные мечами и пистолетами, многие ездили на конях, сражались и ворочали политическими делами. И, любя широкую жизнь, загребали деньги с живых и мертвых.

Так что все, что касается церкви, это не так поразительно.

А вот очень интересно читать, как из-за денег произошло падение знаменитого придворного деятеля, кавалера и светлейшего князя, господина Меньшикова.

Вот это было поразительно, как такой опытный волк и царедворец, переживший четырех императоров, много раз попадавший в кражах, взятках и лихоимствах, дважды еле спасшийся от пыток и дыбы, этот, можно сказать, выдавший виды опытный злодей, пропал на совершенно пустом деле.

Поводом к его падению послужила небольшая и весьма даже преглупая денежная история.

19. Надо сказать, что императору Петру II было в то время двенадцать лет. И в день его именин петербургское купечество, не отличаясь фантазией, но желая подольститься к своему царю, подарило ему несколько сот червонцев.

История не говорит, сколько именно червонцев, но то,

что их несли на подносе императору, надо полагать, что это было не очень мало и не очень много, а в меру.

А когда служитель нес эти деньги на подносе, светлейший князь Меншиков имел несчастье и неосторожность встретить его.

— Ты что, дурак, несешь? — наверно спросил Меншиков.

— Так что — деньги.

— Как деньги?! А ну-ка, давай их сюда.

И взял.

— Государь еще слишком мал, — неопределенно добавил Меншиков. — Он еще не понимает, что такое деньги.

Однако, как оказалось, мальчишка-император отлично понимал, что такое деньги.

Узнав о том, что деньги взял себе Меншиков, мальчишка, говорит история, буквально наорал на него.

— Я тебе покажу, что я император! — вскричал разгневанный отрок.

20. Вам живо рисуется эта историческая сценка, достойная быть записанной.

— Да-а, — сказал мальчишка, встретив Меншикова. — Ты что же это мои деньги-то заграбастал? Хитрый какой!

— Ка-акие деньги, ваше величество? Что вы?.. Помилуйте... в глаза-с не видал...

— Да-а... какие! Сам, небось взял, а теперь говорит — «какие»... Это мне принесли, а не тебе.

— Ах, эти деньги... Что купцы вам принесли, ваше величество?

— Да-а... Я император, а не ты... Купцы, может, мне принесли...

— Ах, да, да... вспоминаю, ваше величество... А я их, знаете ли... велел, тово... к себе, тово... отнести. Пущай, думаю, у меня полежат, покуда ваше величество не подрастет.

— Отдай мои деньги, — заревел мальчишка. — Я маме скажу. Я тебе покажу, что я император!

Устрашенный Меншиков побежал к себе, чтобы вернуть эти деньги.

«Смотрите, — думал Меншиков, — такой маленький шкет, а уже так отлично понимает. Прямо не хуже мся. Надо будет, действительно, отдать деньги этой шельме, — пожалуй, беды не оберешься».

21. Однако в тот же день вечером, когда Меншиков явился во дворец, его не приняли. А через несколько дней он был арестован и сослан на вечное жительство в глухую деревню.

Конечно, причины этого падения были более сложны. Тут была борьба придворных партий, однако интересно, что поводом к падению послужил именно этот денежный случай.

История рассказывает, что Меншиков чрезвычайно был напуган, когда его не приняли во дворец.

Сохранилось до наших дней его письмо к императору. В этом письме он буквально унижался и молил о пощаде и предлагал «возвратить деньги с избытком».

Однако двор деньги эти вернул с еще большим избытком, чем предполагал господин Меншиков.

Меншикова лишили всех орденов, чинов и поместий. У него конфисковали буквально несметное богатство — несколько сот пудов золота и около четырнадцати миллионов деньгами.

Оказывается, светлейший князь не зевал и за сорок лет близости к царям лихо награбил себе совершенно сказочное состояние.

Как говорится, поделом вору и мука.

22. Но все это — и трон, и церковь, и политические падения, — все это не более удивительно, чем то, что мы желаем рассказать.

Мы желаем рассказать о том, как сам господин закон почтительно относился к деньгам.

История не знает ничего более поразительного, чем это.

Вот как это у них было согласно истории.

Там у них за уголовные преступления наказаний почти не было. И можно было убивать и так далее. И вместо наказания обвиняемый платил денежный штраф. И его после этого, пожав руку, отпускали. И даже, может, просили почаще заходить.

В общем очень у них было мило в этом смысле. Легко дышалось. Чего угодно можно было делать. Были бы деньги.

Причем такая гуманная система существовала не только в России, но во всем мире. И это длилось целые века.

Только в России в этом смысле слегка перестарались и прямо дошли до ручки. Там это очень привилось. И там даже специальные законы написали и определили, сколько и за что надо платить.

Так что уголовный кодекс выглядел у них все равно как ресторанное меню. Там цена указана за любой проступок. И каждый, согласно указанной цене, мог выбирать себе любое дело по карману.

Однако перестанем шутить и давайте всерьез прочитаем кодекс.

23. Вот зачитайте выписки из «Русской Правды»: ¹

● «Если придет на двор (то есть в суд) человек в крови или в синяках, то свидетелей ему не искать, а обидчик пусть платит продажи ² — три гривны».

Отметим, что гривна не равнялась нашему гривеннику и этот мордобой не оценивался в тридцать копеек, не то все ходили бы с распухшей мордой. Гривна — это был кусок серебра около одной трети фунта.

● «Если кто ударит кого батоном либо чашей, либо рогом, либо тыльной стороной меча, то двенадцать гривен

¹ «Русская Правда», из которой мы делаем выписки, относится к середине XIII века.

² «Продажей» назывался штраф за преступление в пользу князя. Вознаграждение потерпевшему называлось «урок». Штраф за убийство назывался «вирой».

продажи, а если обиженный, не стерпев того, ударит мечом, то вины в том нет».

Штраф этот опять-таки шел в пользу князя, хотя били и не его.

Однако кое на чем мог подзаработать и пострадавший.

● «Если кто поранит другому руку и рука отпадет или отсохнет, или поранит ногу, глаз или нос, то платит виру — двадцать гривен, а потерпевшему — десять гривен».

На этом мелком деле князь имел в два раза больше, чем потерпевший, что нельзя назвать полной справедливостью.

Но были дела, на которых князь терпел явные убытки:

● «Кто отрубит другому какой-либо палец — три гривны продажи, а потерпевшему — десять гривен».

Интересно, что и за палец, и за целую руку потерпевший получал одинаково по десять гривен, а князь на пальцах терял почему-то больше, чем в семь раз.

24. Однако не будем разбираться в этих психологических тонкостях. Деда, небось, туго знали, чего делали.

Но вот поразительно: цены за убийство в общем счете почти не превышали цен за драки и моральные оскорбления.

Вот извольте, преискуронт за убийства. Извиняемся, конечно, за отступление, но уж очень у них интересно и наглядно получается.

Делаем выписки из той же «Русской Правды», записанной в «Новгородской летописи»:

● «Если убьют купчину немца в Новгороде, то за голову десять гривен».

Столь унизительно низкая цена за голову иностранного специалиста в дальнейшем, правда, была доведена до сорока гривен, и убийство интуристов, видимо, стало не всем по карману и не всем доступно, но все же цена была немного больше, чем удар чашей или рогом по отечественной морде.

● «Если кто убьет княжого конюха, повара или подъездного — сорок гривен за голову».

● «Если кто убьет княжого тиуна (приказчика, судью, дворецкого) — двенадцать гривен».

Судя по данным ценам, интеллигенция мало ценилась в те времена. Конюхи и повара стоили несколько дороже.

25. Но все эти цены, можно сказать, были до некоторой степени приличны и не слишком уж роняли человеческое звание и достоинство и стоимость человеческой жизни. Эти цены, так сказать, не заставляли думать о щете человеческой жизни.

Однако же были цены просто из рук вон плохие:

● Если убьют рабочего — пять гривен.

Если убьют смерда (крестьянина) — пять гривен.

За холопа — пять гривен.

За рабу — шесть гривен».

Иной раз, правда, цены за «простых людей» повышались:

● «Кто убьет ремесленника или ремесленницу — двенадцать гривен».

Закон не был чужд и гуманных соображений:

● «Кто убьет кормильца (дядьку) — двенадцать гривен».

Кражи и ограбления также оплачивались всевозможными денежными штрафами.

Причем эти штрафы не превышали двенадцати гривен. И только конокрадство и поджог карались знаменитым наказанием — «потокотом и разграблением». То есть обвиняемого изгоняли из дома и «всем миром» разграбляли его имущество.

26. В общем денежный штраф являлся, сколько можно заключить, единственным возмездием за всякое преступление.

И, конечно, такой закон, действующий в течение многих столетий, без сомнения, отличным образом обра-

ботал сознание у людей, — кто имел побольше денег, тот мог не только своим ближним разбивать морды жердью или там чем угодно, но мог и убивать их и делать все, что ему — заблагорассудится, — закон стоял на страже всевозможных мелких его интересов и душевных потребностей. И мы полагаем, что и в наше время там, где слишком почитается богатство, это высокое, гордое сознание остается неизменным.

Конечно, до революции и в нашей стране любой богатый гражданин с легкостью мог освободиться от самых тяжелых обвинений. И, например, преступления богатых и влиятельных помещиков никогда почти даже и не являлись наружу. Поскольку денежные взятки и связи не доводили дело до суда.

Вот, например, был такой знаменитый случай: калужский губернатор Лопухин (1819 год) за взятки прекращал все дела во вверенной ему губернии. Этот аферист и пройдоха однажды за семь тысяч взялся даже прекратить дело помещика Хитрово, который обвинялся в убийстве.

27. Можно представить, какой был при этом разговор! — Извиняюсь, — сказал, наверно, добродушный губернатор, — только меньше, как за семь тысяч, я не возьмусь.

— Тысченок бы пять, — вздохнувши, говорил помещик. — Лизет, — спросил губернатор супругу, — не помнишь ли, душенька, сколько мы в прошлый раз взяли за этого, ну, как его... которого к медведю... бросили... Четыре? Вот видите, молодой человек, мы четыре тысячи взяли за то, что какой-то там медведь слегка помял дворянина. А тут у вас бог знает что — убийство! Вот не убивали бы — вот, может, я бы и ничего с вас не взял. Это уж ваша неосторожность...

— Ну, ладно, — сказал помещик, — согласен, только вы уж того, поскорей. А то ваши прохвосты каждый день ходят... Беспокоят.

— А вы их в морду, — сказал губернатор, пряча деньги.

В общем это дело всемогущий губернатор действительно прекратил. Правда, если бы речь шла об убийстве, ну, скажем, «смерда» или наемного рабочего, то дело бы окончательно заглохло, но помещик имел неосторожность уgroбить дворянина. И дело случайно просочилось и стало известным в Петербурге.

Александр I велел отдать Лопухина под суд. Больше года тянулось это каверзное дело, и окончилось оно ничем. Вернее, у прохвоста-губернатора оказался родственник председатель Государственного совета, и Сенат не захотел портить с ним отношений. Дело об этом подлеще так и заглохло. И тем более заглохло дело об убийстве.

28. Итак, если господин закон столь почтительно и робко относился к людям, имеющим деньги, и деньгами можно было оплатить всякое свое преступление, то, сами посудите, что тяга и стремление к деньгам были весьма серьезным делом. И, действительно, в этом смысле люди сильно преуспевали и в этом деле, можно сказать, довели свою фантазию до крайних пределов возможного. Но тут, так сказать, мораль у них сильно раскололась. С одной стороны, нужно было хапнуть деньги для того, чтобы жить честно и быть в безопасности от превратностей жизни, а с другой стороны, добыча денег почти всегда была связана с преступлением. Тут можно было растеряться. Поэтому бедняга человек, награбив деньги и сразу забывши обо всем, лепетал высокие слова о совести и чести и писал об этом законы, а до этих пор вполне мог и был способен с легкостью зарезать родного папу, чтоб воспользоваться его имуществом.

И, скажем прямо, такое сильное стремление к деньгам было таким, что никакое другое дело не могло хотя бы сколько-нибудь с этим равняться.

То есть никаких преград не существовало для достижения денег.

29. Скажем прямо: в смысле добычи денег — это ужас, что делалось на протяжении всей истории.

В свое время знаменитый писатель Карамзин так сказал: «Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать: воруют».

Однако мы не будем, конечно, говорить о профессиональных ворах и грабителях — так сказать, специалистах по доставанию денег, — дело это повседневное и мало удивительное. Но мы хотим обратить ваше благосклонное внимание на несколько почтенных и уважаемых фигур, воровство и грабежи которых являются некоторой, что ли, неожиданностью.

Мы уже имели честь говорить о Меншикове. Этот пройдоха за одно только царствование Петра I четыре раза был под судом за кражи, взятки и лихоимство. Петр снисходительно относился к своему любимцу и всякий раз спасал его от казни. Но, например, одного штрафа по суду господин Меншиков заплатил около трехсот тысяч рублей. Если не врут историки. А сумма эта по тем временам неслыханная. Так можете себе представить, сколько упер этот тип, если был такой штраф.

Но вот взгляните на пресветлую фигуру тех времен — на господина Петра Толстого. Сей почтенный господин был сподвижник Петра I, наш уважаемый посол в Константинополе, крупнейший деятель того времени, человек умный и даже отмеченный многими талантами. И, скажем к слову, — прапрадед нашего Л. Н. Толстого, что не помешало ему быть изрядным арапом.

30. При отъезде его послом в Константинополь (в 1705 году) он получил на подкуп турецких сановников двести тысяч червонцев. И, как установлено, больше чем половину денег он присвоил себе.

Наверно он подумал: «Чем я буду каким-то неизвестным туркам платить, дай-ка я возьму себе за труды».

Однако один его подьячий, Тимофеев, сделал на него донос. Этот донос Толстой успел перехватить. И, чтоб спрятать концы в воду, отравил своего этого беднягу-подьячего.

И об этом отравлении лично донес в посольский при-

каз, мотивируя свое убийство тем, что подьячий хотел будто бы обратиться в магометанство. История сохранила этот на редкость любопытный документ — письмо П. Толстого (от 10 июня 1706 года).

Господин Толстой писал:

«...Подьячий Тимофеев намеревался было стать бурсманом, о котором его намерении бог мне помог увидеть. Позвав его к себе, тайно запер его у себя в избе, где сплю, до ночи. А в ночь он выпил рюмок вина, скоро умер и тем сохранил нас от такой беды...»

Это хитрое письмо написано, как видите, по правилам дипломатии, без особого нажима на совершившийся факт. А факт был таков, что Толстой, заперев подьячего в комнате, дал ему бутылку отравленного вина. Дурак-подьячий, хлебнув этого вина, вскоре отдал богу свою праведную душу. И тем самым, можно сказать, сохранил Толстого от беды.

31. Но пойдем дальше. Дело об убийстве подьячего заглохло, поскольку мотивировка убийства была сделана с полным знанием дела. Переход человека в иную веру для русского правительства всегда казался каким-то предельно человеческой подлостью. Это обижало правительство. И вселяло в них неуверенность, дескать, они не так хороши со своей религией и хозяйством, что от них бегут.

Однако через месяц посольский секретарь также не побоялся написать донос на Толстого. Эта крупная кража червонцев, видимо, слишком подействовала на окружающих, с которыми Толстой не изволил поделиться.

Тогда Толстой отравил и этого несчастного секретаря. И снова сам сообщил в посольский приказ, что секретарь будто бы имел секретные отношения с турецким визирем и, желая замести следы, сделал донос на него, в сущности ни в чем неповинного человека.

Дело пошло в Петербург, однако Петр I, давно уже переставший удивляться таким делам, посмотрел на все это сквозь пальцы и велел следствие прекратить.

Вероятно, на фоне других фигур Толстой был еще довольно светлой личностью. Воображаем, какие там были остальные.

В общем госпожа история знает такое великое множество случаев преступлений, связанных с деньгами, что нет возможности пересказать все это.

32. И мы не будем этим утруждать ваше благосклонное внимание и не будем портить вам благодушного настроения перечислением всего того, что мы знаем об этом. Все, так сказать, и так достаточно ясно. Вопросов, как говорится, не имеем. Скажем только, что стремление к деньгам — это одна из самых сильных и могучих страстей, которые потрясли и потрясают уважаемое человечество.

И эту сильную страсть государство иной раз отлично умело использовать для достижения своих мелких нуждшек. И если, например, нужно было поймать какого-нибудь государственного преступника, первое, что делалось, — объявлялась цена за его голову.

Чуть не на каждой странице истории имеются цены за ту или иную голову.

Например, однажды римский диктатор Сулла (83 год до нашей эры), захватив власть в свои руки, приказал истребить всех приверженцев своего врага и соперника Мариа. А для того, чтобы никто не избег этого истребления, Сулла, будучи большим знатоком жизни и человеческих душ, назначил необычайно высокую цену за каждую голову.

Он объявил, что за каждого убитого он заплатит по двенадцать тысяч динариев (около пяти тысяч рублей золотом).

33. Эта высокая цена столь подействовала на воображение граждан, что (история рассказывает) «убийцы ежечасно входили в дом Суллы, неся в руках отрубленные головы».

Мы приблизительно представляем себе, как это было:

— Сюда, что ли?.. С головой-то... — говорил убийца, робко стуча в дверь.

Господин Сулла, сидя в кресле в легкой своей тунике и в сандалиях на босу ногу, напевая легкомысленные арийки, просматривал списки осужденных, делая там отметки и птички на полях.

Раб почтительно докладывал:

— Там опять явились... с головой... Принимать, что ли?

— Зови.

Входит убийца, бережно держа в руках драгоценную ношу.

— Позволь! — говорит Сулла: — ты чего принес? Это что?

— Обыкновенно-с... Голова...

— Сам вижу, что голова. Да какая это голова? Ты что мне тычешь?

— Обыкновенная-с голова... Как велели приказать...

— Велели... Да этой головы у меня и в списках-то нет. Это чья голова? Господин секретарь, будьте любезны посмотреть, что это за голова.

— Какая-то, видать, посторонняя голова, — говорит секретарь, — не могу знать... Голова неизвестного происхождения, видать, отрезанная у какого-нибудь мужчины.

34. Убийца робко извинялся.

— Извиняюсь... Не на того, наверно, напоролся. Бывают, конечно, ошибки, ежели спешка. Возьмите тогда вот эту головку. Вот эта головка без сомнения правильная. Она у меня взята у одного сенатора.

— Ну, вот это другое дело, — говорил Сулла, ставя в списках галочку против имени сенатора. — Дайте ему там двенадцать тысяч... Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то...

— Извиняюсь... подвернулся.

— Подвернулся... Это каждый настрижет у прохожих голов, — денег не напасешься.

Убийца, получив деньги и захватив случайную голову, уходил, почтительно кланяясь своему патрону.

В общем больше двух тысяч голов было доставлено Сулле в течение нескольких недель.

История бесстрастно добавляет, что никто не избег своей печальной участи.

35. Но однажды, полвека спустя (43 год до нашей эры), когда цена за голову случайно скакнула еще выше, произошла такая резня, что, кажется, мир не знал ничего подобного.

Римский консул Марк Антоний после убийства Юлия Цезаря предназначил к смерти триста сенаторов и две тысячи всадников. И, идя по стопам господина Суллы, объявил, что будет платить высокую плату с тем, чтобы объявленных в списках уничтожили в короткий срок.

Цена за голову, действительно, назначена была поразительно высокая — двадцать пять тысяч динариев (около восьми тысяч рублей). Рабам же, чтоб понимали свое низкое положение при убийстве высоких господ, полагалось меньше — тысяча динариев.

Тут страшно представить, что произошло. История говорит, что сыновья убивали своих отцов. Жены отрубали головы спящим мужьям. Должники ловили и убивали на улице своих кредиторов. Рабы подкарауливали своих хозяев. И все улицы были буквально залиты кровью.

Цена, действительно, была слишком уж высокая. Мы имеем мнение, что в течение месяца люди перебили бы друг друга, если бы государство продолжало так платить.

Однако история знает еще более высокую цену. Так, например, за голову знаменитого Цицерона, величайшего из римских ораторов, было назначено пятьдесят тысяч динариев.

Эта отрубленная голова была торжественно поставлена на стол. И жена Марка Антония, эта бешеная и преступная бабенка, проткнула язык Цицерона булавкой, говоря: «Пусть он теперь поговорит».

36. Но самая высокая цена была назначена однажды за голову английского короля Карла I. Карла I выдали за четыреста тысяч фунтов стерлингов (около четырех миллионов). Но тут, пожалуй, меньше нельзя было взять — два государства усердно торговались в течение месяца. И Шотландия, куда бежал Карл, выдала его Англии, поступившись своими христианскими взглядами за четыре миллиона. Карлу I отрубили голову. И мы представляем, с какими предосторожностями рубили эту слишком драгоценную голову.

Однако нас, конечно, интересует не цена, а способ, которым пользовались.

Наполеон за голову знаменитого тирольца Гофера, поднявшего народное восстание за независимость страны, посулил заплатить всего что-то около двух тысяч рублей. Тем не менее, Гофер, укрывавшийся в горах, уже через два дня был пойман своими же тирольцами. Он был выдан французам и ими расстрелян (1810 год).

И вот, этим милым денежным способом пользовались во все времена на протяжении всей истории, даже новейшей.

Любопытно, что за голову русского провокатора Дегаева¹ (1874 год) царское правительство назначило очень крупную сумму.

На улицах Петербурга были расклеены афиши с его портретом. За указание местонахождения назначалась награда в пять тысяч рублей, а за «содействие к поимке» — десять тысяч рублей золотом.

Однако этот мрачный подлец Дегаев избежал своей участи. Он бежал в Америку и там умер своей смертью, так сказать, при нотариусе и враче.

37. Итак, на этом прекращаем наши исторические новеллы. Скажем только вдобавок ко всему, что во все вре-

¹ Дегаев был член партии Народной воли. За провокаторскую деятельность он был приговорен партией к смерти. Желая избежать смерти, он предложил убить начальника охранного отделения Судейкина, что и сделал.

мена и при всех обстоятельствах деньги были подчас единственным средством для достижения самых нитруднейших задач. За деньги продавались должности и люди. За деньги можно было купить себе графский титул и всякие удивительные возможности. Например, можно было позавтракать с царем или с царицей, если, скажем, пожертвовать крупную сумму на что-нибудь такое полезное. В общем все двери и сердца раскрывались перед этим. И провокаторы продавали остатки своей совести. И все вообще продавалось. И деньги были, так сказать, форменным образом вместилищем всякой человеческой пакости. И нередко самые темные дельцы, имея деньги, всплывали на поверхность государственной жизни и распоряжались судьбами целого государства.

Был между прочим знаменитый случай, когда бандит, спекулянт и самый беззастенчивый авантюрист шотландец Лоу (1716 год), сколотивший себе темными средствами несколько миллионов, был назначен во Франции генерал-контролером финансов.

И мы думаем, что, порывшись в заграничных делах нашего времени, мы найдем немало подобных случаев.

38. В общем, перелистав всю историю, мы не увидели ни одного случая, когда бы деньги потерпели крах или поражение.

Впрочем, об одном замечательном поражении мы вам можем рассказать такую интересную новеллу.

Это произошло со знаменитым ювелиром и скульптором Бенвенуто Челлини.

Папский двор, желая наконец освободиться от крайне беспокойного художника, решил умертвить его. А Челлини сидел в это время в тюрьме по обвинению в краже казенного золота. Челлини, конечно, считал себя безвинно пострадавшим, однако, мы не дали бы поручительства за него. Разве что из уважения к его гению — покривили бы душой.

И вот попы решили воспользоваться случаем, чтоб покончить с ювелиром. Он долгие годы досаждал им своим дерзким поведением.

И вот решили умертвить его, но таким образом, чтобы смерть эта была бы сколько-нибудь похожа на естественный конец. Яд в этом деле не был пригоден. Признаки отравления ядом слишком заметны. Возникли бы толки и пересуды, коих не желал честный и богобоязненный папа. Все-таки неудобно: папа, высшие идеалы, «Христос воскрес» — и вдруг грубое убийство. Хотелось, одним словом, сделать тихо, бесшумно и, главное, с христианским смирением.

И вот тогда вместо яда решили заключенному дать в пищу толченый алмаз. Это было уже испытанное средство: человек умирал как бы от колик и расстройства желудка.

39. И вот этот алмаз папский двор дал одному ювелиру для того, чтобы тот растолок нелегко поддающийся этому камень.

Пройдоха-ювелир, желая заработать на этом деле, растолок вместо полученного алмаза более мягкий и менее драгоценный камень — голубой берилл. Корыстный мастер заработал на этом пару золотых, а что касается Б. Челлини, то тот, проглотив с пищей этот растолченный мягкий камень, остался жив на пользу страждущего человечества.

Хотя Челлини и пережил, как он пишет, огромный страх близкой смерти, но потом, как опытный ювелир, он распознал в растолченном камне голубой берилл, а не алмаз, который был бы смертелен.

Вот, пожалуй, единственный случай, когда деньги не сыграли той роли, какая им была предназначена.

Но зато они сыграли ту же роль, но только для другого. Так что сияние денег от этого не померкло.

Однако мы знаем один случай, когда деньги в своем могуществе потерпели ужасный крах. И тут уже ничто на помощь не пришло. Вот как это было.

40. И это даже не новелла, а целая симфония.

Речь идет о закате и падении великого Рима.

В ту, можно сказать, грозную эпоху денги сыграли некоторую роль.

Историки рассказывают, что в Риме вдруг скопились огромные суммы. Дело в том, что Рим перед этим одержал большие победы в Азии и в Македонии. И благодаря этому Рим разбогател. Громадные контрибуции и грабежи в завоеванных землях создали в Риме необыкновенный прилив денег. И тогда Сенат, видя, что дела идут у них весьма хорошо, освободил все население на двадцать четыре года от всех налогов и поборов. Это необычайным образом вдохновило богачей и спекулянтов.

Которые имели денги — захотели иметь еще больше. Многие бросились в рискованные спекуляции. И стали давить с еще большей силой неимущий класс. И Рим, как сообщает история, стал задыхаться в деньгах. И тогда начался разгул и, прямо скажем, вакханалия.

Денежные аристократы, пресыщенные удовольствиями, устраивали неслыханные оргии и пиршества.

Для столов богачей стали привозить изысканные предметы роскоши.

Знаменитый римский цензор Порций Катон одной фразой определил положение государства. Он сказал: «Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, помочь уже ничем нельзя».

41. Так и случилось — Риму ничто не помогло. И Рим вскоре потерял свое мировое значение.

Вот что рассказывает история о денгах.

Она рассказывает о великих злодеяниях, о преступлениях и убийствах. Она рассказывает о гибели народов, о возвеличении подлецов и темных проходимцев и о всех, больших и малых потрясениях, которые нещадно нанесли людям денги.

И мы, простите, не верим, что сейчас это совсем не так происходит, как это происходило раньше. Мы имеем

мнение, что именно так и происходит. А что касается до нашей страны, то у нас этого нету, и по этой причине нам, так сказать, с горы видней.

Но мы, конечно, не строим свою философию на морали. Мы, любезный читатель, не делим жизнь и дела на добро и зло. И не говорим ах или ох. А мы нашу пресветлую жизнь делим более грубо: на хорошую и плохую.

И вот, с добросовестным и прилежным старанием прочитав историю, мы заметили, что даже при таком делении хорошего было слишком мало, а плохого было достаточно повсюду и куда ни плюнь.

И мы имеем скромное мнение, что это плохое произошло, пожалуй, даже не из-за денег, а из-за удивительной системы, или, вернее, из-за распределения денег, которые проходили не через те руки, через которые им надлежало проходить.

42. Но, ах, мы вдруг в тумане будущего видим снисходительную и кривую усмешку человека, который утонченными пальцами перелистывает горестные страницы варварской истории, в которой деньги, можно сказать, затмили солнце, звезды, луну и вполне уважаемую человеческую личность. И даже любовь, о которой мы имеем намерение кое-что рассказать вам в следующем отделе.

Но мы не хотим заниматься бесцельными речами, рассуждениями и восклицаниями.

Скажем прямо, что деньги играют и будут еще играть преогромную роль даже и в нашей измененной жизни. И нам (совестно признаться) не совсем ясны те торжественные дни, когда этого не будет. И нам лично, собственно, даже и неизвестно и несовсем понятно, как это произойдет и что при этом каждый будет делать. И как это вообще пойдет.

Но мы должны сказать, что у нас многие печальные дела, связанные с деньгами, вернее — с богатством, уже безвозвратно исчезли. И мы освободились от многих опасностей и превратностей жизни. И мы снимаем шапку перед этими обстоятельствами.

43. Но деньги, мы повторяем, играют у нас изрядную роль, и за них совершаются и происходят многие комичные и варварские историйки, о которых мы вам и собираемся рассказать.

Давайте же посмотрим, какие это историйки.

А перед тем отметим, что мы, почтенный критик, возьмем для этого отрицательные факты. А что касается до положительных сторон, то мы тебя, как пресветлую личность, желающую все время читать только хорошие и достойные случаи, с легким сердцем отсылаем к пятому отделу, что имеется у нас в конце книги. И там твое усталое сердце успокоится от всего хорошего.

Итак, начинаются наши юмористические рассказы о деньгах.

Любезный читатель, побереги свои карманы.

Рассказы о Денгах

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО ¹

Конечно, плата, она как-то ограничивает человека в его фантазиях. Она борется с излишествами, с проявлением разных темных сторон характеров. Она, в этом смысле, имеет свои светлые стороны. Она лакирует жизнь.

Вот если подумать, что с завтрашнего дня трамвай будет бесплатный, то, нет сомнения, что для многих граждан просто закроется доступ к этому дешевому передвижению. Конечно, оно и сейчас, мягко говоря, не так уж симпатично ехать в трамвае, а тогда и подавно будет немыслимо. Тут не только, я извиняюсь, на подножках, тут на электрической дуге будут ехать.

Другому вовсе и не надо ехать, — ему всего два шага шагнуть. Ему это для прогулки очень полезно, а он непременно поедет. Он непременно захочет проявить свою угнетенную амбицию. И он вопреется в самую гущу человеческих тел и поедет, хотя его могут там задавить до смерти. Но это ему неважно. Ему бы только поехать. А там хоть трава не расти.

И он ведь, заметьте, до конца рейса доедет, хоть это ему и не надо. А если трамвай круговой, так он, я так думаю, весь круг обернет, а то и два загнет, прежде чем добровольно слезет на своей остановке. Вот какие бывают

¹ Часть повелл, помещенных здесь, написана мною специально для «Голубой книги». Другая часть повелл — переработка моих рассказов прежних годов.

люди. Некоторые по три круга станут погибать. А некоторых вообще будет не выкурить с трамвая. Они, может, даже спать там лягут. Они до остервенения дойдут, если объявить, что это даром.

Нет, по-моему, надо менять свои характеры. По-моему, это отблеск буржуазной культуры. И с этим надо энергично бороться и переделывать свою психику.

Вот давеча я сам, не целиком переделавши свою психику, съел на одном банкете что-то такое, кажется, кружков десять мороженого. И после недели две разогнуть тела не мог.

Так что я эти слова заявляю, лично продумавши и все испытавши.

Я как-то такое видел на одной площади бесплатную карусель. Она была поставлена как раз в акурат против церкви. Наверное, чтоб верующие могли развлечься, а безбожники могли бы, не заходя в храм, провести культурно время.

Так там очень серьезные дела происходили. Многое-то, конечно, не знали, что карусель даром. И потому стеснялись заходить. А которые знали, то на тех прямо удержу не было.

Я видел одного парнишку, которого оттягивали, и то он не шел.

Он, как сел на деревянную кобылку, так прямо как прилип к ней и мотался на ней часа три. Только когда он совсем сомлел и стал белый, как глина, он позволил себя снять своим друзьям. И то брыкался и не хотел допустить, чтобы его сняли.

Ну, конечно, его положили на землю, он дышал, как рыба, и смотрел на небо, еле чего понимая. Но потом, оправившись, обратно полез на лошадь, и крутился до тех пор, пока снова не захворал. И то после этого не сразу слез. А он слез только тогда, когда «в Ригу поехал».

Тут волей-неволей ему пришлось слезть. А то публика стала обижаться, говоря, что при вращении карусели оно как-то не того получается. А то бы он не слез. Но тут

его сторож стянул и даже, кажется, заехал в морду за недопустимое безобразие.

После чего паренёк долго лежал на брюхе, надеясь, отдохнув, ещё малость покрутиться. Но потом, видимо, не совладав с пошатнувшимся здоровьем, попер домой.

Так что, вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверно, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет.

Так что все в порядке. «Потолок» имеется. Пламенный привет молодым людям, переделывающим свои характеры.

Что касается престарелых людей, то мы про них не говорим. Они, воспитанные на прежних денежных делах, сами понимают в этом меру и чуть что хватаются всякий раз за карман. Но зато они не понимают меру в смысле доставания денег. Вот тут они прямо способны на всякое безобразие. Вот, извольте, расскажу про одну старушечку, которая дошла до крайних пределов выдумки и свинства в этом деле. Вот каким мерзким способом она доставала деньги.

РАССКАЗ ПРО НИАНЮ, ИЛИ ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ У ЭТОЙ ПРОФЕССИИ

Конечно, старый человек не всегда может попасть в ногу с новой жизнью.

Это особенно почему-то относится к старухам. Вот этот старческий материал вообще, надо честно сказать, как-то слабо разбирается в современных течениях. Перед ихними старческими глазами какие-то, что ли, круги плавают, или мошки, или пес их знает что, но только им как бы не до того. Они не слишком-то задумываются о грядущих судьбах человечества. И они тем более гимнастикой не могут заниматься, отчего часто подвержены меланхолии и политической немощности.

Вообще надо сказать, что старухи, воспитанные на прежних капиталистических делах, зачастую решительно отказываются перестраиваться и буквально не хотят хотя бы слегка, что ли, изменить свою закостенелую психику. Они, зная себе, гнут то, чего было раньше, и не понимают то, чего есть, и то, чего решительно не может быть.

Особенно если речь идет о деньгах. Если речь идет о деньгах, то это конченное дело. Тут никакие советы не помогут. Старый человек, он любит заработать, скопить, и вообще у него при виде денег руки дрожат, и ноги подгибаются.

И не только, скажем, глубоко дряхлые старухи гнут эту прежнюю линию, но и более молодые, которым, может, там по сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять лет. Эти тоже малодоступны перевоспитанию.

На этой почве на-днях произошло одно прямо возмутительное дело у нас в Ленинграде.

Тут такие супруги Фарфоровы имели няню. Они взяли ее до своего ребенка. Они сами не могли своему ребенку обеспечить уход и ласку. Они оба-два служили на производстве.

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может, полтораста брал. И она не меньше ста огребала.

И вот при такой ситуации у них происходит рождение ребенка.

Вот родился у них ребенок, как таковой, и, конечно, пришлось до него взять няню. А то бы, конечно, они не взяли.

Тем более у них даже такой привычки не было — брать себе няnek. Они не понимали такого барства.

Но тут тем более им выгодней было иметь няню, чем самой мадам Фарфоровой покинуть место службы и удалиться с производства.

И вот, конечно, определилась к ним няня.

Не очень такая старая и не очень такая молодая. Одним словом, пожилая и довольно-таки на вид страшненькая.

Но за безобразной внешностью Фарфоровы вскоре увидели у нее доброе сердце. И никак не могли предвидеть, что за гадюку они пригрели на своей груди.

А они, конечно, нарочно взяли себе такую некрасивую, чтоб она не шляется и чтобы не имела личного счастья и чтоб только смотрела на ихнего младенца.

И тем более они ее взяли по рекомендации. И там им сказали — дескать, это вполне непьющая, пожилая, некрасивая старуха. И, дескать, она любит детей и прямо с рук их не спускает. И даром, что это старуха, но это такая старуха, что она вполне достойна войти в новое бесклассовое общество.

Это им так сказали. Но они еще не имели своего мнения.

И вот они берут себе эту няню и видят, действительно, золото, а не няня. Тем более, она сразу полюбила ребенка. Все время с ним ходит, с рук не спускает и прямо гуляет с ним до ночи.

А Фарфоровы, являясь передовыми людьми, не перечили в этом. Они понимали, что воздух и гулянье вполне укрепляют организм ихнему младенцу. И думают: «Пожалуйста. Пушай гуляет. Тем более мы будем реже видеть ее зверскую харю».

И вот происходит такая ситуация.

Утром родители на производство, а ихняя няня берет младенца, берет пузырек с коровьим молоком и идет гулять по улицам Ленинграда. И гуляет с ним прямо до глубокой ночи.

Только раз однажды идет по улице член правления Цаплин. Он — с домкома. Он — одна из главных фигур в правлении.

Вот он идет по улице, думает, может, там про свои интимные дела или там, кого бы из вверенных ему жильцов на черную доску занести как злостного неплательщика. И вдруг — смотрит — что такое? Стоит на углу потрепанная старуха. Держит она на своих руках младенца. И под этого младенца она просит. Некоторые прохожие при виде этого зрелища отворачиваются, а не-

которые, сочувствуя чужой беде, подают ей монетку или две на пропитание. А та им кланяется. И показывает младенца — дескать, не для себя прошу, а вот для этого.

Семен Михайлович Цаплин давать ей не хотел, он просто так поглядел на ее личность. И видит, личность будто знакомая. И глядит — да, действительно, это суть няня с Фарфоровским ребенком. Тем более обознаться трудно — морда у нее такая, что очень глубоко в душу западает.

Член правления Цаплин ничего ей на это не сказал и вообще ни копейки не подал, но повернулся и пошел обратно домой.

Неизвестно, как он дожил до вечера, но вечером говорит самому Фарфорову:

— Я, — говорит, — чересчур удивляюсь, уважаемый товарищ, но, — говорит, — или вы своей домработнице денег не платите, или, — говорит, — я не пойму подобной ситуации. А если, — говорит, — вы ее нарочно засылаете под ребенка просить, то вы, — говорит, — есть определенно чуждая прослойка в нашем пролетарском доме.

Фарфоров, конечно, говорит:

— Я извиняюсь, об чем речь? Про что вы говорите — я чего-то не пойму.

Тогда член правления говорит про то, чего видел, и про то, чего переживал, наблюдая подобное зрелище.

Тут происходят разные сцены. Происходят крики и улыбки. И все выясняется.

Тогда зовут няню. Ей говорят:

— Как же так можно? Вы что — обалдели? Или вы ненормальная, и у вас в голове не все дома.

Няня говорит:

— В этом пороку нет. Так ли я стою, или мне сердобольные прохожие в руку дают. Я, — говорит, — прямо не пойму, об чем разговор. Ребенок через это не страдает. И, может, ему даже забавно видеть такое вращение людей вокруг себя.

Фарфоров говорит:

— Да, но я не хочу своему ребенку присваивать такие взгляды с детских лет. Я не позволю вам производить такие действия.

Мадам Фарфорова, прижимая своего ребенка к груди, говорит:

— Нам это в высшей степени оскорбительно. Мы вас выгоняем со своего места.

Цаплин говорит:

— А я как член правления скажу: вы всецело правы выгнать эту бешеную няньку.

Старуха говорит:

— Ах, подумаешь, до чего испугали! Нянь нынче очень много — меня, может, с руками оторвут. А я под вашего щенка едва трешку зарабатывала, а уж упреков не оберешься. Я от вас сама уйду, поскольку вы какие-то бесчувственные подлецы, а не хозяева.

После этих слов Фарфоров, рассердившись, накричал на нее и даже хотел из ее слабого тела вытряхнуть старческую душонку, но член правления ему не разрешил. После чего ее с позором выгнали. Так она и ушла и рекомендации не взяла, и неизвестно, куда поступила. Но, наверное, она снова где-нибудь нянчит младенца и под него подходяще зарабатывает.

Наверное, ей дозарезу нужны деньги, иначе прямо трудно объяснить ее поведение. А на что ей деньги — этого я прямо не пойму. Старуха сыта, одета, валенки имеет, жалование получает, это прямо ее какой-нибудь каприз и, главное, наверное, прежнее мелкобуржуазное воспитание, бессмысленная тяга к деньгам и неправильное мировоззрение.

Я еще понимаю, если у нее есть какая-нибудь благородная цель. Вот если бывает цель, тогда я могу снисходительно отнестись к подобным фактам в смысле доставания денег.

И я однажды, как мы сейчас увидим из следующего рассказа, весьма снисходительно и терпимо отнесся к подобному случаю, о котором мы имеем намерение вам рассказать сейчас.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Стою я раз в кино и дожидаюсь одну даму.

Тут, надо сказать, одна особа нам понравилась. Такая довольно интересная бездетная девица. Служащая.

Ну, конечно, любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: «Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит... Примите, милая, привет мой... И что-то такое, не помню — та-та-та... болит...»

Любовь в этом смысле всегда отрицательно отражается на мировоззрении отдельных граждан. Замечается иной раз нытье и разные гуманные чувства. Наблюдается какая-то жалость к людям и к рыбам и желание им помочь. И сердце делается какое-то чувствительное. Что совершенно излишне в наши дни.

Так вот раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаюсь свою даму.

А она, поскольку служащая и не слишком дорожит местом, — она любит опаздывать. На службе-то, конечно, за это строго. Ну, а тут она знает — за два опоздания ее не уволят. Вот она и отыгрывается на личной почве и на гуманных чувствах.

Так вот стою, как дурак, в кино и дожидаюсь.

Так очередь у кассы струится. Так дверь раскрыта на улицу — заходите. Так я стою. И как-то так энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подшутить или схватить за нос. На душе пенье раздается, и сердце разрывается от счастья.

И вдруг вижу — стоит около входной двери бедно одетая старушка. Такой у нее рваненький ватерпруф, облезлая муфточка, дырявые старинные башмачонки.

И стоит эта старушка скромно у двери и жалостными глазами смотрит на входящих, ожидая, не подадут ли.

Другие на ее месте обыкновенно нахально стоят, нарочно поют тонкими голосами или бормочут какие-нибудь

французские слова, а эта стоит скромно и даже как-то стыдливо.

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе.

И у самого от полноты чувств слезы, как брильянты, блестят в глазах.

Старушка поглядела на рубль и говорит:

— Это что?

— Вот, — говорю, — примите, мамаша, от неизвестного.

И вдруг вижу — у ней вспыхнули щеки от глубокого волнения.

— Странно, — говорит, — я, кажется, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете?.. Может быть, я дочку жду — собираюсь с ней в кино пойти. Очень, — говорит, — обидно подобные факты видеть.

Я говорю:

— Извиняюсь... Как же так... Я прямо сам не понимаю... Пардон... — говорю. — Прямо спутался. Не поймешь, кому чего надо. И кто за чем стоит. Шутка ли, столько народу...

Но старуха поднимает голос до полного визга.

— Это что же, — говорит, — в кино не пойдешь — оскорбляют личность! Как, — говорит, — у вас руки не отсохнут производить такие жесты? Да я лучше подожду дочку и в другое кино с ней пойду, чем я буду с вами сидеть рядом и дышать зараженным воздухом.

Я хватаю ее за руки, извиняюсь и прошу прощения. И поскорей отхожу в сторонку, а то, думаю, еще, чего доброго, заметут в милицию, а я даму жду.

Вскоре приходит моя дама. А я стою скучный и бледный, и даже несколько обалдевший, и стыжусь по сторонам глядеть, чтобы не увидеть моей оскорбленной старухи.

Вот я беру билет и мелким шагом волочусь за своей дамой.

Вдруг подходит ко мне кто-то сзади и берет меня за локоть.

Я хочу развернуться, чтоб уйти, но вдруг вижу — передо мной старуха.

— Извиняюсь, — говорит она, — это вы ли мне давеча рубль давали?

Я что-то невнятное лепечу, а она продолжает:

— Тут не помню кто-то мне давал сейчас рубль... Кажется, вы. Если вы, тогда ладно, дайте. Тут дочка не рассчитала, а вторые места дороже, чем мы думали. А в третьих местах я ничего не увижу по причине слабости глаз. Прямо хоть уходи. Извиняюсь, — говорит, — что напомнила.

Я вынимаю кошелек, но моя дама впускает следующие слова:

— Совершенно, — говорит, — не к чему швыряться деньгами. Уж если на то пошло, я лучше нарзану в буфете вышью.

Я говорю:

— Нарзан вы получите, не скулите. Но рубль я должен дать. Мало ли какие бывают денежные заминки. Надо, — говорю, — по-товарищески относиться.

Нет, я все-таки дал старухе рубль, и мы, в растрепанных чувствах, стали глядеть картину.

Под музыку дама меня пилила, говоря, что за две недели знакомства я ей пузырек одеколону не мог купить, а, между прочим, пыль в глаза пускаю и раздаю рубли направо и налево.

Под конец стали показывать веселую комедию, и мы, забыв обо всем, весело хохотали.

А эта старуха сидела со своей дочкой недалеко от нас и тоже иногда весело похрюкивала.

И я был очень рад, что доставил ей это культурное удовольствие. И даже если бы она у меня попросила два рубля, я бы тоже ей дал, не моргнув глазом.

Но в общем это мелкий факт, а что касается до крупных дел, связанных с деньгами, то мы, например, знаем такой нижеследующий случай.

Вот забавная новелла, при чтении которой любители таинственного получают кой-какое удовольствие.

ТАИНСВЕННАЯ ИСТОРИЯ, КОНЧИВШАЯСЯ ДЛЯ ОДНИХ ПЕЧАЛЬНО, ДЛЯ ДРУГИХ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО

Про эту таинственную историю рассказал мне один врач по внутренним и детским болезням.

Это был врач довольно старенький и весь седой. Через этот факт он поседел или вообще поседел — неизвестно. Только, действительно, был он седой, и голос у него был сильный и надломленный.

То же и насчет голоса. Неизвестно, на чем голос он пропил. На факте или вообще.

Но дело не в этом.

А сидит раз этот врач в своем кабинете и думает свои грустные мысли:

«Пациент-то, — думает, — нынче нестойкий пошел. То есть каждый норовит по страхкарточке даром лечиться. И нет того, чтобы к частному врачу зайти. Прямо хоть закрывай лавочку».

И вдруг звонок раздается.

Входит гражданин средних лет и жалуется врачу на недомогание. И сердце, дескать, у него все время останапливается, и вообще чувствует он, что помрет вскоре после этого визита.

Осмотрел врач больного — ничего такого. Совершенно как бык здоровый, розовый, и усы кверху закручены. И все на месте. И никакого умирания в организме заметно.

Тогда прописал врач больному нашатырно-анисовых капель, принял за визит семь гривен, покачал головой и, по правилам своей профессии, велел ему зайти еще раз завтра. На этом они и расстались.

На другой день в это же время приходит к врачу старушонка в черном платке. Она поминутно сморкается, плачет и говорит:

— Давеча, — говорит, — приходил к вам мой любимый племянник, Василий Леденцов. Так он, видите ли, в ночь

на сегодня скончался. Нельзя ли ему после этого выдать свидетельство о смерти?

Врач говорит:

— Очень, — говорит, — удивительно, что он скончался. От анисовых капель редко кончаются. Тем не менее, — говорит, — свидетельство о смерти выдать не могу — надо мне увидеть покойника.

Старушонка говорит:

— Очень великолепно. Идемте тогда за мной. Тут недалеко.

Взял врач с собою инструмент, надел, заметьте, калоши и вышел со старушкой.

И вот поднимаются они в пятый этаж. Входят в квартиру. Действительно, ладаном пахнет. Покойник на столе расположен. Свечки горят вокруг. И старушка где-то жалобно хрюкает.

И так врачу стало на душе скучно и противно.

«Экий я, — думает, — старый хрен, каково смертельно ошибся в пациенте. Какая канитель за семь гривен».

Присаживается он к столу и быстро пишет удостоверение. Написал, подал старушке и, не попрощавшись, поскорее вышел. Вышел. Дошел до ворот. И вдруг вспомнил — мать честная, калоши позабыл.

«Экая, — думает, — неперка за семь гривен. Придется опять наверх ползти».

Поднимается он вновь по лестнице. Входит в квартиру. Дверь, конечно, открыта. И вдруг видит: сидит покойник Василий Леденцов на столе и сапог зашнуровывает. Зашнуровывает он сапог и со старушкой о чем-то препирается. А старушка ходит вокруг стола и пальцем свечки гасит. Послунит палец и гасит.

Очень удивился этому врач, хотел с испугу вскрикнуть, однако, сдержался и, как был без калош, кинулся прочь.

Прибежал домой, упал на кушетку и со страху зубами лязгает. После выпил нашатырно-анисовых капель, успокоился и позвонил в милицию.

А на другой день милиция выяснила всю эту историю.

Оказалось: агент по сбору объявлений, Василий Митрофанович Леденцов, присвоил три тысячи казенных денег. С этими деньгами он хотел начисто смыться и начать новую великолепную жизнь.

Однако не пришлось.

Калоши врачу вернули месяца через три после всяких длинных процедур, заявлений, просьб и хождений по всем местам.

В общем врач отделался сравнительно благополучно и, кроме испуга и расстройства нервов по поводу долгой невыдачи калош, других неприятностей не имел.

И, рассказав мне эту историю, врач, вздохнувши, добавил:

— Имея три тысячи, этот фрукт хотел за семь гривен смыться из этого мира, но медицина не допустила. Вот до чего доводит людей жадность к деньгам.

Однако мы знаем историю о такой жадности к деньгам, какая не так-то уж часто бывает.

Вот эта история.

РАССКАЗ ПРО ОДНОГО СПЕКУЛЯНТА

Жил в Ленинграде некто такой Сисяев. Такой довольно арапистый человек. Он во время нэпа, когда частники еще работали, держал парикмахерскую. Только, кроме стрижки и брижки, он еще иностранной валютой торговал и вообще разные темные делишки обстрипывал. Ну и, конечно, засыпался.

Он засыпался в тридцатом году летом. Маленько по сидел где следует. И вскоре его, голубчика, выперли из Ленинграда куда-то подальше. Ему чего-то, одним словом, дали — минус семь или плюс семь, или восемь — чорт его разберет. Я в этих делах пока что слабо понимаю.

Одним словом, его как спекулянта выслали в Нарымский край.

И, значит, он, хочешь — не хочешь, поехал.

А надо сказать, он своего ареста ожидал. У него сердце было беспокойно. Он еще за неделю сказал своим компаньонам, дескать, как бы не угодить куда-нибудь.

И, конечно, на всякий случай он взял старую кожаную тужурку, подпорол ей бортик и зашил туда десять царских золотых монет и один золотой квадратик. Может быть, помните — государство в двадцать четвертом году выпустило такие золотые квадратiki для технических надобностей.

Вот он, значит, на всякий пожарный случай и подшил свое добро в тужурку, и прямо из этой тужурки он больше не вылезал. Да еще в брюки он тоже зашил разные бумажные деньги. И в сапоги под стельки положил более носкую валюту — доллары.

И стал поджидать.

Только он недолго ждал. Вскоре после того его взяли вместе с тужуркой. И осенью он поехал куда следует.

Только неизвестно, как он там жил. Может быть, скорей всего он не очень худо жил. Тем более бумажных денег у него было вдоволь припасено. Он, знай себе, подпарывал брюки и вынимал что-то из бумажника. А до золота, между прочим, не дотрагивался.

Только живет он так больше года. И вдруг хворает. Он хворает воспалением легких. Он там простудился. Его там просквозило на работе. И он там захворал.

Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, температура минус сорок градусов. В боку колет. Аппетита нету. И вообще человек чувствует приближение собственной кончины.

И тогда ночью снимает он с себя кожаную куртку и вновь подпарывает ей бортик.

Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди.

«Поскольку, — думает он, — я помру, а тут кто-нибудь шарить начнет. А мне это неприятно. И пушай это золото у меня в брюхе лежит, чем кто-нибудь им воспользуется». И, значит, подумавши так, глотает.

Только, может, он проглотил пять или шесть штук, как вдруг замечает эти преступные действия один из его приятелей. Их там по семь человек вместе жило.

Заметил это приятель, поднял тарарам и не допустил глотать остальные деньги.

И хотя тот за того хватался и умолял, но этот говорит: — Мне, — говорит, — не так золота жалко. Я себе золота не возьму. Но я, — говорит, — не могу допустить проглатывать. Тем более воспаление легких иногда проходит. А тут и денег не будет и вообще засорение желудка.

Короче говоря, больной вскоре, действительно, поправился. Он выздоровел. Грудь ему освободило. Дыхание вернулось. Но является новая беда — в желудке колет, кушать неохота, и слюна идет.

И спасибо, что больной не все монеты заглотал. А то бы совсем невозможно получилось.

Конечно, можно было бы больному схлопотать в Томск поехать, на операцию лечь. Но только он сам не захотел. Он, может, пугался, что во время хлороформа он не доглядит и хирурги разворуют его монеты, лежащие в желудке.

Он только допустил разные внутренние средства и позволил себя массировать.

Разные сильные средства, конечно, выгнали монеты наружу, но по подсчету их оказалось меньше, чем следует.

Тут вообще дело темное. Или уперли во время тарарама несколько монет, или они в желудке остались.

Так что ежели считать, что в желудке ничего нету, то недостает трех монет и одного квадратика. Тогда, значит, действительно уперли. И тогда, значит, надо прекратить массаж и лечение.

Но зачем на людей тень наводить? Может быть, монеты лежат себе в желудке.

Тем более для здоровья это не играет роли. Золото не имеет права давать ржавчину, так что оно может лежать до бесконечности.

Конечно, жалко, что валюта лежит без движения. Но, может, она и в движении у других граждан.

Что касается до спекулянта, то он имеет мнение, что золото благополучно лежит у него в желудке, зацепившись за какой-нибудь естественный поворот внутренней системы. Но для душевного спокойствия он непременно хочет сделать себе просвечивание. И если наука найдет, что золото там внутри, то он и не будет его трогать до поры до времени.

Эту правдивую историю мы рассказали, желая показать вам, что любовь к деньгам иной раз бывает сильнее смерти.

А прочитав следующий рассказ, вы вполне убедитесь в этом и даже в большем.

Это рассказ о том, как одна жадная бабенка благодаря отсутствию денег не разрешила умереть своему мужу. Что является просто возмутительным даже хотя бы с точки зрения медицины.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖЕНА НЕ РАЗРЕШИЛА МУЖУ УМЕРЕТЬ

Проживал на Петроградской стороне один небогатый живописец по имени Иван Саввич Бутылкин.

Он состоял в какой-то, я не знаю, кустарной артели и там чего-то такое делал. Он, кажется, работал. Он писал там плакаты и вывески, и разные номера для домов, и всякие указатели, и так далее.

Он, между прочим, мог бы очень недурно жить, но он, к сожалению, часто хворал и, не отличаясь хорошим здоровьем, не мог работать и тем более зарабатывать. Хотя и имел весьма крупное дарование в своей профессии.

Но жил он удивительно худо, бедно и то есть никак не имел возможности наладить свою преспечальную жизнь.

А в довершение всего на его плечах находилась еще его супруга по имени Матрена Васильевна, тоже Бутылкина, на которой он имел несчастье жениться до революции, не понимая еще, что значит такое подруга жизни.

Это была чересчур невозможно крикливая баба, любительница ничего не делать.

Она ничего не работала, разве только что готовила обед и трела иногда на примусе воду. И она не была помощницей своему тщедушному супругу, который по состоянию своего здоровья не мог много зарабатывать.

В довершение всего она же его и пилила, и ругала, и своими ежедневными грубыми возгласами, криками и скандалами выворачивала наизнанку слабую и поэтическую душу нашего художника и живописца. Она требовала, чтоб он больше зарабатывал. Она хотела ходить в кино и кушать разные фрикасе и прочее.

Он, конечно, старался, но из этого мало чего выходило. Ну и она, конечно, его ругала.

Одним словом, он всецело находился у нее под башмаком.

Тем не менее она прожила с ним восемнадцать лет. Правда, они другой раз между собой ссорились и дрались, но так, чтобы слишком больших скандалов или убийств — этого у них не было.

Она на это не шла, поскольку понимала, что супруг к ней все-таки бережно относится. А если его не будет или с ним разойтись, то еще неизвестно, как обернется. Другой, может, такой арап попадет, что сам ничего делать не будет, а ее, вечную страдалицу, заставит работать круглые сутки.

А она, родившись задолго до революции, понимала свою женскую долю как такое, что ли, беспечальное существование, при котором один супруг работает, а другой апельсины кушает и в театр ходит.

И вот, представьте себе, однажды Иван Саввич Бутылкин неожиданно вдруг захворал.

А перед тем как ему захворать, он ослаб вдруг до невозможности. И не то, чтоб он ногой не мог двинуть, ногой он мог двинуть, а он ослаб, как бы сказать, душевно. Он затосковал, что ли, по другой жизни. Ему стали разные кораблики сниться, цветочки, дворцы какие-то. И сам стал тихий, мечтательный. И все обижался, что беспокойно у них в квартире. Зачем, дескать, соседи на балалайке стрекочут. И зачем ногами шаркают.

Он все хотел тишины. Ну, прямо-таки собрался человек помереть. И даже его на рыбное блюдо потянуло. Он все солененького стал просить — селедку.

Так вот, во вторник он заболел, а в среду Матрена на него насила.

— Ах, скажите, пожалуйста, зачем, — говорит, — ты лег? Может, ты нарочно привередничаешь. Может, ты работу не хочешь исполнять. И не хочешь зарабатывать.

Она пилит, а он молчит.

«Пушай, — думает, — языком треплет. Мне теперича решительно все равно. Чувствую, что помру скоро».

А сам горит весь, ночью по постели мечется, бредит. А днем лежит ослабший, как сукин сын, и ноги врозь. И все мечтает.

— Мне бы, — говорит, — перед смертью на лоно природы поехать, посмотреть, какое это оно. Никогда ничего подобного в своей жизни не видел.

И вот осталось, может, ему мечтать два дня, как произошло такое обстоятельство.

Подходит к его кровати Матрена Васильевна и ехидным голосом так ему говорит:

— Ах, помираешь? — говорит.

Иван Саввич говорит:

— Да уж, извиняюсь... Помираю... И вы перестаньте меня задерживать. Я теперича выпел из вашей власти.

— Ну, это посмотрим, — говорит ему Мотя, — я тебе, подлецу, не верю. Я, — говорит, — позову сейчас медика. Пушай медик тебя, дурака, посмотрит. Тогда, — говорит, —

и решим — помирять тебе или как. А пока ты с моей власти не вышел. Ты у меня лучше про это не мечтай.

И вот зовет она районного медика из коммунальной лечебницы. Районный медик Иван Саввича осмотрел и говорит Моте:

— У него или тиф, или воспаление легких. И он у вас очень плох. Он не иначе, как помрет в акурат вскоре после моего ухода.

Вот такие слова говорит районный медик и уходит.

И вот подходит тогда Матрена к Ивану Саввичу.

— Значит, — говорит, — взаправду помираешь? А я, — говорит, — между прочим не дам тебе помереть. Ты, — говорит, — бродяга, лег и думаешь, что теперь тебе все возможно. Врешь. Не дам я тебе, подлецу, помереть.

Иван Саввич говорит:

— Это странные ваши слова. Мне даже медик дал разрешение. И вы не можете мне препятствовать в этом деле. Отвяжитесь от меня...

Матрена говорит:

— Мне на медика наплевать. А я тебе, негодяю, помереть не дам. Ишь ты какой богатый сукин сын нашелся — помирять решил. Да откуда у тебя, у подлеца, деньги, чтоб помереть! Нынче, для примера, обмыть покойника — и то денег стоит.

Тут добродушная соседка, бабка Анисья, вперед выступает.

— Я, — говорит, — его обмою. Я, — говорит, — Иван Саввич, тебя обмою. Ты не сомневайся. И денег я с тебя за это не возьму. Это, — говорит, — вполне божеское дело — обмыть покойника.

Матрена говорит:

— Ах, она обмоет! Скажите, пожалуйста. А гроб! А, например, тележка! А попу! Что я для этой цели свой гардероб буду продавать? Тьфу на всех! Не дам ему помереть. Пушай заработает немного денег и тогда пушай хоть два раза помирает.

— Как же так, Мотя? — говорит Иван Саввич. — Очень странные слова.

— А так, — говорит Матрена, — не дам и не дам. Вот увидишь. Заработай прежде. Да мне вперед на два месяца оставь — вот тогда и помирай.

— Может, попросить у кого? — говорит Иван Саввич.

Матрена отвечает:

— Я этого не касаюсь. Как хочешь. Только знай — я тебе, дураку, помереть не дам.

И вот до вечера Иван Саввич лежал словно померший, дыхание у него даже прерывалось, а вечером он стал одеваться. Он поднялся с койки, покряхтел и вышел на улицу.

Он вышел во двор. И там, во дворе, встречает дворника Игната.

Дворник говорит:

— Иван Саввичу с поправлением здоровья.

Иван Саввич говорит ему:

— Вот, Игнат, положеньице. Баба помереть мне не дает. Требуется, понимаешь, чтоб я ей денег оставил на два месяца. Где бы мне денег-то раздобыть?

Игнат говорит:

— Копеек двадцать я тебе могу дать, а остальные, валлий, попроси у кого-нибудь.

Иван Саввич двугривенного, конечно, не взял, а пошел на улицу и от полного утомления присел на тумбу.

Вот он присел на тумбу и вдруг видит — какой-то прохожий кидает ему монету на колени. Он как бы подает, увидев перед собой больного и чересчур ослабевшего человека.

Тут Иван Саввич слегка оживился.

«Ежели, — думает, — так обернулось, то надо посидеть. Может, набросают. Дай, — думает, — сниму шапку».

И вот, знаете, в короткое время, действительно, прохожие накидали ему порядочно.

К ночи Иван Саввич вернулся домой. Пришел он распаренный и в снегу. Пришел и лег на койку.

А в руках у него были деньги.

Как жена не разрешила мужу умереть

Хотела Мотя подсчитать — не дал.
— Не тронь, — говорит, — погаными руками. Мало еще.

На другой день Иван Саввич опять встал. Опять кряхтел, оделся и, распялив руки, вышел на улицу.

К ночи вернулся и опять с деньгами. Подсчитал выручку и лег.

На третий день тоже. А там и пошло, и пошло — встал человек на ноги. И после, конечно, бросил собирать на улице. Тем более, что, поправившись, он уже не имел такого печального вида и прохожие сами перестали ему давать.

А когда перестали давать, он снова приступил к своей профессии.

Так он и не помер. Так Матрена и не дала ему помереть.

Вот что сделала Матрена с Иван Саввичем.

Конечно, какой-нибудь районный лейб-медик, прочитав этот рассказ, усмехнется. Скажет, что науке неизвестны такие факты и что Матрена не при чем тут. Но, может, науке и точно неизвестны такие факты, однако, Иван Саввич и посейчас жив. И даже на-днях он закончил какую-то художественную вывеску для мясной торговли.

А, впрочем, случай этот можно объяснить и медицински, научно. Может, Иван Саввич, выйдя на улицу, слишком распарился от волнения, перепрел, и с потом вышла у него болезнь наружу.

Впрочем, неизвестно.

В общем, жадная бабенка, любительница денег, сохранила благодаря своей жадности драгоценную жизнь своему супругу. Что является, конечно, весьма редким случаем. А чаще всего бывает наоборот. Чаще всего бывает так, что благодаря такой жадности человек теряет даже и то, что имеет.

И вот вам об этом рассказ.

Вот интересная новелла про одну жадную молочницу, пожелавшую увеличить свои доходы.

РАССКАЗ ПРО ОДНУ КОРЫСТНУЮ МОЛОЧНИЦУ

Одна симферопольская жительница, зубной врач О., вдова по происхождению, решила выйти замуж.

Ну, а замуж в настоящее время выйти не так просто! Тем более, если дама интеллигентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней субъекта.

В нашей, так сказать, пролетарской стране вопрос об интеллигентах — вопрос довольно острый. Проблема кадров еще не разрешена окончательно, а тут, я извиняюсь, — женихи. Ясное дело, что интеллигентных женихов нынче немного. То есть есть, конечно, но все они какие-то такие: или уж женатые, или уже имеют две-три семьи, или вообще хворают, что, конечно, тоже не сахар в супружеской жизни.

И вот при такой ситуации живет в Симферополе вдова, которая в прошлом году потеряла мужа. Он у ней умер от туберкулеза.

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. «А-а, — думает, — ерунда!..» А потом видит — нет, далеко не ерунда!.. женихи по свету не бегают пачками. И, конечно, загоревала.

И вот, значит, горюет она около года и рассказывает о своем горе молочнице. К ней ходила молочница, молоко приносила. Поскольку муж у ней помер от туберкулеза, так вот она начала заботиться о себе, — усиленно питалась. Она пила молоко по два литра в день. И от этого питания она прямо распухла и имела здоровье очень выдающееся. И, наверно, оттого к ней стали заходить в голову разные легкие, воздушные мысли о супружестве.

И вот, значит, она пьет молоко около года, все больше поправляется и, между прочим, имеет дамский обывательский разговор со своей молочницей.

Неизвестно, с чего у них началось. Наверно, она пришла на кухню и разговорилась. Вот, мол, продукты

дорожают. Молоко, дескать, жидковатое, и вообще женихов нету. Молочница говорит:

— Да, мол, безусловно, чего-чего, а этого мало!

Зубной врач говорит:

— Зарабатываю подходяще. Все у меня есть — квартира, обстановка, деньжата! И сама, — говорит, — я не такое уж мурло. А вот, подите ж, вторично замуж выйти буквально не в состоянии. Прямо хоть в газете печатай!

Молочница говорит:

— Ну, — говорит, — газета — это не разговор. А чего-нибудь такое надо, конечно, придумать.

Зубной врач отвечает:

— В крайнем случае я бы, — говорит, — и денег не пожалела. Дала бы денег той, которая меня познакомит в смысле брака.

Молочница спрашивает:

— А много ли вы дадите?

— Да, — говорит врачиха, — смотря, какой человек отыщется. Если, конечно, он интеллигент и женится, то, — говорит, — червонца три я бы дала, не моргнув глазом.

Молочница говорит:

— Три, — говорит, — это мало. Давайте пять червонцев, тогда я вам подыму это дело. У меня, — говорит, — есть на примете подходящий человек.

— Да, может, он не интеллигент, — говорит врачиха, — может, он крючник? За что я буду давать пять червонцев?

— Нет, — говорит, — зачем крючник. Он очень интеллигентный. Он — монтер.

Врачиха говорит:

— Тогда вы меня познакомьте. Вот вам пока червонец за труды.

И вот на этом они расстаются.

А, надо сказать, у молочницы ничего такого не было на примете, кроме собственного ее супруга.

Но крупная сумма ее взволновала, и она начала прикидывать в своем мозгу, как и чего и как бы ей попроще выбить деньги из рук этой врачихи.

И вот приходит она домой и говорит своему супругу:

— Вот, мол, Николаша, чего получается. Можно, — говорит, рублей пятьдесят схватить так себе, здорово живешь, без особых хлопот и волнений.

И, значит, рассказывает ему всю суть дела. Мол, чего если она нарочно познакомит его с этой разбогатевшей врачихой, а та сдуру возьмет да и отсыплет ей пять червонцев.

— И, — говорит, — в крайнем случае, если она будет настаивать, можно записаться. В настоящее время это не составляет труда. Сегодня ты распишешься, а завтра или там послезавтра — обратный ход!

А муж этой молочницы, этаким довольно красивый мужчина, с усиками, так ей говорит:

— Очень отлично. Пожалуйста! Я, — говорит, — всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что. Другие ради такой суммы месяц работают, а тут такие пустаки — записаться!

И вот, значит, через пару дней молочница знакомит своего мужа с зубным врачом.

Зубной врач сердечно радуется и без лишних слов и причитаний уплачивает молочнице деньги.

Теперь складывается такая ситуация.

Муж молочницы, этот известный трепач с усиками, срочно записывается с врачихой, переходит временно на ее апартаменты и пока что живет там.

Так он живет пять дней, потом неделю, потом десять дней.

Тогда приходит молочница.

— Так что, — говорит, — в чем же дело?

Монтер говорит:

— Да нет, я раздумал вернуться! Я, — говорит, — с этим врачом жить останусь. Мне тут как-то интересней получается.

Тут, правда, он схлопотал по морде за такое свое безобразное поведение, но мнения своего не изменил. Так и остался жить у врачихи. А врачиха, узнав про все, очень хохотала и сказала, что поскольку нет насилия, а есть свободный выбор, то инцидент исчерпан.

Правда, молочница еще пару раз заходила на квартиру и дико скандалила, требуя возврата своего супруга, однако ни чорта хорошего не вышло. Больше того — ей отказали от места, не велели больше носить молока во избежание дальнейших скандалов и драм.

Так за пять червонцев скупая и корыстная молочница потеряла своего красивого, интеллигентного супруга.

И мы, вообще, очень рады и довольны, что именно так произошло.

Теперь эта дура может на досуге и в полном одиночестве подумать, какую ошибку она совершила.

Однако бывает, что люди и не совершают подобных ошибок и вообще не слишком уж загораются при виде денег, тем не менее, когда им деньги случайно попадают в лапы, они имеют душевные волнения и сильные переживания не в меньшей степени, чем эта дурабаба молочница. Вот об одном таком человеке, которому попались в руки деньги, мы и хотим вам рассказать. И вы сейчас увидите, как влияют деньги на симпатичного человека.

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ПРО ЧЕЛОВЕКА, ВЫИГРАВШЕГО ДЕНЬГИ

Конечно, таких рассказов, в которых человек выиграл, скажем, сто тысяч и с ним после этого чего-то такое случилось истряслось, таких рассказов в литературе существует, конечно, до чорта.

Но то, чего мы хотим рассказать, по своей комичности положений превосходит все, до сих пор написанное в этой области.

Отметим к тому же, что все это голая правда.

Вот представьте себе утро. Туманный Ленинград. Надо сейчас идти трудящимся на работу. Вот сейчас они попьют чайку и пойдут гордой вереницей.

Но что случилось? Чей-то крик, я извиняюсь, раздается.

Это в нашей коммунальной квартире раздаются крик, топот, треск и разные возгласы.

Жильцы сбегаются на это место и видят вот что:

Рабочий Борька Фомин в розовых подштанниках шляется по своей комнате. Челюсти у него трясутся. И лицо белое, как глина. В одной руке у него газета. В другой — почтовая открытка. В третьей руке его супруга держит талон, и так она восклицает:

— Ах, уйдите все из комнаты. Еще ничего неизвестно. А я лично не могу поверить, что мы с Борей пять тысяч выиграли.

Борька Фомин, у которого от волнения с носа капля падает, говорит:

— Получаю открытку со сберкассы. Что такое? Пардон! Выиграл деньги...

Жена говорит:

— Вся моя жизнь проходит в сумерках. Что-нибудь удивительное случилось — этого не бывает. Если же Борька выиграл такие деньги, то я, — говорит, — непременно знаю, что произойдет какое-нибудь такое, благодаря чему я скорей всего не увижу этих денег.

Один жилец говорит:

— Часто бывает, — они печатают, не досмотревши цифры. Или нолики у них заскакивают и не там расположены. Трудящиеся ахают, а после, конечно, не то выигрывают...

Тут приносят семь газет из разных комнат.

Все глядят и проверяют и видят — нету сомненья, Борька Фомин, этот, не представляющий из себя ничего особенного, выиграл пять тысяч, и неизвестно никому, чего он сейчас будет делать с этими деньгами.

Борькин племянник, живущий тут же молодой мальчишка лет семнадцати, Вовка Чучелов, сдающий экзамен на звание шофера и не привыкший еще давить людей, говорит Борису Андреевичу:

— Чем, дядя, понапрасну слова кричать — побегите в сберкассу. Если вам дадут эти деньги, значит, вы, действительно, выиграли.

Тут все начинают кричать на Борис Андреевича и велют ему побежать в кассу.

Его жена по своей женской недоверчивости при этом так восклицает:

— Сейчас он у меня, подлец, под трамвай ссыплется или его автобус зацепит. Этого не бывает, чтоб я свободно по пять тысяч выигрывала.

Вот Борис моментально одевается, бежит и вскоре возвращается обратно — белый, как глина.

Он говорит всем присутствующим ослабевшим голосом человека, только что летавшего в стратосферу.

Он говорит:

— Да, я выиграл пять тысяч. Они мне велели послезавтра притти за деньгами. Они говорят: «Это в нашем районе бывает раз в сто лет».

Тут все поздравляют Бориса Андреевича и велют ему полежать на кушетке, чтоб не сорвать ход организма до получения денег.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу строго подумать, чего может случиться, благодаря чему мы не получим этих денег.

Вот проходит целый день, и утром снова раздаются крик, топот и грубые восклицания.

Все жильцы спешат на место происшествия и видят вот что:

Борис Андреевич лежит в розовых подштанниках на кушетке. Челюсти у него трясутся, и капли падают с носа.

Жена говорит:

— Еще хорошо, что его, подлеца, у меня в ряды партии не приняли. Вот бы он мне конфетку подложил.

Жильцы говорят:

— А что такое?

— Да как же, — говорит, — что! Он, оказывается, у меня две недели назад, не дождавшись выигрыша, стал, как ребенок, рекомендации себе просить у разных высших лиц. Хорошо — ему не дали. Он хотел, видите ли, за-

писаться. Вот бы пришлось, наверное, я так думаю, половину денег отдать на борьбу с тем и с этим, и в МОПР и во все места.

Один жилец говорит:

— Отдавать не обязательно, но, конечно, другие по своей охоте оставляют себе рублей шесть на папиросы, а все остальное отдают на строительство.

Жена говорит:

— Хорошо, что дураков в партию не принимают, — вот был бы номер!

Борька кричит:

— Об чем речь, раз этого нету. В жизни все бывает к лучшему.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу подумать, чего еще может случиться.

На третий день Боря получил деньги сполна. Он со вздохом отдал двадцатку на дирижабль, а остальные принес домой. И заперся в комнате.

На четвертый день утром раздаются крики, воркотня, вопли, топот и грубая брань.

Это Борис Андреевич, поругавшись с женой, разводится с ней и теперь уходит к одной барышне. Такая жила в другом конце коридора — Феничка. Такая белобрысенская. И, кажется, из чухонок. Но такая удивительно миленькая душечка. Тоненькая, как мечта поэтов.

И он, собрав вещи, как раз переходит к ней и так про жену восклицает:

— Ухожу от нее, поскольку я увидел всю ее мелкобуржуазную сущность. Она меня в такое героическое время подбила взять заявление, и я ей никогда этого не прощу и всякий раз, видя ее, буду непременно страдать и огорчаться. Но я не хочу ее даром бросить. Я ей дам рублей сто денег, и пушай она, дьявол, не вмешивается в мои сердечные дела.

Жена говорит:

— Вот так да! Я же вам говорила.

Тогда племянник Вовка совместно с Борисом Андре-

евичем моментально переносят вещи к Феничке и там весь вечер празднуют пышный бал.

На шестой день снова в квартире раздаются крики, возгласы и дамские слезы.

Что такое? Пардон. Извиняюсь, что случилось?

Ах, это, знаете, у Бориса Андреевича сперли ночью все деньги.

Рисуется чудовищная картина ужаса и потрясения.

Сам Борис Андреевич лежит на кровати с мордой бледной, как глина. Он шепчет слова удивления и разводит руками, показывает этим силу своего душевного страдания.

Тут же рядом на ковре лежит без памяти Феничка. У нее украли туфельки и пальто.

Тут узнается, что Борькин племянник Чучелов, не сдав еще экзаменов на шофера, исчез неизвестно куда. Рисуется картина подлой кражи со стороны этого бешеного родственника.

Тогда вдруг появляется Феничкин брат или чорт его знает кто. Тоже, кажется, из чухонцев. Со значком ГТО.

Он почти ничего не говорит и только ногами выпихивает лишних обитателей из комнаты.

Последним номером он выгоняет Борьку Фомина и бьет его в рыло за исковерканную дамскую жизнь плюс туфельки и пальто.

Борька с криками страдания мечется по коридору с мордой вспухшей, как пирог.

Тогда его бывшая жена берет его под свое покровительство и разрешает ему снова находиться на ее половине.

Борька ложится на пол в ее комнате и страдает так, что даже пришедший милиционер, привыкший видеть все, чего бывает, не может этого видеть.

Борька говорит жене:

— Ах, я сам не понимаю, как я от вас ушел. Только ваша любовь завсегда скрашивала мои невероятные страдания. Я, как в бреду, жил три дня с этой белобры-

сой чухонкой, у которой совершенно поделом сперли глючевые туфли и пальто и у которой брат я не знаю, какой подлец и убийца живых существ. Ах, у меня была морока в голове от этих всех дел. Я вам в присутствии товарища милиционера приношу свои сердечные извинения за все явления.

Милиционер говорит:

— Ах, перестаньте вы канючить. Моя душа буквально разрывается от этих слов. Я прошу вас замолчать и говорить то, что случилось, а не то, что было. Я, — говорит, — составляю протокол, а не пишу поэмы из жизни оборванцев.

Борька говорит:

— Тогда слушайте. Феничка ночью спала, а я, не помню зачем-то, на минутку пошел в уборную. Наверное, Вовка Чучелов все это увидел и взял из комнаты эти деньги и эти вещи.

Милиционер записывает это и уходит.

Муж с женой мирятся и живут друг с другом с необыкновенной любовью.

Борька с Феничкой не раскланивается. А она щеголяет в новых туфельках, неизвестно откуда полученных.

Феничкина сестра Сима, с которой Борька разговаривался, сказала, что этот белобрысый, набивший ему морду, отнюдь не брат, а любовник. И этим все объясняется.

Страдания Борьки прекращаются. Он ходит на работу и там дает разные смелые обещания.

Жена говорит:

— Ну, ладно, что же делать, если тебе нравится, попроси у кого-нибудь рекомендацию. Ты у меня тянешься ко всему, как ребенок.

Вдруг через две недели вызывают Борьку в милицию. И там ему сообщают, что в Гаграх на Кавказе поймали его племянника, Вовку Чучелова. Он истратил четыреста рублей, а остальные деньги Борька может моментально получить обратно.

Борька, с лицом бледным, как глина, возвращается домой. У него в руках деньги. И он садится на кушетку, неохотно смотрит на всех и не совсем понимает, что случилось.

Его жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Еще неизвестно, что будет.

Эта неизвестность продолжается три дня.

После чего Борис Андреевич вдруг моментально с бухты-барухты женится на Феничкиной сестре — Симе.

От счастья он не ходит на работу три дня, и его выгоняют на полгода. Но он на это плюет и не горюет. Он кладет свои деньги на книжку. И эту книжку носит теперь на груди на самом толстом шпагате.

Феничка говорит, что ей все это безразлично. А жена говорит: «Вот так штука!» — и выходит неожиданно замуж за знакомого бывшего поляка, который переезжает на ее площадь, как не имеющий таковой.

Вот теперь интересно, что будет, когда Борис Андреевич поистратится.

Прочитавши этот рассказ, мы можем вместе с вами подивиться удивительным делам. И, подивившись этим делам, давайте с надеждой подумаем о тех прекрасных днях, в которые деньги не будут иметь такое выдающееся значение.

Мир ахнет и удивится, какая, наверное, будет замечательная жизнь.

А нам, подлецам, воспитанным на дряни и безобразии, даже и не понять, как это будет.

На этом мы хотели закончить наши рассказы о деньгах с тем, чтобы перейти к рассказам о любви. Однако близость этого поэтического отдела «Любовь» позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два наших предмета — деньги и любовь столкнулись между собой.

И вот что получилось.

Это рассказ об одной богатой и состоятельной гражданке, которая за деньги приобрела себе любовь.

Вот как это было.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ПОД ЛОЗУНГОМ «СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ»

Богатых, собственно, у нас нету. Но зажиточные у нас имеются.

У нас некоторые хорошо получают. Некоторые по займам выигрывают. Некоторые вообще пес их знает, откуда берут деньги.

Но что такое богатство — мы мало себе представляем. Мы почти не знаем, что это за состояние, при котором все можно купить и рушатся все преграды, и нет ничего на свете, чего нельзя пожелать.

Конечно, у нас бывает кое-что вроде этого. Ну там кое-какие мелкие остатки прежних состояний. И тогда при этом случаются удивительные дела, от которых мы отвыкли, но на которые нам стоит взглянуть.

Вот извольте рассказ о том, как одна любовь была куплена за деньги и что из этого получилось.

А жила в Ленинграде одна вообще дамочка, дочка одного богатого инженера.

Или он не был инженер, а был подрядчик — сейчас это хорошо неизвестно. Только факт, что он строил частные дома и при этом невероятно разбогател. Ну, может быть, там хапнул или вообще украл, я не знаю.

Вот он чертовски разбогател (а было это в начале нэпа) и, разбогатевши, стал, конечно, приобретать разные ценные вещицы, разные там картины, ковры, лампы, одеяла. При этом у него имелись золотые монеты царской чеканки, брильянты и вообще чортова уйма всякого добра и костюмов.

Конечно, неизвестно, что случилось бы с ним в наши дни, но он, будучи неглупым человеком, своевременно в двадцать четвертом году умер со спокойной улыбкой на устах — дескать, эх, вы, дураки, не знаю, как вы, а я прилично нажил и дочке все передаю.

И сам, как говорится, сыграл в ящик.

А дочка у него была ну вообще малоинтересное

существо, такая вообще барышня ни то, ни се. Ну вообще ходит, сидит, говорит и кушает, но к поэзии не имеет склонности и на рояле играть не может.

Без своего богатства ей, конечно, ноль цена, но, поскольку у нее было богатство, за ней мужчины сильно волочились и даже три раза под ряд женились на ней, но все как-то неудачно. И даже за ней один доктор ухаживал. Но, будучи политически грамотным человеком, он не придал значения ее богатству, понимая, что это есть нечто кратковременное. Он несколько поухаживал за ней и, предвидя неприятности, ушел, как говорится, в кусты.

Но тут она знакомится с одним инженером. Такой интересный красавец, тотяга, одевается. Такой вообще педант и любимец женщин. Душистый платок в кармане, какие-то запонки, еще что-то такое. И при этом имеет имя — Лютик.

Вот этот молодой любимец дам посещает нашу Елену Григорьевну и видит у нее несметное количество ценного барахла. И вот, распалившись на это добро, он кружит дамочке голову и однажды говорит ей, мол, чем хотите ли вы быть моей женой.

А эта дура, влюбленная в него, как кошка, трясется от радости и говорит: «Ах, я твоя навеки».

Вот он, не будь дурак, женится на ней поскорей, чудно живет, восторгается жизнью, закусывает по пять раз в день и думает: «Вот так устроился!»

Он переезжает в Детское Село в собственный дом и вдруг примечает, что дамочка-то ему мало интересна. Никакой такой любви у него к ней не имеется и даже ему неохота находиться с ней рядом и дышать тем же воздухом.

«Разводиться, — думает, — мне с ней в высшей степени глупо, но я, — думает, — зевать не буду».

И вот он заводит разные флирты и романы и разные любовные похождения. Живет там на полный ход с какой-то невероятной красавицей. При этом с ней кутит и выпивает и бросает в ее ногам разные мелкие ценности.

Домой приезжает, как говорится, еле можаху, но при этом делает вид, будто он чересчур утомился строительством и делами и поэтому не может даже беседовать со своей супругой.

— Я, — говорит, — извиняюсь, не могу попрежнему долгу разговаривать с вами на разные темы и тем более любоваться вами, поскольку от усиленных занятий у меня изменился характер и я потерял некоторую живость своего темперамента.

И при этом он стал при ней притворяться — ходит сгорбившись, охает, харкает лишней слюной и прикрывается двумя одеялами. А у самого морда цветущая и здоровье — лучше не надо.

В довершение всего он подговорил одного знакомого врача Орлова, чтобы тот нашептал Елене Григорьевне разные устрашающие слова. И дал ему для этого некоторую сумму денег.

Вот врач приезжает, ахает, восклицает и говорит Елене Григорьевне:

— Да! Это да! Охо-хо! Такое молодое, цветущее существо, а здоровье у него в высшей степени поганое. Вы его берегите и не волнуйте. Пушай он лучше всего спит в отдельном кабинете. И ваше дамское дело исполнять все его капризы и требования.

Вот эта дура немисливо рыдает, ходит на цыпочках и ничем не тревожит своего супруга, которого попрежнему любит и обожает.

И так проходит год и два. И наконец три. И проходит пять лет, и дело приближается к нашим дням.

И вот наступает 1933 год.

И вот раз однажды приходит до Елены Григорьевны ихний сосед. Такой счетовод Федоров. Такой вообще счетоводишка — дурак, фанфарон и мелкая личность.

Чего-то они разговорились о том, о сем (а Лютика не было дома), а Елена Григорьевна говорит:

— Знаете что, мне нынче скучно. Поедемте в ресторан. Я буду платить, а вы не беспокойтесь. Послушаем музыку, скушаем по дышленку и провернем интересно время.

Этот прохвост, счетоводишко Федоров, говорит: — Очень рад. С великим удовольствием.

Вот они едут в Ленинград. Заходят в «Асторню» Ковры. Столики. Играет оркестр. Танцуют великолепные пары. А этот болван Федоров одет, наверное, в свой серый пиджачок, небритая морда, галстук, наверное, свернулся на сторону. Ай-яй!

Вот они садятся за столик, заказывают себе цыплят и так далее. И вдруг Елена Григорьевна видит — что такое — фантазмагория! Она видит: ее супруг, Лютик, танцует шимми с какой-то дамой.

Ах, она ничего не сказала и не вздрогнула. Она только встала из-за столика и пошла к выходу, будто с ней приключилось нехорошо и ей надо пойти в уборную.

А ее счетоводишко Федоров, видя, что сумочка с деньгами на столе, не стал тревожиться. Она, думает, навряд ли сбежала. А в крайнем случае я два цыпленка съем.

Вот Елена Григорьевна летит моментально домой. И по дороге ей полностью раскрывается вся чудовищная картина. Ей сразу стало все ясно, и какой обман она имела в течение семи лет.

Она летит домой. Сразу роется в его письменном столе. Вытаскивает разные письма и записочки и читает это все побелевшими губами. И видит — да, обман налицо, и он не поддается описанию.

Она находит разные дамские письма. Она читает в них поэтические слова о том, о сем: «Уважаемый Лютик...», «Ты — мой бог...», «Целую вас...», «Ах, ах...». И все такое.

Она восклицает: «Ах!», падает ненадолго в обморок, но потом берет себя в руки и говорит себе: «Я, кажется, полюбила подлеца».

Нет, она ничего не говорит ему, когда он на другой день приезжает. Она только нервно ходит по саду, нетерпеливо рвет листочки с деревьев и шепчет: «Вот так да!»

А этот подлец Лютик, не привыкши видеть ее такой, приходит от этого зрелища в содрогание и говорит себе:

«Это, кажется, я перехватил через край. Семь лет я обманываю эту дуру и даже не живу с ней. А в силу ее любви ко мне я, кажется, закрываю ей доступ к интересам жизни».

И тогда он, у которого нежные побегі совести еще не совсем завяли, приходит в сад, садится с ней рядом на скамеечку и так говорит ей:

— Сердечный привет, Елена Григорьевна. Я хочу вам нынче рассказать кое о чем. Вот, знаете, какое дело...

И начинает ей рассказывать, как это было.

— Да, — говорит, — я не жил с вами семь лет в силу обмана. Но я не желаю больше заедать вашу жизнь. Каждое живое существо имеет право на чью-либо любовь и ласку, и вы используйте этот закон природы.

Она говорит:

— Это хорошо, что вы мне сказали. И, поверьте, мне очень дороги нежные побегі вашей совести. Но я, — говорит, — и без того все это знала.

Он сильно удивляется, а она продолжает.

— Что же касается ваших слов насчет любви и ласки, то я, — говорит, — не такая уж дура, как вы думаете. Любовь и ласка у меня бывали, и вы напрасно меня жалеете и считаете за придурковатую, думая, что я только на вас и глядела.

Тогда он в страшном гневе встает со скамейки и говорит:

— Как понимать ваше выражение? Значит, вы цацкались с другими и имели, кажется, любовников, или, — говорит, — я чего-то не понимаю. Ответьте мне их имена или я сам за себя не отвечаю.

Она называет ему семь различных имен, и в числе их упоминает фамилию Федоров и фамилию Орлов.

От этих двух фамилий Лютик приходит в содрогание и падает на скамейку.

Он говорит:

— Тогда я дурак, что вам рассказал. Вы, — говорит, — есть проявление всей человеческой подлости. И мое презрение к вам не позволяет мне находиться с вами рядом. Я, — говорит, — от вас уезжаю. До свиданья.

Он думал, что она будет его умолять, но она, почувствовав силу своего богатства, говорит:

— Очень великолепно. А то я сама хотела вам это предложить.

Он плюет на цветы, на клумбу, на скамейку, и, взбешенный, собрав свои чемоданы, моментально уезжает в Ленинград.

А она смеется и говорит:

— Валяй, валяй, я, — говорит, — за свои деньги почище тебя видела.

Вот он уезжает к своей невероятной красавице, которая, видя, что он приехал налегке и не может теперь иметь такой комфорт жизни, вскоре расстается с ним.

А он тогда женится на одной зажиточной певичке, которая выступает на концертах по пять раз в день и имеет право на хорошую жизнь.

Что касается Елены Григорьевны, то она вскоре выходит замуж за этого дурака Федорова.

А тот, по странному совпадению, прожив с ней полгода и не зная подробностей о предыдущем муже, стал тоже чего-то жаловаться на свое здоровье, но Елена Григорьевна, засмеявшись, сказала:

— Ну, что ж, если так, тогда, давайте, расстанемся.

На что тот, почти моментально поправившись, стал повсюду бывать с ней, и жизнь их потекла по установленным правилам.

Они часто выезжают в ресторан. Она, уставшая от житейских бурь, слегка постарела и, сидя за столиком, презрительно поглядывала на мужчин. А болван Федоров, кушая цыплят и утей, в свою очередь с тоской поглядывал на молоденьких баб, которые там и сям расположены в ресторане.

Неимоверные траты денег заставили Елену Григорьевну сильно раскошелиться. Она беззастенчиво стала

продавать золотые монеты царской чеканки. И вскоре на этом засыпалась.

Ей пришли дело и недавно выслали ее на жительство в город Арзамас.

А подлец Федоров от этих дел отбоярился. Он сказал: «Я не я, и супруга не моя, и насчет денег я понятия не имел, — я любил ее бескорыстно».

Тем не менее, снедаемый такой любовью, он за ней в Арзамас не поехал.

Так пожелаем же ей счастливого пути и спокойной жизни в Арзамасе, где она, наверное, будет конторщицей и где она получит те чувства, которые она заслуживает без своего крупного богатства.

Счастливый путь!

На этом мы закончим наши рассказы о деньгах.

И, прочитавши еще небольшое нижеследующее послесловие, которое, так сказать, вроде как бантиком завяжет наш отдел, мы с великими надеждами перейдем ко второму отделу, который у нас носит заманчивое и на первый взгляд игривое название «Любовь».

Итак, извольте небольшое вроде болтовни послесловьице к первому отделу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, с вашего разрешения, мы заканчиваем, уважаемые товарищи, наш отдел «Деньги».

И вот, что же мы видим, прочитавши все это с добросовестным вниманием? Что же мы видим, прочитавши интересные новеллы из истории и смешные рассказы из нашей жизни?

А мы видим, что деньги, как это ни удивительно, приносят людям большие огорчения. Но как это бывает — мы не беремся утверждать. Быть может, это происходит от злосчастного свойства денег, а быть может, и наоборот — от горестных сторон наших, в сущности неважных характеров. Хотя, наверно, и характеры от чего-нибудь зависят. Но, быть может, одно влияет на другое и как-нибудь такое взаимно действует.

И если, предположим, изменить одно, то, наверно, изменится другое. А которые думают, что можно второе изменить, а первое пускай остается в прежней силе, в прежнем блеске и почете, — те, я так думаю, преждевременно ошибаются.

В общем, наше дело сказать, а вы там как хотите.

Итак, на этом, проливши несколько капель слез и погоревав о падении и гибели многих хороших людей, мы закрываем наш отдел, озаренный несчастьем, и со своей романтической душой вступаем с пылкой надеждой в новый, радостный отдел — «Любовь».

И мы уже слышим шопот и робкое дыхание, и трели на гитаре, и кой-какие стишки. И дамские крики. Выстрел. И рев младенца. И пардон, кажется, снова звон денег.

Читатель, пригладь свои волосы и завяжи потуже галстук. Мы сейчас пойдем с тобой по той аллее, которая требует некоторой, что ли, выправки, красоты разных линий, очертаний и внешних форм. Туда, я извиняюсь, нельзя притти на косолапых ногах и с небритой мордой.

Итак, пригладьте свою прическу, — мы пойдем по аллее, освещенной трепетной луной. Высокие липы, представьте себе. Скамейка под деревом. Пруд. Как сказал поэт:

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде...

Ах, вот где, наверно, мы увидим радость и восторги, которых люди вполне заслуживают. Вот где, наверно, мы увидим счастье, которое нам искупит огорчения прежних страниц.

Читательница, ваше милое присутствие здесь крайне необходимо. Дайте вашу нежную ручку, положите ее нам на грудь, успокойте наше сердцебиение, которое происходит от предчувствия всего хорошего.

Итак, мы начинаем новый отдел — «Любовь».

ЛЮБОВЬ

ЛЮБОВЬ

1. Вот когда госпожа смерть подойдет неслышными стопами к нашему изголовью и, сказав «ага», начнет отнимать драгоценную и до сих пор милую жизнь, — мы, вероятно, наиболее всего пожалеем об одном чувстве, которое нам при этом придется потерять.

2. Из всех дивных явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам, наверно, я так думаю, наиболее всего будет расстаться с любовью.

И, говоря языком поэтических сравнений, расставаясь с этим миром, наша вынутая душа забьется и застоит, и запросится назад, и станет унижаться, говоря, что она еще не все видела из того, что можно увидеть, и что ей хотелось бы чего-нибудь еще из этого посмотреть.

Но это вздор. Она все видела. И это есть пустые отговорки, рисующие скорей величие наших чувств и стремлений, чем что-либо иное.

3. Конечно, есть и помимо того разные исключительные и достойные случаи и чувства, о которых мы тоже, наверно, горько вздохнем при расставании.

Нам, без сомнения, жалко будет не слышать музыки духовых и симфонических оркестров, не плавать, например, по морю на пароходе и не собирать в лесу душистых ландышей. Нам препечально будет бросить нашу славную работу и не лежать на берегу моря с целью отдохнуть.

Да, это все славные вещи, и обо всем этом мы тоже,

конечно, пожалеем при расставании. И, может быть, даже всплачем. Но вот о любви будут пролиты особые и горчайшие слезы. И, когда мы попросимся с этим чувством, перед нами, наверно, весь мир померкнет в своем величии, и он покажется нам пустым, холодным и малоинтересным.

Как у одного поэта сказано:

Любовь украшает жизнь,
Любовь — очарование природы...
Существует внутреннее убеждение,
Что все, сменяющее любовь, ничтожно.

Вот видите, французский поэт Мюссе сказал, что все ничтожно в сравнении с этим чувством. Но он, конечно, отчасти ошибался. Он, конечно, слегка перехватил через край.

4. Тем более нельзя забывать, что эти строчки сказал француз. То есть человек, от природы крайне чувственный и, простите, вероятно, бабник, который от чрезмерно волновавших его чувств действительно может брякнуть бог знает что из этой области.

Они, французы, там у себя, в Париже, сколько нам говорили, выйдут вечером на бульвар, и, кроме разных красотошек, которых они величают «курочками», первоначально решительно ничего другого не видят. Вот какие они любители женской красоты и грации!

Так что у нас есть основания слегка погасить удивительную пылкость этих поэтических строк.

5. Но вот взгляните на русского поэта. Вот и русский поэт не отстает от пылого галльского ума. И даже больше. Не только о любви, а даже о влюбленности вот какие мы находим у него удивительные строчки:

О влюбленность, ты строже судьбы,
Говелительней древних законов отцов...
Слаще звуков военной трубы.

Из чего можно заключить, что наш прославленный поэт считал это чувство за нечто высшее на земле, за не-

что такое, с чем не могут даже равняться ни строгости уголовных законов, ни приказание отца или там матери. Ничего, одним словом, он говорит, не действовало на него в сравнении с этим чувством. Поэт даже что-то такое намекает тут насчет призыва на военную службу — что это тоже ему было как будто бы ничем. Вообще что-то тут поэт, видимо, затаил в своем уме. Аллегорически выразился насчет военной трубы и сразу затемнил. Наверно, он в свое время словчился-таки от военной службы. Оттого, может, и пустился на аллегорию.

В этом смысле гораздо легче иметь дело с прозой. В прозе не может быть таких туманностей. Там все ясно. А впрочем, и поэзию, как видите, можно разъяснить.

6. У другого русского поэта мы тоже находим не менее сильные строчки.

У этого поэта, надо сказать, однажды сгорел дом, в котором он родился и где он провел лучшие дни своего детства. И вот любопытно посмотреть, на чем этот поэт утешился после пожара.

Он так об этом рассказывает. Он описывает это в стихотворении. Вот как он пишет:

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем дому,
И мне умереть захотелось,
И я склонился к воде,
Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны,
И если она пожелает,
И если позволит луна,
Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.

И так далее, что-то в этом роде.

7. То есть, другими словами, делая вольный перевод с гордой поэзии на демократическую прозу, можно отчасти понять, что поэт, обезумев от горя, хотел было кинуться в воду, но в этот самый критический момент он вдруг увидел катающуюся в лодке хорошенькую женщину. И

вот он неожиданно влюбился в нее с первого взгляда, и эта любовь заслонила, так сказать, все его невероятные страдания и даже временно отвлекла его от забот по приисканию себе новой квартиры. Тем более, что поэт, судя по стихотворению, повидимому, попросту хочет как будто бы переехать к этой даме. Или он хочет какую-то пристройку сделать в ее доме, если она, как он туманно говорит, пожелает и если позволит луна и домоуправление.

Ну, насчет луны — поэт припел ее, чтоб усилить, что ли, поэтическое впечатление. Луна-то, можно сказать, мало при чем. А что касается домоуправления, то оно, конечно, может не позволить, даже если сама дама в лодке и пожелает этого, поскольку эти влюбленные не зарегистрированы, и, вообще, может быть тут какая-нибудь недопустимая комбинация.

8. То есть я не знаю, может, наш грубый солдатский ум, обстрелянный тяжелой артиллерией на двух войнах, не совсем так понимает тончайшие и нежнейшие поэтические сплетения строчек и чувств. Но мы осмеливаемся приблизительно так думать благодаря некоторому значению жизни и пониманию насущных потребностей людей, жизнь которых не все время идет по руслу цветистой поэзии.

Короче говоря, поэт и тут говорит о любви как о наивысшем чувстве, которое, при некоторой доле легкомыслия, способно заменить человеку самые насущные вещи, вплоть даже до квартирных дел. Каковое последнее утверждение всецело оставляем на совести поэта.

Но это, конечно, не есть мнение только трех пылких поэтов.

И все остальные тоже, бряцая, как говорится, даже на самых дребезжащих лирах, напевали любовные слова, еще более даже поразительные и беззастенчивые, чем эти.

9. Что-то там такое вспоминается из Апухтина:

Сердце воскреснуло, снова любя,
Трам-та-ра-рам, там-там...
Все, что в душе дорогого, святого...
Трам-та-ра-рам...

Причем это написал далеко не мальчик лет восемнадцати. А это написал солидный дядя лет сорока восьми, очень невероятно толстый и несчастный в своей личной жизни. Тем не менее он тоже, как видите, считает, что все мертво и безжизненно, пока в его сердце не возникла любовь.

Вот еще вспоминаются какие-то бешеные строчки:

Что такое любовь? О любовь! О любовь!
Это солнце в крови, это в пламени кровь...

Что-то такое, чорт побори... да...

Это райская сень, обретенная вновь.
Смерть над миром царит, а над смертью — любовь.

10. Тут даже французская поэзия, пожалуй, маленько отстает — у них, можно сказать, нету такого бешеного натиска, как, например, в этих строчках. А это писала русская поэтесса. Она проживала в начале нашего столетия и была, говорят, довольно интересная. Во всяком случае, с большим поэтическим темпераментом. Вообще дамочка, видать, прямо дрожала, когда сочиняла это стихотворение. Факт, можно сказать, больше, конечно, биографический, чем пример поэзии... Бедняге-мужу, наверно, сильно доставалось... Наверно, капризная. Дурака валяет. Целый день, наверно, в постели валяется с немой мордой. И все время свои стишки вслух читает. А муж-дурак сидит: «Ох, — восклицает, — это изумительно, пупочка, гениально!» А она говорит: «Правда?»...

Дураки! А потом взяли и оба умерли. Она, кажется, от туберкулеза, а он тоже, наверно, чем-нибудь заразился.

11. Тут, без сомнения, многие скептики, ученые и педанты, у которых сердца обледенели в одиноких скитаниях по полярным странам науки, прочтя эти стихотвор-

ные строчки, пожмут, пожалуй, плечами и скажут: дескать, это какое-то неумеренное-мнение каких-то слишком пылких сердец, развязных душ и развращенного мировоззрения.

И они удивятся, что об этом чувстве существует такое мнение и такие стихи, и такие слова, каких они вовсе не знали, и даже не допускали мысли, что об этом что-либо подобное когда-либо произносилось.

И, может, и правда, удивительно, что это так и что у нас бывает такая поэзия, но вот нам в руки недавно попала одна прозаическая книжка. Автор ее — певец, Федор Иванович Шалапин.

Так он в этой книжке с полной откровенностью признается, что все, что он делал в своей жизни, он делал главным образом для любви и для женщины. Вот какие бывают мнения о любви поэтически настроенных людей.

12. А что касается до людей трезвых и рассудительных, что касается философов и разных там мыслителей, умы которых пролили много света на самые таинственные и сложные явления жизни, что касается до этих людей, то они в общем счете мало чего говорили об этом чувстве, но иногда, конечно, считались с ним, подсмеивались и даже произносили в другой раз кой-какие афоризмы своей житейской мудрости.

Из более меланхоличных изречений мы можем, если хотите, привести вам слова Шопенгауэра, одного из самых мрачных философов, каких только знал мир.

Этот мрачный философ, жена которого, несомненно, изменяла ему на каждом шагу, произнес такие слова о любви:

«Любовь — это слепая воля к жизни. Она заманивает человека призраками индивидуального счастья и делает его орудием для своих целей».

13. Из более дурацких старинных изречений можем привести следующее:

«Любовь есть как бы сочетание небесных звуков».

Из более поэтических:

«Никогда нельзя ударить женщину, даже цветком».

Из более трезвых, но с уклоном в идеализм:

«Любовь возникает от таких преимуществ, которые любящий ценит тем более, чем менее он сам ими владеет».

Небезызвестный философ Платон даже предложил такую теорему:

«Сущность любви заключается в полярном различии возможно больших противоположностей».¹

Из более правильных изречений мы можем привести слова нашего пресветлого поэта и философа Пушкина:

Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю павшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь,
Душа ждала кого-нибудь.

14. Но это, так сказать, философия и механика любви.

А что касается до более точных исследований в этой области, то мы мало чего знаем об этом. И, может быть, даже и не надо об этом знать. И, даже скорей всего, что ничего не надо знать. Поскольку сознание портит и помрачает почти все, до чего оно дотрагивается.

Как у Достоевского очень правильно сказано: «Слиш-

¹ Любопытно, что Платон в дальнейшем отказался от этого взгляда. В своей знаменитой книге «Идеальное государство» Платон приводит следующие положения: «Женщина должна «рожать государству» в возрасте от двадцати до сорока лет. Мужчина может «творить государству» от тридцати до пятидесяти пяти лет. Самые сильные должны сожительствовать с сильнейшими. Слабейшие со слабейшими. Детей от первых — воспитывать, от вторых — бросать». Если б этот фантастический закон, предположим, провели в жизнь, то мир не знал бы Наполеона, отцу которого было двадцать два года, а матери восемнадцать, ни Пушкина, отцу которого было двадцать семь лет.

ком много сознания и даже всякое сознание — болезнь». А у другого поэта сказано: «Горе от ума». И мы полагаем, что эта фраза сказана далеко не случайно. Вообще, как возникает любовь — от психических ли представлений, или, скорей всего, существует какая-нибудь точная формула из неизведанной области электричества, — мы не знаем и решительно не хотим знать.

Итак, сознавая, что мы мало чего знаем о любви, но вместе с тем признавая за этим нежным чувством нечто немаловажное и даже грандиозное, мы с особым трепетом и сердечным волнением берем в свои руки тяжелые тома истории.

Мы хотим поскорей увидеть ту достойную роль, какую играло это чувство в жизни народов. Мы хотим увидеть грандиозные события, приключившиеся из-за любви, или там великолепные поступки отдельных граждан. Мы знаем, что мы хотим увидеть. И потому, чтоб понежить свою душу, мы располагаемся поудобней в кресле и, закутив душистую сигару, начинаем уверенной рукой перелистывать пожелтевшие страницы истории.

И вот что мы там видим.

15. Сначала нам под руку лезут все какие-то, чорт возьми, мелкие любовные дела и чепуховые, ерундовые делишки из повседневной жизни — разные там браки, предложения и свадьбы, заключенные деловыми и рассудительными умами.

Вот видим, какой-то герцог... Что-то такое... Женится на дочери короля, имея надежды на трон.

Вот еще какая-то гран-персона, желая прирезать к своим владениям ряд городов, тоже делает предложение какой-то припадочной принцессе...

Российские великие князья... Что-то такое... Из эпохи татарского ига... «Наперерыв стремятся (как пишет историк) пережениться на дочерях хана с тем, чтобы снискать себе его расположение»...

Вот какой-то еще, вообразите себе, Хильперих I... Франкский король... Женится на дочери короля испан-

ского... Как буквально пишет история: «с тем, чтобы нанести удар своему врагу, принцу Зигеберту».

16. Причем об этих любовных делах на коммерческой подкладке историки пишут без всякого, можно сказать, воодушевления, этаким вялым канцелярским тоном, как о самых пустых, примелькавшихся предметах. Историки даже не добавляют от себя никаких восклицаний, вроде там: «Ай-яй!», или «Вот так князь!», или «Фу, как некрасиво!», или хотя бы: «Глядите, еще одним подлецом больше!»

Нет, ничего подобного беспристрастные историки не восклицают. Хотя, правда, если начать восклицать, то, пожалуй, никаких восклицаний нехватит, поскольку по ходу мировой истории видим целое море подобных дел.

Но мы, пожалуй, не будем подробно перечислять эти коммерческие предприятия. Мы хотим коснуться более интересных вопросов. Хотя, конечно, и в этой области тоже были разные поразительные случаи и анекдоты, достойные внимания современного читателя.

17. Вот, например, очень забавный факт. Он нам понравился своей, так сказать, наглядностью сюжета. Он очень характерен, этот факт. Он взят из старинной русской жизни. Из эпохи Иоанна Грозного.

А приехал в то время в Россию немецкий герцог, некто Голштинский.

Неизвестно, что он там делал в этой своей Германии, но только историкам стало известно, что он прибыл в Россию с тем, чтобы жениться по политическим соображениям на дочери двоюродного брата Ивана IV.

И вот он приехал. Наверное, расфуфыренный. В каких-нибудь шелковых штанах. Банты. Ленты. Шпага сбоку. Сам, наверное, длинновязый. Этакая морда красная, с рыжими усищами. Пьяница, может быть, крикун и рукосуй.

Вот он приехал в Россию, и, поскольку все уже было письменно оговорено, сразу же назначили свадьбу.

18. Ну, суетня, наверное, мотня. Мамочка бегаёт. Курей режут. Невесту в баню ведут. Жених с папой сидит. Водку хлещет. Врет, наверно, с три короба. Дескать, у нас, в Германии... Дескать, мы, герцоги, и все такое.

И вот происходит такая, довольно печальная вещь. Невеста, увы, неожиданно умирает. Она, бедняжка, возвращается из бани, простуживается чертовски и умирает в течение трех дней.

Жених, конечно, в неопишемом горе, хочет обратно уезжать в Германию. И в растрепанных чувствах уже прощается с родными, как вдруг ему говорят:

— Товарищ герцог! Погодите уезжать. У нас еще, на ваше счастье, имеется одна барышня. Ее сестренка. Она, правда, постарше той, и она менее интересна из себя, но все-таки она, может быть, вам подойдет. Тем более, такой путь сделали из Германии — обидно же возвращаться с голым носом.

Герцог говорит:

— Конечно, подойдет. Что же вы раньше-то молчали? Ясно, что подойдет. Об чем речь! А ну, покажите.

В общем, несмотря на траур, свадьба была вскоре сыграна.

19. Но, может быть, чорт возьми, подобные факты и поступки происходили только у царей и среди герцогов?

Может, только в королевских чертогах существовали такая грубая расчетливость и брак без всякой любви, в силу там, может быть, разной, ну, я не знаю, дипломатии, хронического безденежья или там неважных условий царской жизни.

Может быть, у простых смертных как раз наоборот: любовь протекала естественным образом, и она веселила и радовала сердце окружающих?

На этот вопрос придется ответить отрицательно.

Некоторым категориям простых смертных вообще было как будто не до любви. Владетельные господа, как известно, женили своих верных рабов, как им вздумается.

Недавно мы прочитали, что русские помещики весьма

часто женили своих крестьян по такому способу: они выстраивали своих крестьян по росту и записывали их, с кем попало: высоких мужиков с высокими женщинами, низеньких с низенькими. И такую запись посылали священнику для исполнения.

Тут, можно сказать, было не до любви.

А что касается разных там, я извиняюсь, чиновников, спекулянтов, мешочников и так далее, то эти господа тоже, повидимому, мало чего понимали в любви. Браки у них совершались вроде как коммерческие дела. И без приданого там вообще не имели привычки шагу шагнуть.

20. Ну, а если коснуться жизни более высокого полета и взять там разных графов, баронов и купцов, то эти господа, при всей своей праздной жизни, тоже мало себе представляли, какого цвета любовь.

Вот прелестная историческая новелла, рисующая нам все, как оно у них было.

Во Франции при Людовике XV (1720 год) один спекулянт нажил себе темными аферами огромное состояние. Он всего достиг. И у него все было. Но он еще захотел непременно породниться с самой наидревнейшей аристократической фамилией, — у него мелькнула такая фантазия. И он со своим богатством, не зная никаких преград, решил выдать замуж свою дочку за обедневшего маркиза со знаменитой фамилией д'Уау.

А дочке его в то время было всего три года. А маркизу было лет тридцать. Причем обедневший маркиз, несмотря на крупнейшее приданое, вовсе не имел никакого намерения ожидать двенадцать лет.

Изящно разводя руками и сверкая золотым лорнетом, он, наверное, говорил папаше-спекулянту сильным голосом: — Послушайте, я бы рад с вами породниться, и сумма меня вполне устраивает, но у вас невеста чересчур мала. Пушай немного подрастет, тогда будет видно, — я, может быть, женюсь.

21. Но честолюбивый папаша пожелал немедленно стать

родственником маркиза. Он тем самым, так сказать, хотел прикоснуться к высшей аристократии. И вот тогда он заключил с маркизом такой договор. Он ежемесячно выплачивает маркизу огромное жалование до совершеннолетия невесты. Через двенадцать лет маркиз обязуется жениться на ней. Обручение же должно состояться теперь.

И вот в течение девяти лет маркиз аккуратно получал свое жалование и предавался всем радостям жизни. А на десятый год молоденькая двенадцатилетняя невеста, заболев дифтеритом, скончалась.

Можно представить себе, какие слезы лил папаша-спекулянт! Во-первых, конечно, безумно жалко девочку, а во-вторых, подумать только, сколько денег зря ухлопано! И, конечно, нет никаких надежд получить с господина маркиза назад хоть частицу.

А тот, наверно, потирая руки, говорил огорченному папаше: дескать, насчет денег уж, конечно, сами понимаете. Раз девочка скапутилась — мое счастье.

22. Но это еще что! Были также и более удивительные дела на любовном фронте.

Вот, например, очень странно читать, как мужчины — разные красавцы, бароны, отважные рыцари, кавалеры, купцы, помещики и цари женились, не видя своих невест. Причем это было довольно частое явление. И вот это нам, современным читателям, до некоторой степени удивительно.

Там узнавали только, какие дела и финансы и какое имущественное положение у невесты, кем папаша служит или где он царствует — и все. Ну, некоторые, может быть, осторожные женихи спрашивали, какая приблизительно подруга жизни, не горбатая ли — и все.

Давали свое согласие и женились, так сказать, втемную, заглазно. И невесту только в последний момент видели.

Нет, в наше время — трудно даже представить, как бы это могло у нас быть! У нас были бы, наверно,

вопли, нервные крики, отказы, заваруха, мордобой и чорт знает что. А там как-то такое обходилось.

23. Конечно, случались неприятности и безобразия.

Например, из мировых скандалов известны два.

Один — знаменитый случай, который даже в театрах играют как чудовищную трагедию и драму из царской жизни.

Филипп II, испанский, старик лет шестидесяти, решил женить своего сына и наследника, знаменитого Дон-Карлоса. Он его решил женить на французской принцессе Изабелле, что было выгодно и необходимо, согласно высокой политике. Сам же он эту принцессу не видел. Знал, что молоденькая и стремится выйти замуж, но какая она из себя, он не знал.

Но когда, после обручения, он ее увидел, то влюбился в нее и женился на ней сам, к громадному огорчению сына, который тоже был неравнодушен к своей прелестной невесте. После чего, как известно, произошла драма между отцом и сыном.

24. Второй случай был в Персии. Персидский царь Камбиз (сын знаменитого Кира) сделал предложение дочери египетского фараона Амазиса II (529 год до нашей эры). Это предложение Камбиз сделал, не видя невесты. В это время разъезды и переезды были весьма сложным делом. И на поездку в Египет надо было затратить несколько месяцев.

А по слухам стало известно, что дочь египетского фараона отличается выдающейся красотой и миловидностью.

И вот могущественный персидский царь, отец которого завоевал почти весь мир, взял и послал предложение дочери египетского царя.

Фараон, чрезвычайно любивший свою единственную дочь, не захотел отпустить ее в неведомые края. Но вместе с тем он боялся оскорбить отказом владыку мира. И вот он тогда выбрал наиболее красивую девушку из

рабынь и послал ее в Персию вместо своей дочери. При чем он послал ее как свою дочь, и для этой цели ей дали соответствующие указания.

История рассказывает, что Камбиз, женившись на ней, чрезвычайно полюбил ее, но, когда случайно обман раскрылся, он безжалостно умертвил ее и, оскорбленный в лучших чувствах, пошел войной на Египет.

Это была, пожалуй, одна из сильнейших любовных драм, из которой можно увидеть, как иной раз возникает любовь и как она заканчивается.

25. Ах, мы живо представляем себе этот драматический эпизод и этот трагический момент, когда раскрылся весь обман!

Вот они сидят, обнявшись, на персидской оттоманке.

На низенькой скамейке стоят, представьте себе, восточные сласти и напитки — там рахат-лукум, коврижки и так далее. Этаким толстенный перс с опахалом в руках отгоняет мух от этих сладостей.

Персидский царь Камбиз, выпив стаканчик какого-нибудь там шерри-бренди, с восхищением любит свою прелестную супругу и бормочет ей разные утешительные слова: дескать, «ах, ты, моя египтяночка!.. Ну, как там у вас, в Египте?.. Папаша-фараон, наверно, тебя чересчур баловал. И, вообще, как же можно тебя не баловать, когда ты такая у меня душечка, и я полюбил вас, моя дорогая принцесса, с первого своего взгляда за вашу царственную походку, и так далее».

26. Тут или она понадеялась на свои женские чары, или уже неизвестно, что случилось в ее женском сердечке, только она, засмеявшись серебристым смехом, сказала, что вот, дескать, какой нелепый случай: дочка-то фараона существует сама по себе в Египте, а он вот, персидский царь Камбиз, без ума полюбил ее, ничего общего с дочкой фараона не имеющую. Он полюбил простую девицу из рабынь. Вот что делает любовь с сердцем мужчины.

Тут без содрагания нельзя представить дальнейшую сцену.

Наверно, он заорал диким голосом. Вскочил с дивана в одних подштанниках. С одной босой ноги туфля упала. Губы побелели. Руки трясутся. Колени подгибаются.

— Как?! — закричал он по-персидски. — Повтори, что ты сказала! Господа министры! Арестуйте нахалку!

Тут министры прибежали. Ах, ах! Что такое? Успокойтесь, ваше величество!.. Глядите — туфельку с ноги обронили, теряете королевское достоинство.

Но, конечно, не так-то легко успокоиться, поскольку громадное оскорбление нанесено самолюбию.

27. И вот вечером, после того как спешно отрубили голову несчастной египтянке, Камбиз, наверно, долго совещался с министрами.

Размахивая руками и волнуясь, он нервно ходит по комнате.

— Нет, какая сволочь египетский фараон, а? — восклицает он с возмущением.

Министры, почтительно вздыхая, качают головами и разводят руками, ехидно переглядываясь между собой.

— Что же я теперь делать буду, господа, после такого оскорбления? Войной, что ли, мне пойти на этого негодяя?

— Можно войной, ваше величество.

— Только он, собака, забрался далеко... Египет... Африка... Туда чуть не год итти... На верблюдах, кажется, надо...

— Ничего, ваше величество... Войска дойдут.

— Я ее обласкал, — снова раздражаясь, говорил Камбиз. — Я ее принял, как египетскую принцессу, страстно полюбил, а это оказывается не то... Как же, господа? Что же я — собака, что мне его дочка недоступна? Взял и подослал какую-то шушеру... А?

28. Министр иностранных дел, сдерживаясь от приступов внутреннего смеха, говорит:

— Главное, ваше величество, мировой скандал-с...

— Вот именно!.. Я же и говорю — скандал. Ай, ну что же я буду делать?

— Главное, ваше величество, в мировую историю войдет, вот что худо... Дескать, Персия... Камбиз... Подсудобили барышню...

— Ай, ну что ты меня расстраиваешь, сукин сын!.. Сбирать войска!.. Итти походом!.. Завоевать и стереть весь Египет к чортовой матери!..

В общем, Камбиз самолично двинул войска на Египет и в короткое время завоевал его. Однако престарелый и горемычный фараон Амазис к тому времени умер. А его племянник — Псаметих, не ожидая для себя ничего хорошего, покончил с собой.

Что же касается до злополучной царской дочери, то никаких следов о ее судьбе мы, к сожалению, в истории не нашли...

Один знакомый профессор истории, читающий лекции в университете, мне сказал, что Камбиз эту египтянку будто бы отдал в гарем одного из своих министров. Но, насколько это верно, мы не беремся утверждать. Но это, конечно, возможно. В общем любовь рассеялась, как дым. Из чего видно, почем стоил фунт этого чувства.

29. Значит, что же? Значит, дело обстоит как будто неважно? Где же эта знаменитая любовь, прославленная поэтами и певцами? Где же это чувство, воспетое в дивных стихах?

Неужели недоучки-поэты, рифмоплеты и любители всякой красоты и грации, допустили такое возмутительное преувеличение? Что-то мы, читая историю, не находим подобных эффектных переживаний.

Нет, конечно, перелистывая историю, мы кое-что встречаем. Но это чересчур мало. Мы хотели, чтоб на каждой странице сверкала какая-нибудь бесподобная жемчужина. А то раз в столетие натываемся на какую-нибудь сомнительную любвишку.

Вот тут мы наскребли что-то такое несколько любов-

ных рассказов. А прочитали для этого со старанием решительно всю историю от разных там, я извиняюсь, эфиопов и халдеев и от сотворения мира вплоть до нашего времени.

И вот только и наскребли то, что вы сейчас увидите. Вот, например, довольно сильная любовь, благодаря которой одна дочка переехала на колеснице своего папу.

Вот как это у них было.

30. Римский цар, Сервий Тулий, имел дочку. А у дочки был муж, человек довольно сомнительной репутации. Но тем не менее дочка его исключительно любила.

И вот этот господин замыслил сбросить с престола благородного отца этой дочки, Сервия Тулия. Конечно, это был старик — Сервий Тулий, и он вел какие-то неудачные войны с этими, представьте себе, с какими-то этрусками. Но все-таки сбрасывать его было жалко. И, тем более, убивать его не надо было. Это уже было свинство.

Но этот энергичный зять, посоветовавшись с дочкой старика, решил все-таки убить ее папу. И она, из любви к этому кровопийце, согласилась.

И вот на площади этот энергичный зять, подкупив наемного убийцу, безжалостно убивает кинжалом благородного старичка. И тот, не пикнув, падает. И народ кричит: «А кто же, господа, теперь у нас будет императором?»

И вот дочка этого убитого отца, вместо того, чтобы от огорчения рыдать и падать на труп своего папы, вскакивает на колесницу и, желая приветствовать нового императора — ее мужа, с криком радости колесами переезжает к чорту труп своего только что убитого отца.

Сцена, хотя до некоторой степени препротивная, но все же сильная. И любовь этой царской дочки выходит довольно содержательная. Все-таки надо очень любить, чтоб в такой момент старика переехать.

Стоит на колеснице. Гикает. Волосы растрепались.

Морда перекосилась. «Ура!» — кричит новому императору. И едет через все, что попало.

А в толпе кричат:

— Глядите, эта бесстыдная бабенка не постеснялась даже, кажется, своего папу переехать.

Нет, все-таки это была любовь. И отчасти, наверно, желание самой царствовать. В общем неизвестно.

31. Но вот вам еще более сильная любовь, случившаяся с одной небезызвестной исторической дамой на закате ее жизни.

Русская императрица Екатерина II на склоне своих лет, имея от роду что-то пятьдесят восемь лет, безумно влюбилась в одного молодого отважного красавца — Платона Зубова. Ему было двадцать один год, и он был, действительно, юноша очень интересный собой. Хотя его брат, Валериан, был еще того более интересен. В Русском Музее имеются два их портрета, — так это действительно: брат был неслыханной красоты.

Но старуха увидела брата позже, и поэтому, не зная, как и чего, сразу влюбилась в Платона. А когда увидела Валериана, то ахнула и сказала: «Да, этот юноша мне бы тоже понравился. Но, поскольку я уже полюбила Платона, я уж так, пожалуй, и буду продолжать».

А Платон, видя, что Валериан произвел на старуху неотразимое впечатление, послал этого своего братишку на войну. И красавцу на войне оторвало ногу ядром.

Так что старуха целиком привязалась к Платону и осыпала его разными удивительными милостями.

Интересно бы знать, как у них возник роман. Красавчик, вероятно, ужасно стеснялся на первых порах и робел, когда пожилая дама на него напирала. Естественно — робеешь: все-таки священная особа, так сказать, императрица всяя России и так далее, и вдруг, чорт возьми, какие-то грубые дела!

32. Представим себе этот роман.

— Ну, обними же меня, дурачок! — говорила императрица.

— Прямо, ей-богу, не смею, ваше величество, — бормотал фаворит. — Имею, так сказать, робость и уважение к императорскому сану.

— Да забудь ты об этом. Ну, назови меня Екатерина Васильевна (или как там ее по батюшке).

И мальчишка, неестественно смеясь, почтительно дотрагивался до стареющих плеч императрицы. Но потом привык и за свою любовь получил больше, чем следует.

В общем, в свои двадцать четыре года красавец уже был генерал-аншеф, наместник Новороссийского края и главный начальник всей артиллерии.

Немолодая дама, влюбляясь с каждым годом в него все более, не знала, как бы и чем ему угодить.

Она разрешила ему просматривать все секретные депеши и донесения из-за границы. Все министры и генералы, прежде чем попасть к Екатерине, проходили через него.

Министров и придворных юноша принимал, лежа на кушетке в шелковом бухарском халате. Старые генералы, почтительно дрожа, стояли навтыжку перед молодым красавчиком.

Старая императрица, влюбленная без меры, доверила ему все самые ответственные государственные дела. Любовь ее буквально ослепила.

33. А между тем мальчишка имел весьма смутные представления о жизни и политике. Например, известен его проект новой России.

В этом удивительном проекте столицами первой степени гордо указаны: Петербург, Берлин, Астрахань, Москва и Константинополь. Среди городов второй степени указаны почему-то Краков, Таганрог и Данциг. В этом проекте имеется такая фраза:

«Государыня столь обширной империи уподобляться должна солнцу, благотворным взором своим согревающему все, что лучи его достать могут».

В общем, по одному этому проекту можно судить, насколько старой даме было решительно наплевать на все

государственные дела и как вся мировая политика померкла в сравнении с ее последней любовью.

Но этот случай скорей показывает нам стареющего человека во всей его печальной красоте, чем счастливые свойства любви.

Однако вот вам история одной большой любви, которая случилась в расцвете сил.

34. История эта тоже довольно известная, обошедшая театральные площадки. Так что мы не будем особенно долго на ней останавливаться. Это, знаете, о том, как римский консул Марк Антоний полюбил египетскую царицу Клеопатру. В общем, давайте вспомним эту историю, тем более, что эта трогательная история все же до крайности удивительна. Честолюбивый человек, достигший, представьте себе, огромной власти, влюбившись в женщину, бросил решительно все. Он бросил даже свои войска, с которыми он шел на завоевание. И навсегда застрял в Египте.

Он подарил Клеопатре римские земли, правда, завоеванные им, — Армению, Сирию, Киликию и Финикию. И возвел ее в сан «Царицы царей».

Римский сенат, видя скандальные действия военачальника, спешно отрешил Антония от должности первого консула. Но влюбленный Антоний не захотел даже вернуться на родину.

Тогда Рим объявил войну Клеопатре. И у них началась славная борьба.

Антоний, совместно с Клеопатрой, выступил против римского войска.

Римские войска приближались к Александрии, и римский консул Октавиан написал Клеопатре письмо о том, что она может еще спасти свою жизнь и престол, если только пожертвует Антонием.

35. Госпожа царица, видя, что ее дела неважные, решила пожертвовать своим пылким возлюбленным.

И, пока Антоний вел борьбу с Октавием, Клеопатра

уведомила своего любовника через слуг, что она лишила себя жизни. Она знала, что любивший ее Антоний не переживет горя. И действительно: узнав о гибели Клеопатры, Антоний пронзил себя мечом.

Однако рана оказалась не смертельной. И Антоний, узнав, что Клеопатра жива, велел принести себя на носилках к ней. И в ее объятиях он умер, простив ее за обман.

Эта удивительная история действительно говорит о довольно большой любви, которая затмила решительно все остальное.

А Клеопатра в дальнейшем тоже покончила с собой.

Дело в том, что Октавиан собирался отправить ее в Рим в качестве трофея. Клеопатра хотела было своим кокетством увлечь и этого вождя, но из этого ничего не вышло, и тогда она, не желая пережить позора, отравилась. И вместе с ней отравились тридцать ее прислужниц.

И нам почему-то жалко эту красавицу, которой Октавиан сказал: «Брось, царица, свои уловки, — меня на это не поймашь». А ей было уже сорок лет, и она поняла, что ее песенка спета.

36. Но вот еще одна большая любовь, при которой человек позабыл даже о своем революционном долге.

Речь идет о муже знаменитой мадам Талльен.

Во Французскую революцию главный секретарь Революционного совета был послан Робеспьером в Бордо для ареста бежавших туда аристократов.

И вот в тюрьме он познакомился с арестованной молодой женщиной — Терезой Фонтенэ. Он влюбился в нее и выпустил ее из тюрьмы.

Робеспьер, узнав, что Талльен выпустил арестованную, снова велел арестовать ее.

Тогда Талльен, соединившись со сторонниками Дантона, повел такую борьбу против Робеспьера, что в короткое время сумел свалить его. И одним из мотивов этой борьбы была, несомненно, любовь к Терезе Фонтенэ.

В дальнейшем Талльен женился на ней, но она вскоре его бросила и вышла замуж за какого-то князя.

Но это еще не все, что знает история.

Еще помимо этого совершались по временам небольшие и, на первый взгляд, малозаметные события, но тем не менее эти события, буквально можно сказать как солнце, пробивались сквозь дебри лесов. Это была большая любовь.

37. ● Вот, например, жены декабристов, блестящие светские дамы, бросили все и добровольно, хотя их никто не высылал, пошли в Сибирь за своими мужьями.

● Больной Радищев должен был отправиться в ссылку. А незадолго до этого умерла его жена. Тогда сестра жены последовала за ним на поселение...

● Сын богатого помещика, блестящий кавалергард Ивашов, полюбил гувернантку Камиллу, служившую в их доме. Родители, конечно, отказали ему в этом браке. Но через год, когда Ивашов по делу декабристов был сослан на двадцать лет в Сибирь, молоденькая гувернантка добровольно последовала за ним.

● У английского поэта Р. Броунинг умерла горячо любимая жена. Страшно оплакивая ее, поэт положил в гроб самое дорогое, что было для него, — тетрадь своих новых сонетов.

Правда, в дальнейшем, когда поэт еще раз полюбил, он достал эту тетрадь, но это не так важно.

● Наполеон в разгар сражения в 1796 году писал Жозефине:

«Вдали от тебя весь мир — пустыня, в которой я одинок и покинут. Ты — единственная мысль всей моей жизни».

● Лассаль писал Елене Деннигес: «У меня исполинские силы, и я их утысячрю, чтобы завоевать тебя. Никто в мире не в состоянии оторвать тебя от меня... Я страдаю в тысячу раз больше, чем Прометей на скале».

38. ● Чернышевский, влюбленный в свою жену, писал Некрасову: «Не от мировых вопросов люди топятся, страдают, делаются пьяницами, — я испытал это и

знаю, что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли».

● Город Вейнсберг осажден неприятелем. Победители разрешили женщинам покинуть город перед разгромом. Причем разрешили каждой женщине взять то, что ей было наиболее дорого, и то, что она может унести с собой. И вот несколько женщин на руках вынесли своих доблестных мужей.

Конечно, это последнее событие похоже на легенду. История любит по временам, так сказать, для морального равновесия, придумать что-нибудь такое чувствительное.

39. Из чувствительных анекдотов забавен следующий.

Какой-то рыцарь, отправляясь в поход, поручил жену своему другу. Друг влюбился в жену. Жена влюбилась в него. Но клятва верности, конечно, ненарушима.

И вот, чтобы сохранить и испытать эту верность, они спят в одной постели, положив между собой обоюдоострый меч.

Меч-то, может быть, они и положили, и спали, может быть, они тоже в одной постели, — этот исторический факт мы опровергать не будем, — но что касается всего остального, то, извините, сомневаемся.

В общем, на этой сентиментальной чепухе мы заканчиваем наши исторические новеллы.

Вот что рассказывает история о любви.

Она, в общем, весьма немного рассказывает об этом чувстве. Дескать, да, действительно, чувство это, кажется, имеется. Истории, дескать, приходилось иной раз сталкиваться с этой эмоцией. Дескать, бывали даже кой-какие исторические события и случаи на этой почве. И совершались кое-какие дела и преступления.

Но чтоб это было что-нибудь такое, слишком грандиозное, вроде того, что напевали поэты своими тенорами, — вот этого история почти не знает.

Напротив, коммерческие души вполне оседлали это чувство. И оно не представляет никакой опасности для тихого хода истории.

40. Нет, это чувство не помешало людям идти по той дороге, по которой они добросовестно и терпеливо идут.

И историки в праве монотонными голосами рассказывать нам о том, что было, и о том, сколько какой жених получил «карбованцев» за то или иное свое чувство.

Да, конечно, тут речь шла о прошлых столетиях. И, может быть, теперь кое-что изменилось?

Мы, к сожалению, не побывали за границей и, в силу этого, не можем полностью удовлетворить ваше законное любопытство.

Но мы имеем мнение, что навряд ли там произошли какие-нибудь крупные перемены.

Наверно, мы так думаем, какой-нибудь маркиз со своим звучным именем является женихом трехлетней крошки. И папаша ежемесячно выплачивает ему жалование.

И, наверно, какая-нибудь стареющая особа, позабыв все на свете, держит при себе какого-нибудь танцора Зубова и осыпает его своими милостями.

Все, надо полагать, идет, как оно и шло.

А что касается, как у нас, то у нас произошли изрядные перемены.

41. И некоторые печальные дела, связанные с любовью, у нас все же понемножку исчезают. Например коммерческий расчет почти прекратился. И денежные счета упростились и сильно уменьшились. И, вообще, оно стало как-то в этом смысле понятней и менее хлопотливо, и не так обременительно.

Давайте же посмотрим, какие отрицательные дела бывают у нас на любовном фронте. И, так сказать, железной метлой сатиры давайте подметим то, что можно подмести.

Итак, переходим к любовным рассказам из нашей жизни.

Рассказы о любви

РАССКАЗ О СТАРОМ ДУРАКЕ

Есть такая, может быть, знаете, знаменитая картина из прежней жизни, она называется — «Неравный брак».

На этой картине нарисованы, представьте себе, жених и невеста.

Жених — такой, вообще, престарелый господинчик, лет этак, может быть, семидесяти трех с хвостиком. Такой, вообще, крайне дряхлый, обшарпанный субъект нарисован, на которого зрителю глядеть мало интереса.

А рядом с ним — невеста. Такая, представьте себе, молоденькая девочка в белом подвенечном платье. Такой, буквально, птенчик, лет, может быть, девятнадцати.

Глазенки у нее напуганные. Церковная свечка в руках трясется. Голосок дрожит, когда брюхастый поп спрашивает: ну, как, довольна ли, дура такая, этим браком?

Нет, конечно, на картине этого не видеть, чтоб там и рука дрожала и чтоб поп речи произносил. Даже, кажется, и попа художник не изобразил по идеологическим мотивам того времени. Но все это вполне можно представить себе при взгляде на эту картину.

В общем, удивительные мысли навеивает это художественное полотно.

Такой, в самом деле, старый хрен мог до революции вполне жениться на такой крошке. Поскольку, может быть, он — «ваше сиятельство» или он сенатор, и одной пенсии он, может быть, берет свыше как двести рублей золотом, плюс поместья, экипаж и так далее. А она, мо-

жет, из бедной семьи. И мама ее нажучила: дескать, ясно, выходи.

Конечно, теперь всего этого нету. Теперь все это, благодаря революции, кануло в вечность. И теперь этого не бывает.

У нас молоденькая выходит поскорей за молоденького. Более престарелая решается жить с более потрепанным экземпляром. Совершенно старые переключаются вообще на что-нибудь эфемерное — играют в шашки или гуляют себе по набережной.

Нет, конечно, бывает, что молоденькая у нас иногда выходит за пожилого. Но зато этот пожилой у нас обыкновенно какой-нибудь там крупнейший физиолог или он ботаник, или он чего-нибудь такое изобрел всем на удивление, или, наконец, он ответственный бухгалтер и у него хорошая материальная база на двоих.

Нет, такие браки не вызывают неприятных чувств. Тем более тут можно искренне полюбить — может, это какая-нибудь одаренная личность, хороший оратор или у него громадная эрудиция и прекрасный голос.

А таких дел, какие, например, нарисованы на вышеуказанной картине, у нас, конечно, больше не бывает. А если что-нибудь вроде этого и случается, то это вызывает всеобщий смех и удивление.

Вот, например, какая история произошла недавно в Ленинграде.

Один, представьте себе, старик, из обыкновенных служащих, неожиданно в этом году женился на молоденькой.

Ей, представьте себе, лет двадцать, и она интересная красавица, приехавшая из Пензы. А он — старик, лет, может быть, шестидесяти. Такой, вообще, облезлый тип. Морда какая-то у него потрепанная житейскими бурями. Глаза какие-то посредственные, красноватые. В общем, ничего из себя не представляющая личность, из таких, какие в каждом трамвае по десять штук едут.

И к тому же он плохо может видеть. Он, дурак, дальтонизмом страдает. Он не все цвета может различать.

Он зеленое принимает за синее, а синее ему, дураку, мерещится белым. В довершение всего он был женат. И вдобавок ко всему жил со своей старухой в крошечной и неважной комнатенке.

И вот, тем не менее, имея такие дефекты, он неожиданно и всем на удивление женится на молодой прекрасной особе.

Окружающим он так объяснил это явление: дескать, новая эра, дескать, нынче даже старики кажутся молодыми и довольно симпатичными.

Окружающие ему говорят:

— Вы поменьше занимайтесь агитацией и пропагандой, а вместо этого поглядите, чего ей от вас нужно. Это же анекдот, что она за вас выходит замуж.

Старик говорит:

— Кроме своей наружности и душевных качеств, я ничего материального не имею. Жалование маленькое. Гардероб — одна пара брюк и пара рваных носовых платков. А что касается комнаты, этой теперешней драгоценности, то я живу пока что со своей престарелой супругой на небольшой площади, какую я намерен делить. И в девяти метрах, с видом на помойку, я буду, как дурак от счастья, жить с той особой, какую мне на старости лет судьба послала.

Окружающие ему говорят:

— А ну вас к лешему! Вас не уредишь.

И вот он разделил площадь. Устроил побелку и окраску. И в крошечной комнатке из девяти метров начал новую великолепную жизнь, рука об руку с молодой цветущей особой.

Теперь происходит такая ситуация.

Его молодая подруга жизни берет эту крошечную комнату и меняет ее на большую. Поскольку нашелся человек, которому дорого было платить и он хотел иметь свои законные девять метров, без излишков.

И вот она со своим дураком переезжает на эту площадь, в которой четырнадцать метров.

Там живет она некоторое время, после чего проявляет

бешеную энергию и снова меняет эту комнату на комнату уже в двадцать метров. И в эту комнату снова переезжает со своим старым дураком.

А, переехав туда, она с ним моментально ссорится и дает объявление в газету: дескать, меняю чудную комнату в двадцать метров на две небольшие в разных районах.

И вот, конечно, находится пара, которая мечтает пожить совместно, и за эту комнату они с радостью отдают две свои.

Короче говоря: через два месяца после, так сказать, совершения таинства брака, наш старый дурак, мало чего понимая, очутился в полном одиночестве в крошечной комнатке за городом, а именно — в Озерках.

А молодая особа поселилась на Васильевском Острове, в небольшой, но славной комнатке.

А вскоре, имея эту комнату, она вышла замуж за молодого инженера, и теперь она бесконечно счастлива и довольна.

Старый дурак хотел подать в суд на эту особу за надувательство. И даже он разговаривал по этому поводу с одним бывшим юристом. Но этот юрист, из бывших адвокатов, весело посмеявшись, заявил, что обман этот доказать крайне трудно и к тому же молодая особа, может быть, искренне увлеклась им и, только узнав его поближе, разочаровалась.

На этих сладких мечтах наш старый дурень и успокоился. И теперь он ежедневно трясется на поезде, выезжая из этих своих Озерков на службу.

В общем, как говорится, не угадал папаша. Старого воробья провели на мякине. А он расчувствовался, фантазию построил, всякие любовные мечты, за что и пострадал сверх всякой меры.

Вообще, как видите, и в нашей жизни на любовном фронте случаются неприятности. У молодых это бывает реже. А старость, скромные средства и красные подслеповатые глаза не создают в любви благоприятную ситуацию.

Вот вам еще крошечный рассказ о коммерческой любви. А засим мы перейдем к более достойным случаям.

ЖЕНИТЬБА — НЕ НАПАСТЬ, КАК БЫ ПОСЛЕ НЕ ПРОПАСТЬ

Говорят, будто в прежнее время без приданого браков почти не существовало.

Каждый порядочный жених приставал к родителям невесты прямо с ножом к горлу: дескать, объясните, какое будет приданое у невесты и сколько денег и сколько чего, или я жениться не буду.

Ну, родители, с перепугу, назначали сумму и рассказывали, где какое у невесты приданое.

А в настоящее время у нас даже это слово «приданое» позабыто. Даже мы слабо представляем себе, как это у них с этим было.

Конечно, и в наше время случаются типы, которые вместе с женитьбой норовят чего-нибудь такое заполучить лишнее: какую-нибудь там, может быть, мебель, комнату или, в крайнем случае, хотя бы носильное платье, чтобы себе перешить.

Однако это у нас тоже не так-то легко бывает. И жениху не всегда удастся реализовать подобную бессмысленную фантазию.

Даже, например, такая мелочь — висит хорошенькая брошка на груди у невесты. Однако это ровным счетом ничего не означает. Женится человек, и оказывается, никакой брошки у супруги нету. Оказывается, брошка была занята у подруги, а подруга, может быть, уже шесть раз была замужем, и брошка у нее к тому же из нетемнеющего металла.

Или, например, висит шуба на вешалке. А после оказывается, что шубу комнатный жилец повесил.

Нет, нынче, которые женятся, наперед знают, что много с невесты не возьмут.

Конечно, многие сейчас смотрят не так на имущество, как на служебное положение будущей супруги. Но это тоже не всегда является чем-то положительным.

Вот какой случай произошел однажды.

Один молодой человек познакомился с одной молодой особой. И видит, что эта молодая, прекрасная особа очень интересная и приятная собой.

Но внешность его не так удивила. А он очень удивился и призадумался, когда узнал, что эта особа — женщина-бухгалтер.

Профессия эта довольно редкая. Она требует особого напряжения ума, а потому бухгалтеров у нас мало, и они все прилично оплачиваются.

А молодой человек смотрел на жизнь и на ее проявления крайне трезво. Он любви не понимал и только одним интересовался: как бы ему получше пожить и попитаться.

И вот вдруг видит такой экстраординарный случай — женщина-бухгалтер. Так сказать, великолепная подмога в жизни. И вот он с ней получше познакомился. Сводил ее пару раз в кино, объяснился в любви. И сказал: «Не желаете ли записаться?» А она говорит: «Ах, пожалуйста! Я очень рада».

И вот он с ней записался. Чертовски полюбил ее. И она его полюбила.

Но вдруг она является однажды со службы и ему говорит:

— Вот, Петя, какое дело. Я ушла с работы. Я, скажу откровенно, давно мечтала: как выйду замуж, так и перестану мотаться по канцеляриям. В общем я бросила работу.

Вот супруг чертовски взволновался. Ахает, кричит и просит. И думает: «Вот так штука! Я же специально из-за этого женился».

Но супруга говорит:

— Нет, довольно колбасы, — я служить не буду. Я не имею намерения в душной канцелярии терять высокую квалификацию своей красоты и молодости.

Супруг говорит:

— Но поймите, это буржуазное мещанство! Ты, — говорит, — мне особенно нравилась своей самостоятельностью. Я, — говорит, — прямо потрясен печальным фактом!

Но, сколько он ни говорил, она настояла на своем —

и теперь не служит. А он чертовски мучается и все мечтает с ней разойтись, но это ему не удается, поскольку они переехали в общую комнату, за которую отдали две свои, что было, конечно, легче сделать, чем наоборот.

А в довершение всего она родила ему младенца и тем самым его еще больше прикрепила. И он ее уже не бросит, поскольку ему будет жалко зря платить ей алименты.

В общем он ошибся в своих расчетах и теперь адски страдает.

А случай этот, конечно, частного характера, — он небольшой и мелкий. И мы, не занимаясь обобщением и не обличая наших уважаемых граждан в излишнем корыстолюбии, переходим к более солидным делам из любовной практики.

Вот, извольте, интересный рассказ, из которого вы увидите, на что любовь и ревность могут толкнуть не старую еще женщину.

РАССКАЗ О ПИСЬМЕ И О НЕГРАМОТНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Жили себе в Ленинграде муж и жена.

Муж был ответственный советский работник. Он был нестарый человек, крепкий, развитой и вообще, знаете ли, энергичный, преданный делу социализма и так далее.

И хотя он был человек простой, из деревни, и никакого такого в свое время высшего образования не получил, но за годы пребывания в городе он поднатюпел во всем и много чего знал и мог в любой аудитории речи произносить. И даже вполне мог вступать в споры с учеными разных специальностей — от физиологов до электриков включительно.

А жена его, Пелагея, между тем была женщина неграмотная. И хотя она приехала из деревни вместе с ним, но ничему такому не научилась, осталась неграмотной, и даже свою фамилию она не могла подписывать.

А муж Пелагеи, видя такую ситуацию, ужасно огорчился, страдал и не понимал, как ему выйти из беды. Тем более он сам был чересчур занят и не имел свободного времени на переподготовку своей супруги.

И он ей говорил:

— Ты бы, Пелагеюшка, как-нибудь научилась читать или хотя бы фамилию подписывать. Наша страна, — говорит, — постепенно выходит из вековой темноты и некультурности. Мы кругом ликвидируем серость и неграмотность. А тут вдруг супруга директора хлебозавода не может ни читать, ни писать, ни понимать, чего написано! И я от этого терплю невозможные страдания.

А Пелагея на это, конечно, так говорит. Она рукой махнет и так отвечает:

— Ах, — отвечает, — Иван Николаевич, об чем вы хлопотете! Мне этим не к чему заниматься. В свое время я за это не взялась, а теперь мои годы постепенно проходят, и моя молодость исчезает, и мои руки специально не гнутся, чтобы, например, карандаш держать. На что мне учиться и буквы выводить? Пушай лучше молодые пионеры занимаются, а я и так до старости лет доживу.

А муж Пелагеи, конечно, вздыхает с огорчением и говорит:

— Эх, эх, Пелагея Максимовна!..

Но однажды все-таки Иван Николаевич принес домой учебник.

— Вот, — говорит, — Поля, новейший букварь-самоучитель, составленный по последним данным науки. Я, — говорит, — сам тебе буду показывать. И просьба — мне не противоречить.

А Пелагея усмехнулась тихо, взяла букварь в руки, повертела его и в комод спрятала: пушай, дескать, лежит, может, потомкам пригодится.

Но вот однажды днем присела Пелагея за работу. Пиджак Ивану Николаевичу надо было починить, рукав протерся.

И села Пелагея за стол. Взяла иголку. Сунула руку под пиджак — шуршит что-то.

«Не деньги ли?» — подумала Пелагея.

Посмотрела — письмо. Чистый такой, аккуратный конверт, тоненькие букочки на нем, и бумага вроде как духами или одеколоном пахнет.

Екнуло у Пелагеи сердце.

«Неужели же, — думает, — Иван Николаевич меня зря обманывает? Неужели же он сердечную переписку ведет с порядочными дамами и надо мной же, неграмотной душой, насмехается?»

Поглядела Пелагея на конверт, вынула письмо, развернула, — не разобрать по неграмотности.

Первый раз в жизни пожалела Пелагея, что читать она не может.

«Хоть, — думает, — и чужое письмо, а должна я знать, чего в нем пишут. Может, от этого вся моя жизнь переменится, и мне лучше в деревню ехать, на мужицкие работы».

И у самой в груди закипело от обиды и досады. И сердце перевернулось от огорчения.

«Все-таки, — думает, — я Ивана Николаевича чересчур люблю, если через это письмо я настолько страдаю, мучаюсь и ревную. Как, — думает, — обидно, что я этого письма прочесть не могу! Я бы сразу узнала, в чем тут дело».

И вот она заплакала. И стала вспоминать разные мелочи про Ивана Николаевича. Да, он, действительно, как будто переменился в последнее время. Он стал об усиках своих заботиться — причесывает их. И руки часто моет. И надевает новую кепку.

Сидит Пелагея, думает эти мысли, смотрит на письмо и ревет белугой. А прочесть письма, конечно, не может. Поскольку даже не понимает буквы. А чужому человеку ей показать, конечно, совестно.

После она, поплакав, спрятала письмо в комод, дошила пиджак и стала поджидать Ивана Николаевича.

И, когда пришел он, Пелагея и виду не показала. Напротив того: она ровным и спокойным тоном разговаривала с мужем и даже намекнула ему, что она не прочь

бы поучиться и что ей чересчур надоело быть темной и неграмотной бабой.

Очень этому обрадовался Иван Николаевич.

— Ну, и отлично! — сказал он. — Я тебе сам буду показывать.

— Что ж, показывай! — сказала Пелагея.

И сама в упор посмотрела на ровные, подстриженные усики Ивана Николаевича. И снова у ней сердце сжалось и в груди перевернулось от досады и огорчения.

Два месяца под ряд Пелагея изо дня в день училась читать. Она терпеливо по складам составляла слова, выводила буквы и заучивала фразы. И каждый вечер вынимала из комода заветное письмо и пыталась разгадать его таинственный смысл.

Однако это было очень не легко.

Только на третий месяц Пелагея одолела науку.

Утром, когда Иван Николаевич ушел на работу, Пелагея вынула из комода письмо и принялась читать его.

Она с трудом разбирала тонкий почерк. И только еле уловимый запах духов от бумаги подбадривал ее.

Письмо было адресовано Ивану Николаевичу.

Пелагея читала:

«Уважаемый товарищ Кучкин.

Посылаю вам обещанный букварь. Я думаю, что ваша жена в два-три месяца вполне может одолеть премудрость. Обещайте, голубчик, заставить ее это сделать. Внушите ей, объясните, как, в сущности, отвратительно быть неграмотной бабой.

Сейчас, к этой годовщине, мы ликвидируем неграмотность по всей республике всеми средствами, а о своих близких почему-то забываем.

Обещайте, Иван Николаевич, это сделать.

С коммунистическим приветом

Мария Блохина».

Пелагея два раза прочитала это письмо и, чувствуя какую-то новую обиду, заплакала.

Но потом, подумав об Иване Николаевиче и о том, что в ее супружеской жизни все в порядке, успокоилась и спрятала в комод букварь и злополучное письмо.

Так в короткое время, подгоняемая любовью и ревностью, наша Пелагея научилась читать и писать и стала грамотной.

И это был поразительный случай из истории ликвидации неграмотности у нас в Союзе.

Но вот прочтите рассказ о любви еще более интересной, чем этот.

РАССКАЗ ПРО ДАМУ С ЦВЕТАМИ

Следует отметить, что этот рассказ не такой уж чересчур смешной.

Другой раз бывают такие малосмешные темы, взятые из жизни. Там какая-нибудь драка, мордобой или имущественный свистнули.

Или, например, как в этом рассказе. История о том, как потонула одна интеллигентная дама. Так сказать, смеха с этого факта немного можно собрать.

Хотя, надо сказать, что и в этом рассказе будут некоторые смешные положения. Сами увидите.

Конечно, я не стал бы затруднять современного читателя таким не слишком бравурным рассказом, но уж очень, знаете, ответственная современная темка. Насчет материализма и любви.

Одним словом, это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь и так далее и тому подобное есть форменная брехня и ерундистика. И что в жизни действителен только настоящий материальный подход и ничего, к сожалению, больше.

Может быть, это чересчур грустным покажется некоторым отсталым интеллигентам и академиком, может

быть, они через это обратно поскулят, но, поскуливши, пущай окинут взором свою прошедшую жизнь и тогда увидят, сколько всего они накрутили на себя лишнего.

Так вот, дозвоьте старому, грубоватому материалисту, окончательно, после этой истории, поставившему крест на многие возвышенные вещи, рассказать эту самую историю. И дозвоьте еще раз извиниться, если будет не такой сплошной смех, как хотелось бы.

Тем более, повторяем, какой уж там смех, если одна дама потонула. Она потонула в реке. Она хотела итти купаться. И пошла по бревнам. Там, на реке, у берега, были гонки. Такие плоты. И она имела обыкновение итти по этим бревнам подальше от берега, для простору и красоты, и там купаться. И, конечно, потонула.

Но дело не в этом.

А в деревню Отрадное, по реке Неве, приехал в этом году на дачу некто такой инженер — Николай Николаевич Горбатов.

Он — инженер-технолог или путеец. Одним словом, у него на форменной фуражке какой-то производственный значок — напильник и еще чего-то такое. Но не в этом суть.

Весной в этом году приехал в Отрадное этот инженер со своей молодой супругой — Ниной Петровной.

Ничего такого особенного в ней не наблюдалось. Так: дама и дама. Черненькая такая, пестренькая. Завсегда в руках цветы. Или она их держит, или она их нюхает. И, конечно, одета очень прекрасно.

Несмотря на это, инженер Горбатов ее до того любил, что было удивительно наблюдать.

Действительно, верно, он ничего другого от жизни не имел и никуда не стремился. Он общественной нагрузки не нес. Статей не писал. И, вообще, надо откровенно сказать, он избегал общественной жизни.

Он не попал в ногу современности. Ему было, конечно, лет сорок, и он весь был в своем прошлом. Ему, одним словом, нравилась прошлая буржуазная жизнь с ее разными подушечками, консоме и так далее.

А в настоящей текущей жизни он ничего, кроме грубого, не видел и свою личность от всего отворачивал.

И, поскольку она — супруга и не выдаст его, он рассказывал ей свои разные реакционные мысли и взгляды. — Я, — говорит, — человек глубоко интеллигентный, мне, — говорит, — доступно понимание многих мистических и отвлеченных картин моего детства. И я, — говорит, — не могу удовлетвориться той грубой действительностью, бедностью, сокращением, квартирной платой и так далее. Я, — говорит, — воспитан на многих красивых вещах и безделушках, понимаю тонкую любовь и не вижу ничего приличного в грубых объятиях, — и так далее и тому подобное. — Я, — говорит, — только считаюсь с духовной жизнью и с запросами сердца, а что касается ихнего марксизма, то я над этим насмехаюсь и не желаю с ним считаться.

Так вот он не раз ей говорил и, конечно, имел такие взгляды, не стремился найти что-нибудь хорошее в нашей современности.

И вот, в силу всего этого, он оторвался от масс и окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь к этой милочке с цвѣточками.

А она, безусловно, соответствовала своему назначению.

И, поскольку она была его супругой, она в тон ему пела, со всем таким соглашалась и чересчур горевала о прежней жизни.

Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цвѣтки и настурции или сидеть на бережку и глядеть вдаль, как будто там что-нибудь имеется определенное — фрукты или ливерная колбаса.

Вот, значит, какие это были супруги со своею любовью!

Про нее нельзя сказать, чтоб она его чересчур любила и обожала, но он, действительно, глаз с нее не сводил. Утром он уезжает на пароходе, а она, в своем миленьком пеньюаре, спешит его провожать на своих тонких интеллигентских ножках. Он ее за локоток при-

держивает, чтоб, боже сохрани, она ножки себе не вывихнула. И чего-то ей шебечет, воздушные поцелуи с парохода посылает. Одним словом, противно и тяжело смотреть.

Вот он уехал, а она и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойдя постирай, если не хочешь физкультурой заниматься. Или пойдя тому же самому Горбатову кровать прибери. Нет! Сидит — и сидит. И кушать не просит. Зато потом, наверное, легко растерялась со своими мечтами и не могла через это на сушу выбраться.

Ну, постольку, поскольку она уже утонула, не будем тревожить ее память разными оскорбительными замечаниями.

Так вот часов около семи Горбатов приезжал обратно с места своей службы. Он приезжает с места службы и спешит увидеть свою голубку.

Он первый прыгает с парохода. И что-нибудь несет в своих руках. Или там гостинцы, или там трусики ей, или какой-нибудь новенький бюстгальтер.

Он дарит ей тут же, и сам ее по спинке хлопает, дурачится, обнимает. Чего ему! Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь замкнулся в свой горизонт и в свои нежные переживания.

Ну, она посмотрит, что он принес, нахмурит носик и идет на своих тонких ножках.

Только, одним словом, она потонула. Очень, конечно, жалко, вполне прискорбный факт, но вернуть ее к жизни, тем более с современной медициной, невозможно.

Конечно, занимайся она в свое время хотя бы зарядовой гимнастикой, она нашлась бы в самый последний момент и выплыла бы. А тут со своими цветами окунулась — и враз пошла ко дну, не сопротивляясь природе.

Тем более, она шла по скользким бревнам. Она всегда по этим бревнам ходила купаться. А тут пошла после дождя на своих французских каблучках — и свалилась. Только что трусики остались на плоту.

А, может быть, она и нарочно в воду сунулась. Мо-

жет, она жила-жила с таким отсталым элементом и взяла и утонула. Тем более, может быть, он заморочил ей голову своей мистикой.

Но только, конечно, вряд ли. Скорей всего, если объяснить психологически, она поскользнулась на бревнах и потонула.

Конечно, не будем чересчур расстраивать читателей художественным описанием дальнейших событий. Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно убивался и страдал от этого факта. Он валялся на берегу, рыдал и все такое, но его подруга погибла безвозвратно, и даже ее тело не могли найти. И от этого инженер гоже чересчур страдал и расстраивался.

— Если бы, — говорил он своей хозяйке, — она нашлась, я бы больше успокоился. Но, — говорит, — такая жуткая подробность, что ее не нашли, совершенно меня ослабляет. И я, — говорит, — через это ночи не сплю и все про нее думаю. Тем более, я ее любил совершенно земной любовью, и мне, — говорит, — только и делов сейчас, что найти ее, приложиться к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры. Поскольку моя любовь выше земных отношений.

Так он сказал, настриг листочков и на этих листочках написал крупным шрифтом: мол, нашедшему тело, и так далее, будет дано крупное вознаграждение в размере тридцати рублей, и тому подобное.

И эти записульки он расклеил по всей деревне и по рыбацкому поселку.

Только проходит месяц — безрезультатно. Очень многие ее ищут кошками, баграми и так далее, но почему-то найти не могут.

А он, голубчик инженер Горбатов, ходит все время сторонкой, ни с кем не здоровается, и только у него и делов, что ожидает, не найдут ли его подруги.

Конечно, никакое горе особенно долго не может продолжаться. В этом отношении наш организм дивно

устроен. И самая кошмарная драма слишком скоро забывается и почти ничего от нее не остается.

Так что горе инженера немножко тоже поутихло. Хотя он и продолжал горевать, считая, что его крупная любовь останется с ним навеки.

И, горюя, он не переехал с дачи, а продолжал ежедневно ездить, не желая расставаться с дорогими местами.

И вот в начале сентября рыбаки отыскали ее тело. Ее течением отнесло километров на пять и прибило к берегу.

Ну, приезжают к инженеру два рыбака и докладывают: мол, осмотрите, надо опознать, и, в случае чего, с вас приходится.

Ах, он очень засуетился, побледнел, заторопился в своих движениях, сел в лодку и поехал с рыбаками.

Не будем особенно сгущать краски и описывать психологические подробности, скажем только, что инженер Горбатов тут же на берегу подошел к своей бывшей подруге и остановился подле нее. Кругом рыбаки, конечно, стоят молча и глядят на него, чего он скажет: признает ли он или не признает, тем более признать было, конечно, затруднительно — время и вода сделали свое черное дело. И даже грязные тряпки от костюма были мало похожи на что-нибудь такое приличное, на бывший прекрасный костюм. Не говоря уже про лик, который был тем более попорчен временем.

Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит: дескать, ну, как? Она? Если не она, так давайте, граждане, разойдемся, чего стоять понапрасну.

Инженер Горбатов наклонился несколько ниже, и тут полная гримаса отвращения и брезгливости передернула его интеллигентские губы. Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы и вновь посмотрел на нее.

После он наклонил голову и тихо прошептал про себя: — Да... это она.

Снова брезгливость передернула его плечи. Он повернулся назад и быстро пошел к лодке.

Тут рыбаки начали на него кричать: мол, а деньги, деньги, мол, посулил, а сам тигалья дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!

Горбатов, конечно, без слова вынимает деньги и подает рыбакам и прибавляет еще пять целковых с тем, чтобы они как-нибудь сами захоронили эту даму на здешнем кладбище.

И после этого Н. Н. Горбатов уехал в Отрадное, а оттуда в Ленинград.

А недавно его видели — он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое интересное вкручивал.

Так вот и вся история.

Память об утонувшей и глубокую неземную любовь к ней со стороны инженера почтим вставанием и перейдем к текущим делам. Тем более, время не такое, чтоб подолгу задерживаться на утонувших гражданах и подводить под них всякую психологию, физиологию и тому подобное.

Тем более, что из текущих дел у нас еще имеются вопросы о любви, которые мы должны проработать.

Вот, пока что, прочтите смешной, но пустынький случай из нашей личной жизни.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Иду я раз однажды по улице и вдруг замечаю, что на меня женщины не смотрят.

Бывало, раньше выйдешь на улицу этаким, как говорится, кандебобером, а на тебя смотрят, посылают воздушные взгляды, сочувственные улыбки, смешки и ужимки.

А тут вдруг вижу — ничего подобного!

Вот это, думаю, жалко! Все-таки, думаю, женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Один буржуазный экономист или, кажется, химик

высказал оригинальную мысль, будто не только личная жизнь, а все, чего мы ни делаем, мы делаем для женщин. И, стало быть, борьба, слава, богатство, почести, обмен квартиры и покупка пальто и так далее и тому подобное, — все это делается ради женщины.

Ну, это он, конечно, перехватил, собака, заврался на потеху буржуазии, но что касается личной жизни, то я с этим всецело согласен.

Я согласен, что женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Все-таки, бывало, в кино пойдешь, не так обидно смотреть худую картину. Ну там, ручку пожмешь, разные дурацкие слова говоришь, — все это скрашивает современное искусство и бедность личной жизни.

Так вот, каково же мое самочувствие, когда раз однажды я вижу, что женщины на меня не смотрят!

Что, думаю, за чорт? Почему на меня бабы не глядят? С чего бы это? Чего им надо?

Вот я прихожу домой и поскорей гляжусь в зеркало. Там, вижу, вырисовывается потрепанная морда. И тусклый взор. И краска не играет на щеках.

«Ага, теперь понятно! — говорю я сам себе. — Надо усилить питание. Надо наполнить кровью свою поблекшую оболочку».

И вот я в спешном порядке покупаю разные продукты.

Я покупаю масло и колбасу. Я покупаю какао и так далее.

Все это ем, пью и жру прямо безостановочно. И в короткое время возвращаю себе неслышанно свежий, неутомленный вид.

И в таком виде фланирую по улицам. Однако замечаю, что дамы попрежнему на меня не смотрят.

«Ага, — говорю я сам себе, — может быть, у меня выработалась дрянная походка? Может быть, мне не хватает гимнастических упражнений, висения на кольцах, прыжков? Может, мне недостает крупных мускулов, на которые имеют обыкновение любоваться дамы?»

Я покупаю тогда всяческую трапецию. Покупаю кольца и гири и какую-то особенную рюху.

Я вращаюсь, как сукин сын, на всех этих кольцах и аппаратах. Я верчу по утрам рюху. Я бесплатно колю дрова соседям.

Я, наконец, записываюсь в спортивный кружок. Катаюсь на лодках и на лодчонках. Купаюсь до ноября. При этом чуть не тону однажды. Я ныряю сдуру на глубоком месте, но, не достав дна, начинаю пускать пузыри, не умея прилично плавать.

Я полгода убиваю на всю эту канитель. Я подвергаю жизнь опасности. Я дважды разбиваю себе башку при падении с трапеции.

Я мужественно сношу все это и в один прекрасный день, загорелый и окрепший, как пружина, выхожу на улицу, чтобы встретить позабытую женскую одобрительную улыбку.

Но этой улыбки опять не нахожу.

Тогда я начинаю спать при открытом окне. Свежий воздух внедряется в мои легкие. Краска начинает играть на моих щеках. Морда моя розовеет и краснеет. И принимает даже почему-то лиловый оттенок.

Со своей лиловой мордой я иду однажды в театр. И в театре, как ненормальный, кручусь вокруг женского состава, вызывая нарекания и грубые намеки со стороны мужчин и даже толкание и пихание в грудь.

И в результате вижу две-три жалкие улыбки, каковые меня мало устраивают.

Там же, в театре, я подхожу к большому зеркалу и люблюсь на свою окрепшую фигуру и на грудь, которая дает теперь с напряжкой семьдесят пять сантиметров.

Я сгибаю руки и выпрямляю стан и расставляю ноги то так, то так.

И искренне удивляюсь той привередливости, того фигуранья со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо.

Я люблюсь в это большое зеркало и вдруг замечаю, что я одет неважно. Я прямо скажу — худо и даже

безобразно одет. Прекороткие штаны с пузырьками на коленях приводят меня в ужас и даже в содрогание.

Но я буквально остолбеваю, когда гляжу на свои нижние конечности, описанию которых не место в художественной литературе.

«Ах, теперь понятно! — говорю я сам себе. — Вот что сокрушает мою личную жизнь, — я плохо одеваюсь».

И, подавленный, на скрюченных ногах, я возвращаюсь домой, давая себе слово переменить одежду.

И вот в спешном порядке я строю себе новый гардероб. Я шью по последней моде новый пиджак из лиловой портьеры. И покупаю себе брюки «оксфорд», сшитые из двух галифе.

Я хожу в этом костюме, как в воздушном шаре, огорчаясь подобной моде.

Я покупаю себе пальто на рынке с такими широкими плечами, которых вообще не бывает на нашей планете.

И в выходной день однажды в таком наряде выхожу на Тверской бульвар.

Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю па ногами.

Женщины искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины — те смотрят менее косо. Раздаются ихние замечания, грубые и некультурные замечания людей, не понимающих всей ситуации.

Там и сям слышу фразы:

— Эво, какое чучело! Поглядите, как, подлец, нарядился! Как, — говорят, — ему не стыдно? Навернул на себя три километра материи.

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как сквозь строй, по бульвару, неясно на что-то надеясь.

И вдруг у памятника Пушкину я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и три раза, играя ногами, обхожу

памятник Пушкину. После чего присаживаюсь на скамеечку, что напротив.

Прилично одетая дама, с остатками поблекшей красоты, пристально смотрит на меня. Ее глаза любовно скользят по моей приличной фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно люблю стройной философской системой буржуазного экономиста о ценности женщин.

Я подмигиваю Пушкину: дескать, вот, мол, началось, Александр Сергеевич.

Я снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на трамвай и ехать, куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит:

— Извините, уважаемый... Очень, — говорит, — мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

«Ну да, конечно, — думаю, — неудобно же ей начать знакомство с бухты-барахты».

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напряжкой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истощный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто! Краденое пальто, которое теперь этот прохвост, то есть я, носит на своих плечах.

Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько

мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в содрогание.

«Ах, вот отчего на меня не смотрят! — говорю я сам себе. — Я попросту постарел. А я было хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни».

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке, со смятенным сердцем, выхожу на улицу.

«Ну, ладно, обойдусь! — говорю я сам себе. — Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина».

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

«Это брехня! — говорю я себе. — Это досужие выдумки! Типичный западный вздор!»

Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваю лицо от проходящих женщин.

Но вот что интересно — этот небольшой случай произошел со мной года два назад.

И хотя за эти два года я, казалось бы, еще больше постарел, но тем не менее этим летом я познакомился с одной особой, и она, представьте себе, мною сильно увлеклась. И, главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо. Ходил, черт знает, в каких штанах и в дырявых спортивных туфлях.

И вот тем не менее это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви.

И я надеюсь, что то, что вы прочтете в следующем рассказе, — с нами не произойдет.

СВАДЕБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился. Был такой грешок.

Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без

пальто ее никогда даже и не видел. Потому все главные события на улице развернулись.

А что перед самой свадьбой Володька Завитушкин заходил со своей невестой к ее мамаше представляться, так он, не раздеваясь, представился. В прихожей. Так сказать, на ходу.

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае. Дней за пять до брака.

Сидит он в трамвае и вдруг видит, перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, акуратненькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок рукой держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, давка. Пишутся. Стоять, прямо сказать, нехорошо.

Вот Володька ее и пожалел.

— Присаживайтесь, — говорит, — ко мне на одно колено, все легче ехать.

— Да нет, — говорит, — мерси.

— Ну, так, — говорит, — давайте тогда пакет. Кладите мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не отдает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что. Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел. «Господи, — думает, — какие бывают миловидные барышни в трамваях».

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец, видит Завитушкин — барышня к выходу тискается. Уже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

Познакомились. Пошли вместе. И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал.

Или она сразу согласилась, или нет, но только на третий день пошли они в гражданский подотдел и записались. Записались они в загсе, а после записи и развернулись главные события.

После записи пошли молодые на квартиру к мамаше.

Там, конечно, полная суматоха. Стол накрывают. Гостей много. И вообще семейное торжество — молодых ждут.

И какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают.

А свою молодую супругу Володька Завитушкин еще в прихожей потерял из виду.

Сразу его, как на грех, обступили разные мамыши и родственники, начали его поздравлять и в комнату тащить. Привели его в комнату, разговаривают, руки жмут, спрашивают, в каком, дескать, союзе находится.

Только видит Володька — не разобрать ему, где его молодая жена. Девуц в комнате много. Все вертятся, все мотаются, ну, прямо с улицы, со свету, хоть убей, не разобрать.

«Господи, — думает Володька, — никогда ничего подобного со мной не происходило. Какая же из них моя молодая супруга?»

Стал он по комнате ходить между девуц. То к одной толкнется, то к другой. А те довольно неохотно держатся и особой радости не выказывают.

Тут Володька немного даже испугался.

«Вот, — думает, — на чем засыпался — жену уж не могу найти».

А тут еще родственники начали коситься — чего это молодой ходит, как ненормальный, и на всех девуц бросается. Стал Володька к двери и стоит в полном упадке.

«Ну, спасибо, — думает, — если сейчас за стол садиться будут. Тогда, может, что-нибудь определится. Которая со мной сядет, та, значит, и есть. Хотя бы, думает, вот эта белобрысенькая села. А то, ей-богу, подсунут какое-нибудь дермо, потом живи с ним».

В это время гости начали за стол садиться.

Мамаша Христом-богом просит обождать еще немного, не садиться. Но на гостей прямо удержу нету, прямо кидаются на жратву и на выпивку.

Тут Володю Завитушкина волокут на почетное место. И рядом с ним с одного боку сажают девуцу.

Поглядел на нее Володька, и отлегло у него на сердце.

«Ишь ты, — думает, — какая. Прямо, — думает, — недурненькая. Без всякой шляпки ей даже лучше. Нос не так уж просится наружу».

От полноты чувств Володя Завитушкин нацедил себе и ей вина и полез поздравлять и целоваться.

Но тут и развернулись главные события.

Начали раздаваться крики и разные вопли.

— Это, — кричат, — какой-то ненормальный, сукин сын. На всех девиц кидается. Молодая супруга еще к столу не вышедши — прибирается, а он с другой начал упражняться.

Тут произошла абсолютная дрянь и неразбериха.

Володьке бы, конечно, в шутку все превратить. А он очень обиделся. Его в суматохе какой-то родственник бутылкой тиснул по затылку.

Володька кричит:

— А пес вас разберет! Насажали разных баб, а мне разбирайся.

Тут невеста в белом балахоне является. И цветы в ручках держит.

— Ах, так, — говорит, — ну, так это вам выйдет боком.

И опять, конечно, вопли, крики и истерика.

Начали, конечно, родственники выгонять Володьку из квартиры.

Володька говорит:

— Дайте хоть пожрать. С утра, говорит, не жравши по такой канители.

Но родственники поднажали и ссыпали Володьку на лестницу.

На другой день Володя Завитушкин после работы зашел в гражданский подотдел и развелся.

Там ему сказали несколько кислых слов.

— Хотя, — говорят, — иной раз бывают такие легкомысленные браки. Но впредь этого не делайте. А то под суд попадете.

И тут же сразу развели.

Так что он теперь холостой и снова может жениться на желающих.

Но чего хорошего в браке и зачем к этому стремятся — это прямо трудно понять.

Обыкновенно жены изменяют, и загадочная подробность — всегда вместо мужа любят кого-нибудь другого. Так что, не знаю, как вы, а я гляжу против такого брака. Хотя если говорить о браке, то я стою за крепкий и твердый брак. Тем не менее не закрываю себе глаза на это и знаю, что это такое.

В общем вот чего однажды приключилось на любовном фронте.

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Жена одного служащего, довольно молодая и очень интересная дама, выходец из мелкобуржуазной семьи, влюбилась в одного актера.

Он был артист драмы и комедии. И вот она в него влюбилась.

Или она увидела его на подмостках сцены, и он покорила ее великолепной игрой, или, наоборот, она игры его не видела, а он, может, просто понравился ей своей артистической внешностью, но только, в общем, она в него порядочно сильно влюбилась. И даже она одно время не знала, как ей поступить: уйти ли ей от мужа и перейти к артисту, или от мужа ей не уходить, а, просто, увлекаться актером, не перестраивая своей жизни.

Но потом, увидев, что актер драмы вроде как ничего не имеет — ни пайка, ничего такого особенного, — решила от мужа не уходить. Тем более, что артист и сам не горел желанием на ней жениться, будучи уже человеком, обремененным многочисленной семьей.

Но, поскольку они были влюблены друг в друга, они все же стали встречаться по временам.

И он ей звонил по телефону, и она к нему забегала

на репетицию, чтоб посмотреть, как он бойко играет роль. И через это она в него еще сильнее влюбилась и мечтала с ним почаще встречаться.

Но, поскольку им, собственно, негде было встречаться, то они, буквально, как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино, или забегали в кафе, чтобы перекинуться нежными словами.

Но такие короткие встречи их, конечно, мало удовлетворяли, и они постоянно горевали, что ихняя жизнь неблагоприятно складывается и им даже негде поговорить о своей безумной любви.

А к нему она, конечно, не могла заходить, поскольку артист был семейный человек.

А что касается, если к ней зайти, то она нередко его приглашала, когда ее супруг был в учреждении. Но он, зайдя пару раз, категорически от этого отказался.

Как человек нервный, одаренный, кроме того, болезненным художественным воображением, он попросту пугался находиться у нее, думая, что вот, мало ли, сейчас войдет муж и начнутся, может быть, крупные разговоры, со стрельбой и так далее.

И, в силу таких мыслей, артист находился у нее в гостях, так сказать, в ненормальном состоянии и, вообще, полумертвый от страха.

И тогда она, конечно, перестала его приглашать к себе, поскольку видит, что человек, ну, просто, душевно боится и делается как бы не от мира сего.

И вот однажды она ему говорит:

— Тогда — вот что! Если хотите со мной повидаться, то приходите в следующий выходной день к моей подруге.

Артист драмы говорит:

— Вот и великолепно! А то, знаете, моя профессия требует утонченных нервов, и я, — говорит, — не могу не робеть, находясь у вас. Я, — говорит, — переживаю, ну, все равно как на сцене.

А у нее была ближайшая подруга Сонечка. Очень маленькая особа, не без образования. Кажется, из балетных.

И муж нашей дамы вполне одобрял это знакомство, говоря, что лучшей подруги для жены он себе и не желает.

И вот наша балетная, после горячих просьб, разрешила своей подруге повидаться у нее для переговоров с любимым человеком.

И вот утром, в выходной день, наш артист, получше принарядившись, попорол на это свидание.

А надо сказать, что в трамвае у него случился небольшой эпизод и столкновение с соседом. Ну, вообще — легкая перебранка, крики и так далее. В результате чего наш артист, как человек несдержанный, немного более, чем следует, погорячился. И, когда сосед после перебранки сошел с трамвая, наш артист, не утерпев, плюнул в него. И был очень рад, что трамвай быстро пошел и оскорбленный сосед не мог уже догнать его, как того хотел.

Однако от этого столкновения настроение нашего артиста не испортилось. Он встретился со своей симпатией, и они совместно пошли к подруге, которая проживала в коммунальной квартире, в небольшой, но уютной комнате, ключ от которой находился в их руках.

И вот они зашли в комнату, присели на диван, чтоб поговорить о своей дальнейшей жизни, но вдруг в дверь кто-то постучал.

Молодая дама сделала артисту знак не отзываться, но артист и без того замер в безмолвии.

Вдруг за дверью раздается голос:

— Скажите, а скоро она вернется?

Наша дама, услышав голос, страшно побледнела и шопотом сказала актеру, что это голос ее мужа. И что муж, должно быть, увидел их на улице и вот он теперь их выследил.

Артист драмы, услышав о подобном камуфлете, просто даже затрясся и задрожал, и, затаив дыхание, прилег на диван, с тоской глядя на свою симпатию.

А голос за дверью говорит:

— Тогда я напишу записку. Скажите, что я заходил.

И вот муж нашей дамы (а это был действительно он), написав записку, подсунул ее под дверь и сам пошел к выходу.

Наша дама, очень удивившись, моментально схватила эту записку и стала читать ее. После чего начала громко рыдать, вопить и падать на диван.

Артист драмы, немного придя в себя от звуков дамского голоса, тоже не без удивления зачитал эту записку, в которой говорилось:

«Крошка Сонечка! Я случайно освободился раньше и заскочил к тебе, но — увы! — не застал. Зайду в три. Крепко целую. Николай».

Наша дама, сквозь слезы и рыдания, говорит артисту: — Что бы это значило? Как вы думаете?

Артист говорит:

— Скорее всего, ваш муж увлекается вашей подругой. И он зашел сюда не иначе, как отдохнуть от своей семейной жизни. Теперь ваша совесть должна быть спокойна, — позвольте вашу ручку.

И только он хотел преподнести ее ручку к своим шершавым губам, как раздается неистовый стук в дверь. И за дверью слышится тревожный голос подруги:

— Ах, откройте поскорее! Это я пришла. Не заходил ли кто-нибудь без меня?

Услышав эти слова, наша дама моментально разразилась рыданиями и, открыв дверь, с плачем подала подруге оставленную записочку.

Та, прочитав записку, немного смутившись, сказала: — В этом нет ничего удивительного. А раз вы все знаете, то я скрываться не буду. В общем, я прошу вас моментально уйти, поскольку ко мне должны кое-кто зайти.

Наша дама говорит:

— То есть, как кое-кто? Из записки видно, что к тебе сейчас мой муж зайдет. Хорошенькое дело! — уйти в такую минуту. Да я, может, желаю посмотреть, как этот подлец переступит порог этого вертепа.

Молодой человек, у которого попросту испортилось

настроение от всех этих передраг, хотел было уйти от греха, но наша дама, в пылу раздражения, не велела ему уходить.

Она сказала:

— Вот сейчас явится мой муж, и тогда мы разрубим этот запутанный узел.

Услышав слова, близкие к лексикону военной жизни, артист, найдя шапку, стал уже более энергично прощаться и уходить. Но тут между подругами произошла перебранка и спор относительно его самого — надо ли ему уходить.

Сначала обе подруги хотели его оставить до прихода мужа, как вещественное доказательство. Первая — чтоб показать мужу, что за птица ее подруга, допустившая их в свою комнату, вторая — чтоб показать, какова его жена.

Но после этого мысли у них переменялись. Подруга вдруг не захотела себя компрометировать, а жена не пожелала упасть в глазах мужа. И, на этом сговорившись, они велели нашему артисту моментально поскорей уйти.

И только этот последний, довольный таким оборотом, стал прощаться, как вдруг снова раздался стук в дверь. И голос мужа произнес:

— Дорогая Соня, это я! Откройте!

Тут произошла некоторая паника и замешательство в комнате.

Артист драмы моментально поник духом и, находясь в страшной тоске, хотел было прилечь на диван, чтоб притвориться больным или умирающим, но во-время подумал, что как раз в подобном горизонтальном положении по нем и могут скорей всего открыть огонь, как по легкомысленно лежащему на диване.

И, в силу этого, он стал мотаться по комнате, задевая за все ногами и производя страшный шум и грохот.

Пришедший муж, находясь за дверью, крайне удивился задержке и грохоту и начал уже более энергично колотить в дверь, думая, что в комнате происходит что-нибудь особенное.

Тогда подруга говорит артисту:

— Вот эта дверь ведет в комнату моего соседа. Я вам сейчас ее открою. Пройдите туда и оттуда дуйте в коридор и на лестницу. Горячий привет!

И сама поскорей открывает крючок на двери и велит артисту побыстрее уйти, тем более, что пришедший муж, услышав в комнате шум, стал срывать дверь с петель, чтоб войти в комнату. Тогда наш артист пулей вбежал в соседнюю комнату и хотел было уйти в коридор, как вдруг заметил, что дверь в коридор была заперта с той стороны, повидимому, на всякий замок.

Артист бросился назад, чтоб сказать двум дамам о том, что он в критическом положении — дверь закрыта, и ему не пройти. Однако уже было поздно.

В эту комнату был впу^шчен муж, и там поднялся разговор, при котором появление артиста было бы крайне нежелательным.

Тогда артист, как человек неуравновешенный, моментально ослаб от множества событий и, почувствовав крайний физический упадок и головокружение, прилег на кровать, полагая, что он тут в полной безопасности.

И вот он лежит себе на кровати и думает разные отчаянные мысли — о том, о сем и, в частности, о вздорности любовных порывов. И вдруг слышит, как кто-то гремит замком в коридоре. Кто-то такое, одним словом, возится около двери и, должно быть, сейчас войдет в комнату.

И вдруг дверь, действительно, открывается, и на пороге показывается человек с корзинкой пирожных из Торгсина.

Увидев человека, лежащего на его кровати, пришедший раскрывает рот от удивления и, мало чего понимая, хочет захлопнуть за собой дверь.

Артист начинает извиняться и лепетать разные слова, и вдруг он с ужасом видит, что вошедший хозяин комнаты есть не кто иной, как тот человек, с которым он утром побранился и в которого он плюнул с площадки трамвая.

Не рассчитывая унести ноги, наш артист снова, как

малолетний ребенок, ложится на кровать, думая, что это в крайнем случае только сон, который сейчас пройдет, и тогда наступит великолепная жизнь, без всяких особых неприятностей и передраг.

Вошедший, у которого удивление пересилило гнев, говорит жалобным голосом:

— Да что ж это такое, господа? Ко мне сейчас знакомая придет, а тут, глядите, какое-то мурло у нас расположилось в моей комнате. Как же он в нее вошел? В запертую дверь?

— Артист, видя, что ему рук не ломают и его не бьют по сопатке, говорит с душевным подъемом:

— Ах, пардон! Я сию минуту уйду. Я только на секундочку прилег отдохнуть... Я не знал, что это ваша кровать... У меня голова закружилась от множества событий...

Тут хозяин комнаты, у которого гнев снова пересилил удивление, стал кричать:

— Но это безобразие! Он, глядите, вперся с ногами на мою кровать. Да я, может быть, знакомым своим не разрешаю с ногами находиться. Это что за новости! Какой подлец!

И он подбегает к артисту, хватая его за плечи и буквально вытряхивает с кровати. И вдруг замечает, что личность артиста уже ему знакома по утреннему происшествию.

Тут наступает небольшая пауза.

Хозяин, мало чего понимая, говорит:

— Ах, вот когда ты мне попался, рыбий глаз!

И хочет его схватить за горло.

Но в это время раздается нежный стук в дверь.

Хозяин говорит:

— Ну, скажи спасибо, что ко мне дама сейчас пришла, которую я жду. А то бы я с тебя сейчас размазню сделал.

И, взяв артиста за воротник, тащит его к дверям, чтоб выпихнуть его в коридор, как тряпку, на что артист вполне соглашается и даже доволен.

Но вдруг открывается дверь, и на пороге комнаты появляется довольно интересная дама, которая пришла в гости к хозяину и явилась в некотором роде как бы спасительницей нашего пресловутого артиста.

Однако наш артист при виде дамы просто попятился назад от изумления и даже закачался, поскольку эта вошедшая дама была его супруга.

И в смысле совпадения это было, действительно, нечто поразительное.

Тут наш артист, крайне молчаливый за последние два часа, начал просто орать и буянить, требуя от жены объяснений, что значит это таинственное посещение.

Жена начала плакать и рыдать и говорить, что это ее сослуживец и что она действительно иногда к нему заходит попить чаю с пирожными.

Сконфуженный сослуживец сказал, что теперь, поскольку они квиты, они могли бы помириться и втроем выпить чаю. На что актер разразился такой неистовой бранью и криками, что жена впала в истерику. А ее сослуживец снова полез драться, почувствовав оскорбление за плевки.

И тогда все соседи прибежали поглядеть, что у них тут делается.

Среди присутствующих оказались также и наша дама с мужем и с подругой.

Узнав все, что произошло, все шестеро, собравшись в комнате, стали совещаться, что же им делать.

Которая из балетных так говорит своей подруге: — Очень просто! Я выхожу замуж за Николая. Артист женится на тебе, а эти двое сослуживцев тоже составят вполне счастливую пару, служащую в одном учреждении. Вот как нам надо сделать.

Сослуживец, к которому пришла жена артиста, говорит:

— Здравствуйте, пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятшек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, наши простачка.

Артист драмы говорит:

— Я прошу не оскорблять моей жены. Тем более, я не намерен выдавать ее за первого встречного.

Жена артиста говорит:

— Да я бы к нему и не переехала. Глядите, какая у него комната! Разве я могу вчетвером, с детьми, тут находиться?

Сослуживец говорит:

— Да я тебя с детьми на пушечный выстрел к этой комнате не подпущу. Имеет такого подлеца мужа, да еще вдобавок мою комнату хочет оттяпать. Вижу — уже лежит один на моей кровати.

Сонечка из балетных примиряюще говорит:

— Тогда, господа, давайте так: я выйду за Николая, артист с супругой так и останутся, как были, а на жене Николая мы женим этого дурака-сослуживца.

Сослуживец говорит:

— Здравствуйте! Еще не легче. Вот я сейчас с ней запишусь. Держите карман шире! Да я в первый раз вижу эту облезлую фигуру. К тому же, может, она карманная воровка?!

Артист говорит:

— Просьба не оскорблять наших дам. Я считаю, что это правильный выход.

Наша дама говорит:

— Ну, нет, знаете. Я не намерена из своей квартиры никуда выезжать. У нас три комнаты и ванна. И не собираюсь болтаться по коммуналкам.

Сонечка говорит:

— Из-за трех негодяев у нас все пары распадаются, — так было бы славно. Я за Николая, эта за этого. А эти так.

Тут между дам началась грубая перебранка и счеты о том, о сем. После чего мужчины, скрепя сердце, решили, что все должно идти попрежнему. На этом они и разошлись.

Однако совершенно попрежнему не пошло. Сонечка вскоре вышла замуж за своего соседа, сослуживца жены артиста. И к ней по временам стал приходить в гости

наш артист, который ей понравился благодаря своему мягкому, беззащитному характеру.

А наша дама, разочаровавшись в обывательском характере артиста, влюбилась в одного физиолога. А что касается Николая, то у него, кажется, сейчас романов нет, и он всецело погружен в работу, но с Сонечкой он, впрочем, иногда встречается, и в выходные дни он нередко ездит с ней за город.

Вот какие иногда бывают случаи на любовном фронте.

На этом мы хотим закончить наши любовные рассказы, с тем, чтобы перейти к следующему отделу — «Коварство».

Однако близость этого отдела позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два этих предмета — любовь и коварство — соединились между собой.

И вот что получилось.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ПОД НАЗВАНИЕМ «КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ»

Один молодой человек, некто Сергей Хренов, браковщик-приемщик с одного учреждения, начал ухаживать за одной барышней, за одной, скажем, работницей. Или она за ним начала ухаживать. Сейчас, за давностью времени, нету возможности в этом разобраться. Только известно, что стали их вместе замечать на саратовских улицах.

Начали они вместе выходить. Начали даже под ручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить. И так далее. И тому подобное. И прочее. А этот франтоватый браковщик однажды замечает своей даме:

— Вот, — говорит, — чего, гражданка Анна Лыткина. Сейчас, — говорит, — мы гуляем с вами и вместе ходим и безусловно, — говорит, — совершенно не можем предви-

деть, чего из этого будет и получится. И, — говорит, — будьте любезны, дайте мне на всякий случай расписку: мол, в случае чего и если произойдет на свет ребенок, то никаких претензий вы ко мне иметь не будете и не станете с меня требовать денег на содержание потомства. А я, — говорит, — находясь с такой распиской, буду, — говорит, — еще более с вами любезен, а то, — говорит, — сейчас, когда каждое действие предусматривает уголовный кодекс, я нахожусь, как скованный. И я, — говорит, — скорее всего отвернусь от нашей с вами любви, чем я буду впоследствии беспокоиться за свои действия и платить деньги за содержание потомства.

Или она была в него слишком влюблена, или этот франтик заморочил ей голову, но только она не стала с ним понапрасну много спорить, а взяла и подписала ему бумажку. Мол, и так далее, и в случае чего я никаких претензий к нему не имею и, ладно, с него денег требовать не буду.

Она подписала ему такую бумажку, но, конечно, сказала кое-какие горькие слова:

— Это, — говорит, — довольно странно с вашей стороны! Я раньше никогда таких расписок никому не давала. И даже мне, — говорит, — чересчур обидно делается, раз ваша любовь принимает такие причудливые формы. Но, — говорит, — раз вы настаиваете, то я, конечно, могу подписать вашу бумажку.

— Да уж будьте любезны! Я, — говорит, — уже много лет присматриваюсь к нашей стране и знаю, чего боюсь.

Одним словом, она подписала бумажку. А он, не будь дурак, засвидетельствовал подпись ее прелестной ручки в домоуправлении и спрятал этот драгоценный документ поближе к сердцу.

Короче говоря, через полтора года они, как миленькие, стояли перед лицом народного суда и докладывали ему о своем прежнем погасшем чувстве.

Она стояла в белом своем трикотажном платочке и покачивала маляутку.

— Да, — говорит, — действительно, я по глупости под-

писалась, но вот родился ребенок, как таковой, и пускай отец ребенка тоже несет свою долю. Тем более, я не имею работы, и так далее.

А он, то есть бывший молодой отец, стоит таким огурчиком и усмехается в свои усики.

Мол, об чем тут речь? Чего такое тут происходит, ась? Чего делается, я не пойму. Когда и так все ясно и наглядно, и при нем, будьте любезны, имеется документ.

Он торжественно распахивает свой пиджак, недолго в нем роется и достает свою заветную бумажку. Он достает заветную бумажку и, тихонько смеясь, кладет ее на судейский стол.

Народный судья поглядел на эту расписку, посмотрел на подпись и на печать, усмехнулся и так говорит:

— Безусловно, документ правильный...

Браковщик говорит:

— Да уж совершенно, так сказать, я извиняюсь, правильный. И, вообще, не остается никакого сомнения. Все, — говорит, — соблюдено и все не нарушено.

Народный судья говорит:

— Документ, безусловно, правильный, но только является такое соображение: советский закон стоит на стороне ребенка и защищает как раз его интересы. И в данном случае, по закону, ребенок не должен отвечать или страдать, если у него отец случайно попался довольно-таки хитрый сукин сын. И в силу, — говорит, — вышеизложенного, ваша расписка не имеет никакой цены, и она только дорога, как память. Вот, — говорит, — возьмите ее обратно и спрячьте ее поскорее к себе на грудку. Эта расписка вам будет напоминать о вашей прошлой любви.

Короче говоря, вот уже полгода, как бывший отец платит деньги.

И это совершенно справедливо.

На этом, товарищи, мы закончим наши рассказы о любви.

Этих рассказов оказалось восемь, а не десять. Ну,

пусть так и будет. Наша жизнь не так-то уж забита любовными делами, чтобы без конца рассуждать о чувствительных мотивах. На этом мы прекращаем наши рассуждения о любви.

И, прочитавши еще небольшое нижеследующее послесловие, мы с превеликой тревогой перейдем к третьему отделу, который у нас имеет угрожающее название — «Коварство».

Итак, прочтите небольшое послесловьице ко второму отделу. Это послесловьице, так сказать, крепче свяжет все то, что мы вам говорили про любовь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, уважаемые товарищи, мы заканчиваем наш отдел «Любовь».

И вот, что же мы видим, прочитавши все это с добросовестным старанием? Что же мы видим, прочитавши новеллы из нашей жизни и смешные рассказы из прежней истории?

А мы видим, что любовь, как это ни удивительно, связана прежде всего с крупнейшими неприятностями. То, знаете ли, обман наблюдается, то ссора и завируха, то муж вашей любовницы круглый дурак, то жена у вас попадаетея такая, что, как говорится, унеси ты мое горе, то, вообще, сильная корысть наблюдается, только припасай деньги.

Главное, что можно заключить, — наши характеры уж очень препаршивые. Они, знаете, как-то мало еще приспособлены для занятий столь чудесными делами, как, например, любовь, свадьбы, встречи с дорогими особами и т. д.

Да, у нас, приходится сознаться, дрянные и корыстные характеры, благодаря которым мы сами закрываем себе доступ к безоблачной жизни.

И в этом смысле мы все-таки слегка завидуем тем будущим, вполне перевоспитанным молодым людям, которые, поплеывая, будут проживать, скажем, через пятьдесят лет. Вот уж эти, чорт возьми, возьмут свое. Вот они не будут разбазаривать свое время на разную чепуху — на всякие крики, скандалы. . .

Воображаем, с какими образцовыми, изумительными красавицами они будут, чорт возьми, знакомы!

Даже какой-нибудь мелкий человечико, не представляющий из себя ничего значительного, и тот, наверное, будет наряду со всеми пользоваться великолепной, сказочной жизнью, достойной человека тех времен.

Ах, нет, мы не жалуемся, мы в этом смысле отчасти тоже весьма довольны своими сердечными делами, но это, конечно, не мешает нам видеть кое-какие недостатки. То, например, наша знакомая одета небрежно, то у нее на голове, к примеру, такая шляпочка, что лошади пугаются. То, вообще, просит повести ее в ресторан. А то давеча вел одну под-руку — у ней, представьте себе, французский каблук сломался. Главное, совестно, итти не может: одна нога короче, другая длиннее, когда идет — хромает. А снять туфли и итти в чулках — я не позволяю. Мне как-то совестно, что у меня такая дама идет. Извозчиков нету. Денег мало, чтоб нанять людей перенести даму.

Здоровье плохое, чтоб нести самому. Дама плачет. Ах, какие бывают дела!

Конечно, это мелочи, пустяки в сравнении с вечностью, но все-таки хочется полного комфорта, который не за горами.

Итак, друзья, подумав возвышенным образом о скором будущем, мы переходим к новому отделу: «Коварство».

Тут у нас, главным образом, пойдет речь о всяких жуликах и подлецах, которые своими коварными действиями тормозят плавный ход нашей жизни.

И мы уже слышим ихние трескучие голоса и видим трясущиеся руки и нахальный блеск ихних глаз.

И хотя нам весьма противно браться за это самое, однако мы с прилежным терпением постараемся вывести всех подлецов на свежую воду.

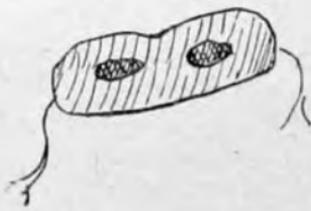
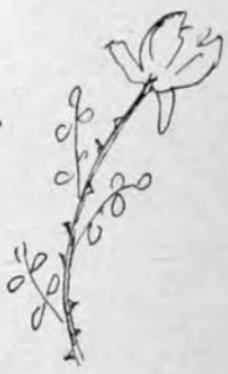
Так вот переходим к отделу — «Коварство».

Краска стыда и негодования заливает наше лицо.

**КОВАР
СПВО**

1. Итак, не без душевных треволнений открываем новый отдел — «Коварство».

Но, прежде чем приступить к делу, дозволейте поделиться с читателем гражданской скорбью.

2. Своей профессией, уважаемый читатель, мы не особенно довольны.

Профессия сатирика довольно, в сущности, грубая, крикливая и мало симпатичная.

Постоянно приходится говорить окружающим какие-то колкости, какие-то грубые слова — «дураки», «шантрапа», «подхалимы», «заелись» и так далее.

Действительно, подобная профессия в другой раз как-то даже озадачивает современников. Некоторые думают: «Да что это такое? Не может быть? Да нужно ли это, вообще-то говоря?»

3. И верно — на первый, поверхностный взгляд все другие профессии кажутся значительно милей и доступней человеческой душе.

Бухгалтер, например, специально как-то там складывает цифры между собой на пользу страждущего человечества, чтобы оно, так сказать, не слишком проворовалось в денежном смысле.

Другой там какой-нибудь тип из актерской братии энергично поет с эстрады и своим, скажем, козлетоном отвлекает людей от всевозможных житейских страданий.

Там какой-нибудь, я не знаю, профессор, питомец

академических наук, решительно все знает и опять-таки всех удивляет своими невероятными знаниями.

Хирург режет разные язвы и карбункулы на наших скоропортящихся телах, способных каждую минуту загнить и зачервиветь. Водолаз откачивает воду и ныряет на дно морское. Дворник стережет дом и открывает калитку.

И только, я говорю, мы, сатирики, вроде как бы и не люди, а собаки.

4. Нет, вообще-то говоря, если подумать глубже, профессия эта тоже нужная и полезная в общественном смысле. Она одергивает дураков и предостерегает умных от их глупых поступков. Она расширяет кругозор и мобилизует внимание то одних, то других на борьбу то с тем, то с этим. Она иллюстрирует всякого рода решения и постановления, а также приносит известную пользу в смысле перевоспитания людских кадров.

Так что профессия, спору нет, в высшей степени не так уж очень особенно бесполезная.

Единственно, я говорю, профессия тем не хороша, что она не дает много беспечной радости своему владельцу.

Она утомляет ум и зрение. Она вредна и недопустима при малокровии и туберкулезе. А также при колите и язвах желудка ею не следует заниматься.

Она предрасполагает к меланхолии и нарушает обмен веществ. Нервная экзема и сахарное изнурение также иной раз суть прямые следствия этой вредной профессии. Кроме того она портит характер, ссорит с окружающими и нередко разводит с женами.

5. И, в силу вышеизложенного, отличаясь оптимизмом и крайней любовью к жизни и к людям, решили мы больше не напирать на сатирическую сторону дела.

И, не отказываясь вовсе от сатиры, решили мы с этого момента слегка, что ли, переменить курс нашего литературного корабля.

И даже въезжая, как видите, в столь ответственную гавань, носящую грозное название «Коварство», решили мы уже и на этот раз попробовать свои силы не в качестве желчного сатирика прежней формации, из таких, которые заламывают руки, стыдят и восклицают, а решили мы попробовать себя в качестве, ну, вроде бы члена коллегии защитников.

Конечно, казалось бы, в высшей степени странно защищать подобные дефекты человеческого духа, но защита у нас будет до некоторой степени своеобразная, и далеко не всех мы намерены защищать.

6. Итак, значит, произнося на палубе нашего корабля подобные эффектные речи, пытаемся мы тем временем въехать в обширную и плохо защищенную гавань. Но бурные воды всевозможных литературных течений, вдребезги разбившие берег, не разрешают нам с легкостью это произвести.

И, желая тогда переждать некоторое время, чтоб обдумать, как бы полегче к этому подойти, — останавливаемся мы на рейде и не без растерянности поглядываем на берега, на которых уже, подмигивая, прохаживаются всякого рода проходимцы, жулики, хитрецы, арапы, комбинаторы и заплочных дел мастера.

И при виде этого сброда у нас на душе делается слегка, мы бы сказали, коломитно.

И мы так восклицаем: «Ах, кажется, мы напрасно решили заступиться за эту шушеру!»

Впрочем, вот какое мы имеем соображение.

7. Звери, например. Предположим, животные. Ну, там, скажем, кошки, собаки, петухи, пауки и так далее. Или даже в крайнем случае взять — дикие звери. Слоны там. Отчасти жирафы. И так далее.

Так у этих зверей, согласно учению Брема, ничего подобного вроде того, что у нас, не бывает. Они, как это ни странно, коварства почти не понимают. И там у них этого нету.

И это, вообще говоря, отчасти даже курьезно, что у людей это есть, а у остальных этого нету. А люди как бы все-таки, чего бы там ни говорили, в некотором роде есть венец создания, а те наоборот. И, тем не менее, у тех нету, а у этих есть. Вот это даже странно. И как-то нелепо.

Это всегда отчасти коробило и волновало наиболее честных специалистов-философов, проповедующих общее развитие и душевную бодрость.

«Нельзя допускать, — сказал в свое время славный философ Платон, — чтоб птицы и звери имели нравственное превосходство перед людьми».

Но с тех пор в ужасной, можно сказать, сутолоке жизни прошло что-то там, кажется, две тысячи лет, и эти так и продолжали иметь то, чего не было у зверей.

А звери, может быть, тем временем постепенно совершенствовались и совершенствовались и, наконец, дошли до того, чего они сейчас из себя представляют.

8. Итак, согласно доказательству Брема, звери не имеют коварства. Они живут бодро и энергично, некоторые из них поют, некоторые все-таки крикают, рычат, вопят, рывкают и так далее, но, тем не менее, все они отличаются бодростью и любовью к жизни. И жизнь у них протекает сравнительно гладко, без особого арапства, среди красивых картин природы, в тиши лесов и полей.

Другое дело, что им там все-таки проще обходиться. Как сказал поэт про какого-то, не помню, зверька — что-то такое:

И под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.

Это, кажется, он сказал про какого-то отдельного представителя животного мира. Что-то такое в детстве читалось. Какая-то чепуха. И после заволокло туманом. Одним словом, речь шла там про какую-то птицу или про какую-то козу. Или, кажется, про белку. Что ей так легко живется и что ей, конечно, в голову не приходит

ловчиться или там итти на всякие лесные комбинации и аферы.

Но это, конечно, другой вопрос. В общем, только факт, что животный и растительный мир почти не знаком с коварством.

А поскольку некоторые европейские ученые отчасти смешали в одну кучу людей и зверей и они не делают слишком большой разницы между теми и этими, то мы осмеливаемся поэтому вывести стройное умозаключение, что ничего такого лишнего, чего не бывает у зверей, не должно бы, собственно говоря, быть и у представителей нашей славной породы.

9. А если чего-нибудь есть или имеется, значит, были к тому уважительные причины.

И которые возьмут в руки историю, те сразу могут убедиться, отчего это бывает.

Прошлая жизнь, согласно описанию историков, была уж очень, как бы сказать, отвратительно ужасная. То и дело правили какие-то кровавые царьки, какие-то в высшей степени, пес их знает, свирепые тираны, владетельные господа, герцоги, потомственные дворяне, бароны и так далее. И все они, конечно, делали со всей публикой, чего хотели. Отрезали языки у тех, которые болтали не то, чего надо. Сжигали на кострах, если, например, человек высказывал собственные научные или религиозные мысли. Кидали для потехи диким зверям и крокодилам. И вообще, без зазрения совести, поступали, как хотели.

И от всех этих дел публика, наверное, нравственно ослабла. И характеры у них отчасти испортились. У них, может, озлобился ум. И они стали ко всему приноравливаться и с течением веков через это, может быть, произошли коварство, арапство, подхалимство, приспособленчество и так далее, и тому подобное, и прочее.

10. А сами-то по себе, может, все эти и тому подобные явления чисто случайные, и они наносные на прекрасной и в высшей степени порядочной натуре человека.

Вот интересно. В свое время Наполеон так отозвался о Голландии. Он, видите, присоединял к Франции эту маленькую цветущую страну и в государственном акте так, в высшей степени коварно, отозвался об ней: он назвал ее — «наносная земля французских рек».

Так вот, может, и тут. Может быть, коварство и все такое есть наносная земля, возникшая благодаря бурному и свирепому течению прежней жизни.

А если это так, то мы, как защитники угнетенных, с удовольствием высказываем эту мысль. Наверное, так оно и есть.

И, значит, скорей всего, когда там изменится курс, как например, у нас, все это как сон исчезнет, и наступит счастье, способное удовлетворить запросы самого капризного ума.

И, говоря о таких вещах, всегда как-то хочется приподнять завесу, которая закрывает от нас грядущее. Все-таки очень хочется увидеть, как-то там у них пойдет.

И. Но у них, в этом смысле, без сомнения, отлично пойдет. Это уж отчасти заметно по некоторым данным нашей жизни. У нас, в общем счете, публика, что ни говорите, заметно исправилась к лучшему. Многие стали более положительные, честные. Работяги. Заметно меньше воруют. Многие вдруг заинтересовались наукой. Чтением книг. Некоторые поют. Многие играют в шахматы. В домино. Ходят на концерты. Посещают музеи, где глядят картины, статуэтки и вообще чего есть. Дискусируют. Лечатся. Вставляют себе зубы. Гуляют в парках и по набережной. И так далее.

В то время как раньше эти же самые дулись бы в карты, орали бы в пьяном угаре и перед дверью ресторанов выбивали бы друг другу остатние зубы.

Нет, если говорить о чистоте нравов, то у нас перемена в наилучшую сторону. И с этим можно поздравить население. Поздравляем! Пламенный привет, друзья!

12. И при всем том прошло, заметьте себе, немного меньше, чем два десятка лет. А ну-те, пройдет, предположим, еще полсотни лет?! Ого! Это прямо удивительно, что может получиться!

Итак, все дрянное постепенно, может быть, будет отставать и отлепляться, и, наконец, ударит год, когда мы, сами того не понимая, предстанем друг перед другом во всей своей природной красоте.

Конечно, для полноты цели потребуется, естественно, довольно продолжительное время. Чтоб перековаться еще более основательно.

А то, конечно, некоторые, в силу своего коварства, возможно, что отчасти подыгрывают, или они делают вид, что они уже совершенно готовы, в то время как в душе у них горит, небось, пламя прежней жизни. И они, может, горюют, что им не дают развернуться. И только это никому не видно, благодаря опять-таки коварству, которое, я так думаю, при перековке одно из последних покинет наши бранные тела.

13. Истории вполне известны такие факты, когда малоустойчивые элементы обнаруживали свое настоящее лицо. Как, например, однажды было в Англии. Представьте себе строгая пуританская Англия. Кромвель. Чистота нравов. Сжигание для чего-то музыкальных инструментов. И так далее.

И вдруг в самое короткое время, то есть меньше, чем в полгода, эта чопорная Англия превращается в самую разгульную страну. Крики, пьянство, базар, танцы. Бренчат на всех инструментах. Безобразия. Бешеный разгул. Проституция. И так далее. И даже не проходит полгода, как один из друзей Кромвеля, генерал Монк, восстанавливает, представьте себе, королевскую власть. Он восстанавливает на престол Карла II. Ну, что это такое? Какой подлец! То есть ужас, что было.

То есть это было, по словам историков, то, что все низкое и подлое носило до сих пор маску коварства и благочестия, которую при первом же случае все эти мо-

лодцы моментально скинули. Вот как опасны мошенники со своим коварством. Двадцать пять лет носили маску!

14. Итак, коварство. История знает, прямо скажем, предельное множество рассказов о коварстве.

Даже первая страница, первый, можно сказать, младенческий ход на полях истории, и то у них начинается с коварства и недоверия.

Такой, в общем, благородный жест, который теперь умиляет наши сердца, такой славный жест, как, например, рукопожатие друзей, имел в своем историческом прошлом несколько иной смысл, чем он сейчас имеет. Наши славные предки всего-на-всего хотели, оказывается, удостовериться, нет ли в руках подошедшего какого-нибудь камня или оружия. И, благодаря этому, они, конечно, трогали за руку. И этим они проверяли, не допущена ли хитрость.

А после это, может, вошло у них в привычку. А теперь убрать как-то даже неохота. Особенно, отчего бы в наше время не поздороваться за руку с какой-нибудь знакомой, которой отчасти симпатизируешь? И в руке которой явно, кроме сумочки с пудрой, ничего не бывает. Ну, а на службе — другой вопрос. Там, пожалуй, здороваться не к чему — лишняя трата времени и не так уж слишком гигиенично.

И кто бы мог думать, что такой, в высшей степени благородный и отчасти сентиментальный жест — символ культуры и роста духа — имеет такое тяжелое прошлое! Как это, право, неприятно! Это как-то даже свижает наше значение.

15. Итак, первая страница истории открывается с коварства, недоверия и хитрости.

А дальше, как из рога изобилия, сыплются всякие тому подобные факты и рассказы о коварстве.

Кое-чего, извольте, расскажем. Но начинать придется, между прочим, с попов. То есть с церкви и с ихних церковно-славянских дел.

Главное, мы вовсе не имеем какой-нибудь особой тенденции запачкать или уронить в грязь эту культсекцию. Мы вовсе не хотим подрывать ее авторитет в глазах мировой буржуазии. И, вообще, мы бы ни в коем случае с них не начинали. Но в данном случае очень уж их дела, говоря церковным языком, вопиют к небу.

Тут надо отдать должное: они были на первом месте. Тут у них в области коварства есть дела, прямо непрерывные за весь ход мировой истории.

Например, чего они делали. Они приговоренных к сожжению передавали светской власти с таким елейным заключением: «Наказать с возможной кротостью, без пролития крови».

И это самое «без пролития крови» как раз и обозначало на ихнем, церковно-славянском языке — сожжение.

16. Конечно, какой-нибудь современный поп, читая эту фразу, наверно, сильно переконфузится. Может, даже он скажет: да, дескать, наши слегка, пожалуй, перехватили через край, извиняюсь.

Но нам, конечно, с этого извинения не шубу шить.

Вот они еще на что шли в своем рвении к небесной чистоте. Они там, у себя в застенках, во время инквизиции брали с арестованных такого сорта расписки:

«А если при этом (то есть при пытке) осужденный умрет или будет ранен, или если за этим последует кровотечение или членовредительство, то произошло это по его вине, ибо он не хотел сознаться и сказать правду».

И вот с христианским смирением какой-нибудь толстоватый поп подкладывал для подписи своей жертве подобную хамскую записку, где в каждом слове проявление высшего коварства и подлости.

И при этом, наверно, вздыхал и поднимал к потолку свои белесые буркалы. И сам вежливенько говорил: «Сын мой, подмахни эту записульку. . .»

И прошло, может, триста лет, а у нас в груди закипает от желания, я извиняюсь, ударить в рожу этой пре-

подобной личности. Разные святые слова: «Христос воскрес», «святый боже», а сами сколько прекрасного народу пережгли на своих поповских кострах. Ради, так сказать, чистоты христианского учения. Вот уж, можно сказать, башмак стоптался по ноге. Крапивное семя!

17. Я извиняюсь, конечно, за некоторую неровность стиля. Волнение, знаете, ударяет. Уж очень беспримерное нахальство с ихней стороны.

Вообще, в смысле коварства, это была очень отчаянная публика.

Среди них один римский папа особенно чересчур отличился.

Он придумал удивительное коварство для достижения своей цели. Это был папа Сикст Пятый. Это ему такое имя дали при восшествии на папский престол. А так-то, до этого его звали Перетта. И он был не папа, а простой кардиналишка из монахов.

И вот он находится в положении обыкновенного кардинала, и это ему все мало. Он еще непременно хочет стать римским папой. Еще чего! То есть он хочет быть папой, но не может. И прямо он от этого желания страдает и чуть не умирает.

А там у них это было не так-то просто — папой быть. Другие, может быть, тоже к этому стремятся. А наш герой — из простых монахов и не имеет особой протекции. Только что он не дурак.

18. И вот тут, как нарочно, умирает у них прежний римский папа. Может быть, Сикст Четвертый. Я, впрочем, не уверен в этом. И вот у них начинаются перевыборы. Может быть, пленум. Или там конференция специалистов по священному писанию. Одним словом — выборы.

Воображаю, какие понаехали! Шелковые ясы. Выступают медленно. Ручки пухлые. Морды лоснятся. И почти все кардиналы. Крапивное семя!

И наш герой, кардиналишка Перетта, тоже, конечно, поторопился сюда приехать.

Поглядел, может, на избранное общество и думает: «В таком виде, какой я есть, они, мерзавцы, навряд ли меня выберут. Их надо чем-нибудь заинтересовать. Дай. — думает, — я им устрою метаморфозу».

И с этими словами он является на перевыборы вроде как больной. Он охает, кашляет и ходит сторбившись. Поминутно хватается за грудь и при этом восклицает: вот, дескать, братцы, какой номер! Ослаб в высшей степени, серьезно хвораю и думаю скоро протянуть ноги. И, главное, прямо ничем не интересуюсь, до чего меня прищемило.

И сам говорит шопотом. С одышкой. И только у него, у подлеца, глаза сверкают, как у мошенника.

19. Другие кардиналы думают:

«Вот бы хорошо, в самом деле, такого слабенького папу выбрать. Он тихий, болезненный, все время хворает. Очень будет милый и застенчивый папа. И он навряд ли будет во все входить и всех подтягивать. А то, ей-богу, другого выберешь, он тебе навернет. Нет, непременно надо этого выбрать».

И с этими словами они его выбирают.

Историки говорят, что сразу после избрания, почти немедленно, произошла чудовищная перемена. Кардинал выпрямил стан и заговорил с собравшимися таким резким и суровым тоном, что привел всех в трепет.

И он пять лет был папой. И он весьма сурово вел дела. Он во все вникал и всех тянул. И даже казнил двух кардиналов. И сам был здоров, как бык. Так что все векоре убедились, что он их чертовски надул.

В общем, когда он умер, обозлившиеся церковники сбросили его стацию с пьедестала и разбили ее в мелкие дребезги. И это, говорят, был в некотором роде единственный случай, что разбили стацию.

Наверное, он, собака, сильно им всем насолил. Но это был, в общем, большой психолог. Молодец!

20. А то они еще однажды одного, довольно хорошего

короля убили. То есть он, может быть, и не так был хорош, но они тоже уж, знаете, слишком хороши. Они его в церкви убили. Они ему яд в причастие подсыпали.

И это был один из удивительнейших церковных номеров — подсыпать яд в причастие и дать человеку, который, может быть, заскочил в церковь с самыми благими и божественными намерениями.

В общем, они его отравили таким поразительным способом. А это был, между прочим, германский император Генрих Седьмой. Там у них было, если помните, несколько Генрихов. Собственно, семь. Генрих Птицелов. Он, вероятно, любил птиц ловить. Скорей всего надо предполагать, что это была какая-нибудь порядочная балла, что он за птицами гонялся, вместо того, чтоб править.

Потом был у них такой Генрих Мореплаватель. Этому, наверное, нравилось любоваться морем. Или он, может быть, любил посылать морские экспедиции. Впрочем, он, кажется, правил в Англии или в Португалии. Где-то, одним словом, в тех краях. Для общего хода истории это абсолютно неважно, где находился этот Генрих. А что касается Германии, то там, кроме того, были еще какие-то маловыдающиеся Генрихи. И, наконец, этот наш несчастный труженик — Генрих Седьмой. Он правил Германией еще значительно до фашизма. Он был у них императором в четырнадцатом веке.

21. И он ничего особенного из себя не представлял. Единственно он, говорят, пугался, как бы современники его не убили. И в этом смысле он сильно остерегался. Так что мы их, то есть церковников, вполне понимаем, что иначе, как в церкви, его и нельзя было взять. Так что, по-своему, они и правы. Потому что дома он давал еду попробовать повару и приближенным. И, наверное, кроме того, со специальной целью у него под столом собаки находились. И он, может, по временам бросал им огрызки, чтоб удостовериться, правильная ли еда.

Ну, а в церкви он, естественно, не мог на этот счет

тревожиться. Он был абсолютно спокоен. И он, наверное, глотнул причастие без всякого сомнения. Он, наверное, егопил с большим удовольствием. Может быть, он даже подумал: это, мол, единственное местечко, где я, не тревожась, пью и кушаю. Не начать ли мне, — думает, — вообще в храмах закусывать. Сейчас, — думает, — питье допью и просвиркой закушу. Славно!

Но не тут-то было. Только он выпил, и только он хотел облаткой заесть, как вдруг зашатался, побледнел и, как говорится в священном писании, упал с катушек долой.

22. И, наверное, упавши, сердито на попов взглянул. Дескать, что ж это вы, господа, обалдели! Неужели у вас хватило нахальства подсыпать чего-нибудь мне в причастие? Вот так номер!

И, вздохнувши раз-другой, скончался, увидев всю несостоятельность христианской церкви. Но было уже, к сожалению, поздно.

Попы, наверное, вскрикнули от удивления. Которые, конечно, не знали, в чем дело, и которые, может, сами хотели допить причастие и докушать просвирки. Но теперь забоялись это делать.

А которые знали, те, конечно, потирая руки, вприпрыжку побежали докладывать об этом кому следует.

И только потом историки откуда-то узнали, что яд в причастие велел подсыпать папа, который не ладил с этим императором.

Вот какой это был арапский случай из церковной жизни. А наш скромный Генрих так и помер. И даже ничего путного не сказал потомству.

Вообще что касается императоров, то они, после попов, стоят на втором месте в смысле количества рассказов о коварстве.

И нам бы пришлось рассказать множество исторических новелл, если бы у нас на это была сильная охота.

23. Жизнь императоров, естественно, переплетается с

высшей царской политикой, так что она всегда бывает полна коварства и хитрости. И в этом нет ничего особенно удивительного.

Так что мы ограничимся небольшим повествованием об императорах, с тем, чтобы поскорей перейти к более средним людям, проживающим без всяких особых намерений.

Вот, например, из императоров был большой негодяй, некто Тарквиний Гордый. Он был римский император. Или, кажется, царь.

Человек это был в высшей степени заносчивый и, судя по названию, наверное, гордый. Он у них в Риме правил. И он там одно время, в Риме, водопроводы проводил. И этим он в дальнейшем очень удивил последующие поколения. И, собственно говоря, этим он отчасти и прославился. Все его за это чересчур хвалили. То есть потомки. А для своих-то современников он был большой подлец.

Он так говорил о своем правлении:

— Поборы, налоги, каторжный труд, — все это входит в систему моего правления. Бедным и задавленным народом мне наилегче всего управлять.

Однако, народ не захотел оценить эти гордые мысли императора Тарквиния, и его к чорту сбросили с трона. И последние свои годы он, несмотря на свою гордость, провел в крайней бедности и нищете. Поделом вору и мука!

24. Исключительным коварством отличался, между прочим, прославленный император Нерон. Вот этот вообще шел на любые поступки для достижения своих целей.

Но особенное коварство он проявил в отношении своей матери. Он непременно хотел убрать с дороги свою царственную мамашу, которая его резко осуждала и вмешивалась в политику. Он хотел ее убить, но это ему не удавалось. Она была в высшей степени увертливая и живучая особа. И даже, всецело понимая каторжный характер своего сына, она, по словам историков, вся-

кий раз принимала перед едой противоядие, так сказать — на всякий пожарный случай.

Особа была во всяком случае опытная и себя в обиду не давала. К тому же и сама порядочная преступница. Так что умоляем читателей особенно ее не жалеть, когда речь дойдет до происшествия.

В общем, римский историк Светоний рассказывает, как Нерон велел сделать в ее комнате потолок, который мог бы обрушиться на старуху.

Вот как пишет Светоний. И это поразительно читать: «Он устроил в ее спальне потолок с обшивкой, который с помощью машины можно было обрушить на нее во время сна».

25. Можно представить, каков был разговор при заказе этого потолка.

— Не извольте беспокоиться! — говорил подрядчик. — Потолок сделаем — просто красота! Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество!..

— Да гляди, труху у меня не клади, — говорил Нерон. — Гляди, клади что-нибудь потяжелше. Легкая труха ей нишечем. Знаешь, какая у меня мамаша!

— Как же не знать, ваше величество? Характерная старушка. Только какая же может быть труха? Ай, ей-богу, интересно, ваше величество: я особо большой камешек вею положить в акурат над самой головкой вашей преподобной маменьки.

— Ну, уж вы там, как хотите, — говорил Нерон, — но только чтоб — раз! — и нет маменьки.

— Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на-днях проснуться, как на них потолок — кувырк! И, вообще-с, несчастный случай, вроде землетрясения. Никто не виноват, и маменька, между прочим, больше не присутствует. Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество! Очень, как бы сказать, натуральное средство против маменьки.

— Ну, ладно, ладно! Поменьше, дурак, языком трепли!

26. Но подрядчик оказался слишком энтузиастом своего дела. Он так кругом раззвонил об этом заказе, что слухи дошли до ушей царственной мамыши, которая, конечно, разгневалась и оскорбилась и тотчас покинула гостеприимный дворец.

Однако, Нерон на этом не успокоился.

Он тогда срочно приказал командующему флотом заманить свою мамашу на особый разборный корабль. Причем корма этого корабля была устроена таким образом, что она могла внезапно отделяться и все, находящиеся на ней, падали в воду.

И старуха, которая хотела подальше удалиться от своего сына, с удовольствием, конечно, воспользовалась любезным приглашением и сдуру села на этот корабль.

И, вдруг, она вскоре очутилась в воде. Можно представить, какой поднялся визг и крик! И какая, вообще, была неожиданность кувыркнуться в воду! Тем не менее, привыкшая благодаря сыну к походной жизни, старуха и тут не потеряла голову. Она начала плавать и нырять и, хватаясь за деревянные части корабля, все-таки удержалась на морской поверхности.

А близкие друзья этой старухи вскоре подоспели и вытащили ее на берег.

И тогда она, вместе с ними, скрылась в одном из загородных дворцов.

Но вскоре неутомимый Нерон пронюхал, где она находится, и подослал туда наемного убийцу. Там ее и убили.

Вот это какой был коварный подлец! Впрочем, мамаша его была не менее подловата, а потому, повторяем, жалеть ее, так сказать, не приходится.

27. А то у них был еще такой — Лизистрат. Этот, кажется, даже не был императором. Но он в свое время все-таки как-то там правил. Он был правителем, собственно, даже у них не в Риме, а в Афинах. То есть он, вообще, был грек. И, будучи греком, он себе и правил помаленьку в Греции.

Однако, по словам историков, его правление что-то ему не особенно задавалось. Тем более время было слишком тревожное. Возникали, говорят, разные политические партии. Борьба. Шаткое положение. И так далее.

А он, конечно, хотел завоевать симпатии народа, чтоб покрепче утвердиться. Но и это ему не удавалось, как он ни старался. А без этой симпатии его, конечно, могли каждую минуту легко скovyрнуть. Тогда, по словам историков, он взял кинжал и нанес себе неопасную рану в грудь. И в таком, можно сказать, отвлеченном виде, с кинжалом в груди, он предстал перед удивленным народом. Он приехал на площадь на колеснице. И в груди кинжал торчит. Очень, так сказать, оригинально!

28. И там, на площади, не вынимая кинжала, он произнес громовую речь о покушении злодея на его жизнь и о своей горячей любви к народу, которая выше его жизни.

Согласно утверждению историков, народ, после недоверчивого молчания, растрогался и стал аплодировать зарвавшемуся вождю.

После чего народ стал, говорят, относиться к нему более симпатично и не прогонял его со своего поста, считая, что он вполне сердечный человек, не дорожающий своей жизнью ради общего блага.

А он этим воспользовался и вскоре утвердил единовластие.

После чего он очень счастливо правил, покуда вскоре не умер.

Но историки, узнав откуда-то обо всех этих подробностях и, в частности, о кинжале, пригвоздили его к позорному столбу как арапа и жулика, который с холодным расчетом пустился на подобную аферу, чтоб покрепче захватить власть в свои руки.

Вообще, о царях и правителях можно было бы рассказать бесчисленное множество разных любопытных историей, пока не надоест.

Однако, нас наиболее всего интересует частная

жизнь и ее теневые стороны, чем что-либо другое. Нас интересует коварство, проявленное, если так можно сказать, исключительно для личного пользования.

29. Мы имеем намерение вам рассказать об одном человеке, который проявил исключительное коварство для достижения своей цели. Причем, благодаря этому коварству, многие пострадали, а двоим даже отрезали языки. Это было при русской императрице Елизавете Петровне.

В общем, вот как это было.

Сначала там правила, может, вы уже слышали, такая Анна Леопольдовна. Вообще, молодая особа, со своим маленьким сыном. Но вскоре ее, конечно, прогнали, и на трон вступила Елизавета Петровна. А она была, между прочим, дочь Петра Великого. И, конечно, как это всегда бывает, там, сразу после переворота, начались аресты и так далее. Многих сенаторов и царедворцев вообще прогнали. Кое-кто угодил в тюрьму. А такой был у них обер-гофмаршал Левенвольд, — так его вообще решили выслать в Сибирь.

А это был в высшей степени красивый мужчина и франт. И он всем женщинам исключительно нравился. И он пользовался у них успехом.

И, когда стали ссылать такого мужчину, естественно, многие заволновались.

А одна, красавица Лопухина, узнав, когда и куда он едет, вызвала к себе начальника отряда, который должен был сопровождать в Сибирь этого франта.

30. Это был некий поручик Бергер.

Этот поручик весело и интересно жил в Петербурге. Веселился и мотал наследство, и ему, конечно, просто не хотелось ехать в Сибирь.

А тут как раз приглашает его Лопухина и изъявляет желание с ним поговорить.

Вот он приходит к ней, и она ему говорит: вот, дескать, заботьтесь хорошенько о вашем арестанте. И передайте ему, что я его искренне люблю и помню. И

пусть он не особенно расстраивается, и пусть надеется на лучшие перемены.

Так она ему это откровенно сказала об этом и попросилась.

А молодой поручик, услышав подобную фразу о переменах, решил сделать себе карьеру. Он решил раздуть историю, надеясь, что его тогда не пошлют в Сибирь, а арестанта, может быть, даже тут повесят, на его счастье. В общем, только он тотчас забежал во дворец и с преувеличением рассказал камергеру Лестоку, как и чего ему было сказано.

31. Старая Лиса Лесток, желая еще больше выдвинуться, решил раздуть это дело до громадных размеров. Он решил создать из этого дела что-то вроде какого-нибудь заговора. Тотчас образовали какую-то комиссию, следствие, суд.

И бедную красавицу Лопухину, за неосторожную фразу о переменах, подвергли пытке и казни. Мерзавцы отрезали ей язык, били ее кнутом и сослали в Сибирь.

А этого Бергера императрица вызвала к себе и поблагодарила. Она ему сказала: «Хвалю. Вот так и впредь поступай. Вот теперь, — говорит, — я чувствую, что вполне могу положиться на тебя в этом ответственном деле — при охране государственного злодея Левенвольда. Поезжай с богом! Еще раз хвалю».

Засим Бергер был допущен к царской ручке, и дня через три он, совершенно обалдевший от всех дел, трясся в кибитке, сопровождая арестанта в Сибирь.

Так его негодяйство и не доставило ему того, чего он рассчитывал.

И в противном случае нам было бы это слишком огорчительно читать.

Вообще, он оставался несколько лет в Сибири. И там он спился. И умер от водянки.

Вот к чему приводят иной раз подобные коварные замыслы.

Но эта история о поручике Бергере все-таки как-то

понятна человеческой душе. Ну, хотел человек скомбинировать, чтобы не ехать в Сибирь. Но это ему не удалось.

Подобные факты под ряд бывают в истории — когда подлец строит свое счастье на чужом несчастье и для этой цели хитрит, травит и подсиживает. Это, так сказать, «великое вечное», и с этим во все времена следует горячо бороться.

Но в другой раз коварство проявляется без особой на то нужды. Вот что нас крайне удивляет.

32. Вот какую историческую новеллу мы желаем вам рассказать. Только это было, конечно, очень давно. Это было в шестом веке. Так что просьба — не удивляться собственным именам, которые целиком правдивы и не выдуманы.

Жену короля звали Австрахильда. А короля — Гунтрам. Он был король в Бургундии. И, согласно утверждению историка, он был сыном меровингского короля Хлотаря Первого. Вот какие, между прочим, были короли на заре европейской жизни!

Так вот, эта супруга бургундского короля, мадам Австрахильда, начала последнее время что-то хворать. У нее было, повидимому, какое-то внутреннее заболевание, поскольку лучшие врачи того времени терялись и не могли определить, что именно у нее есть.

Но, тем не менее, ее как-то лечили. Хотя она была отчасти недовольна этим лечением и за полтора года она переменяла девять врачей, тем не менее, ей все делалось хуже, и, наконец, она стала умирать.

Собрались, конечно, родственники у ее изголовья. Ее дети. Король бургундский Гунтрам тоже пришел.

Начал ее, наверное, утешать: дескать, что же сделать, потерпите. Бог дал, бог и взял. Ничего, дескать, похороним пышно. Нет ли вообще каких-нибудь у вас последних земных забот, просьб или приказаний?

Она ему говорит:

— Да, у меня кое-что есть из земных забот. Меня ле-

чили девять врачей. Однако, я теперь, как видите, умираю. Я, — говорит, — прошу вас. ваше величество, в тот день, когда я умру, отрубите им головы. И это есть мое последнее пожелание.

33. Историки не приводят слов, которые сказал Гунтрам в ответ на эту супружескую просьбу. Весьма вероятно, что он, пожав плечами, сказал:

— Пожалуйста. Об чем речь! Сколько там у вас их было? Ах, только девять. Да сделайте одолжение! Очень рад! Что же вы раньше-то молчали?

Австрахильда говорит:

— Да как-то так... Надеялась, что это порядочные люди и что они меня вылечат, а они вот куда загнули, — я теперь, как видите, умираю, наверно, через этих врачей.

— Не знаю, как вы, — сказал Гунтрам, — а я их на пушечный выстрел к себе не подпускаю. Это вы дали маху.

Австрахильда говорит:

— Вот я теперь и прошу вас отрубить головы у этих медицинских работников.

Гунтрам говорит:

— Просьбу вашу, конечно, исполню. Что другое — не знаю, а это сделаю с превеликим удовольствием. Даже я жалею, что вы за такое малое количество людей просите. Может, хотите пристегнуть сюда еще чего-нибудь, — например, ваших сиделок и которые за вами убирают?

34. Австрахильда говорит:

— Пожалуй! Можно и их. Они тоже, конечно, дурака валяют.

В общем, король и нежный супруг исполнил это последнее желание.

Австрахильда умерла вечером, а утром на рассвете девяти злополучным врачам отрубили головы перед королевским жилищем.

И это был, в свое время, надо полагать, довольно тяжелый удар по медицине.

И это, конечно, произошло оттого, что королева, наверное, сильно разочаровалась в медицине, что было вполне естественно в ее критическом положении.

А главная причина была, несомненно, в том, что королева была мстительная особа и ум имела в высшей степени коварный и озлобленный.

В общем, как бы там ни было, врачи снова сомкнули свои поредевшие ряды и снова, мало-по-малу, стали лечить, уже не встречая подобных пациентов. Но кое-что вроде этой пациентки все-таки иной раз бывало.

А то был еще такой случай из области коварства.

35. Такой жил при Екатерине Второй крупный политический деятель, некто Орлов. Знаменитый граф, любитель лошадей.

Вообще-то он не был графом, но после убийства Петра Третьего, к чему он был причастен, его произвели в графы.

А вообще это был крупный прохвост. Это был джентльмен из числа человеческого отребья, которые возвеличиваются благодаря удаче, личному нахальству и счастливой наружности.

А тут еще, вдобавок, брат его, Гриша Орлов, состоял одно время, как известно, любовником Екатерины. Естественно, что жизненный путь обоих этих братьев был усыпан розами.

Короче говоря, однажды Екатерина Вторая приглашает к себе этого джентльмена и так ему говорит:

— Будь, — говорит, — другом: поезжай сейчас в Италию. Там, — говорит, — объявилась самозванка, княжна Тараканова. Она выдает себя, между прочим, за дочку Елизаветы Петровны. Или, может, это действительно ее дочка. Только она метит на престол. А я этого не хочу. Я еще сама интересуюсь царствовать. Короче говоря: тебе, Орлов, поручается как-нибудь арестовать и доставить эту государственную злодейку.

И Орлов, конечно, поехал. И, наверно, даже не без удовольствия, поскольку интересная командировка.

36. Он приехал в Рим, познакомился там с этой княжной и сделал вид, что в нее он исключительно горячо влюбился.

А ее дамское сердце сразу растаяло от такой любви, и она стала ему доверять.

И он говорит:

— Я до того в вас влюбился, что согласен помочь вам вступить на всероссийский престол.

Что у них там было, в Риме, в подробностях историкам неизвестно, только всем остальным известно, что она в дальнейшем уже в тюрьме родила ему младенца.

Так вот, Орлов ухаживает за этой княжной, всюду с ней бывает и устраивает ей для развлечения всякие смотры и парады.

И вот однажды приезжают они в Ливорно для этой цели. Там стоял русский флот, и княжна Тараканова, как будущая императрица, сильно заинтересовалась этим флотом. Она хотела, может быть, посмотреть, как он плавает.

А Орлов, который подбил ее на это, говорит:

— Я вам покажу морской парад — это, госпожа Тараканова, что-нибудь особенное.

И вот они приехали в Ливорно и глядят, чего происходит на море.

Орлов, собака, говорит:

— Хотите, может быть, покататься по морю. То, — говорит, — я с большим удовольствием вас прокачу на каком-нибудь военном корабле, сиречь судне.

Та говорит:

— Пожалуй.

37. И вот они садятся на корабль и едут.

Он с ней очень любезен и поминутно ей целует ручки. И говорит:

— Немножко покатаемся — и назад. Не волнуйся.

Только вдруг она замечает, что они уже далеко заехали и берегов не видно. Она начинает волноваться, но он ей замечает:

— Что вы! Какие могут быть сомнения! Хотите, — говорит, — мы даже сейчас на корабле перевенчаемся.

И вот пара матросов перседевается попами, и под сдавленный смех окружающих разыгрывают венчание.

Потом молодые удаляются в каюту, а на другой день к каюте приставляется часовой, и княжне объявляют, что она арестована.

Вообще княжну Тараканову привезли в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость.

Сияющий Орлов предстал перед императрицей и рассказал все, что было. Но она нахмурилась и говорит:

— Ну, уж это ты слишком загнул. Это ты перехватил. Но победителя не судят — за поимку спасибо.

Вскоре княжна Тараканова родила в каземате орловского выродка. А сама она вскоре умерла от чахотки. И ребяенок тоже, кажется, умер.

А Орлов имел нахальство однажды к ней зайти на допрос. И она плюнула ему в лицо, и, кроме того, он получил от нее пощечину.

И будь он жив, мы бы тоже били бы его в морду при первой встрече.

Вот какие бывают случаи исключительного коварства.

38. На этом, собственно говоря, мы хотели закончить наши исторические новеллы. Но сделать это не так-то просто. Это не отдел «Любовь», где пять-шесть фактиков — и вам все ясно и понятно. Это «Коварство», которое в истории накопилось до самых краев. И тут пятью новеллами не отделаться.

Тут у нас накопилось слишком громадное количество разных фактов.

Тогда мы решили вот что сделать.

Исторические рассказы о коварстве больше вам рассказывать не будем. А вот, сколько тут есть у нас фактов, высыпем все в одну кучу, и разбирайтесь сами. И будет это у нас вроде как отдел «Смесь».

Тут вы найдете весьма любопытные и острые сценки и случаи. Некоторые писатели, которым лень будет

ряться в историческом белье, могут даже воспользоваться, если захотят, одной-другой темкой. Автор во всяком случае не будет на это в претензии. Тем более, история, можно сказать, общее достояние и общее дело, за которое следует всем краснеть.

Итак, исторические новеллы закончены. Начинаются разные мелочи и анекдоты. Вот они:

39. ● Кай Юлий Цезарь отдал распоряжение по войскам украшать оружие золотом, серебром и драгоценными камнями. Он рассчитывал, что благодаря этому солдаты при отступлении не будут бросать оружие. Так и оказалось.

● По древним русским законам, если обвиняемый не сознавался в своей вине, его испытывали огнем. Обвиняемый должен был взять голой рукой кусок раскаленного железа. Если рука останется невредимой, говорит закон, обвиняемого следует оправдать.

● Римский император Константин, желая распространить христианство, издал постановление — освобождать от рабства всех рабов, которые пожелают креститься.

● Вольтер наиболее смелые свои книги издавал под чужой фамилией. Он приписывал эти книги умершим авторам.

● На одном пиршестве римский император Калигула, взглянув на возлежавших близ него двух сенаторов, разразился громким хохотом. Сенаторы учтиво спросили, почему он смеется.

— Потому, — ответил Калигула, — что одного моего кивка достаточно, чтоб вас двоих удавили. Вот почему я и рассмеялся.

40. ● Людовик Четырнадцатый, чтобы возвеличить блеск своего царствования, стал осыпать золотом и подарками художников, писателей и поэтов, которые действительно начали прославлять его в своих произведениях, описывая благосостояние страны и высший разум правителя.

● Русский поэт Надсон, переписываясь с какой-то его поклонницей — графиней Лидой — весьма откровенно ей отвечал на все ее политические вопросы. Эта графиня Лида оказалась женой жандармского полковника, действующей по поручению полиции.

● Последний царский министр Протопопов, желая удержать власть и влияние при дворе, сделал распоряжение по полиции посылать императрице с разных концов России телеграммы с изъявлением верноподданных чувств.

● Первый русский драматург, знаменитый Сумароков (1775 год), задолжал богачу Демидову две тысячи рублей. Демидов описал дом Сумарокова. Чиновники, чтобы унижить писателя, дом, стоявший шестнадцать тысяч, оценили в девятьсот один рубль шестнадцать с половиной копеек, за каковую сумму дом и был продан.

41. Делаем небольшую передышку. Слишком большое количество подлецов и негодяев вызвало у нас легкое сердцебиение и дрожь в руках.

Из этих вышеуказанных мелочей следует особо отметить, во-первых, последний факт. Можно представить гнусные морды чиновников, которые вошли с портфелями и расположились в креслах и, чтобы покочевряжиться и показать свою силу, нарочно так низко оценили дом. Сумароков, от людской подлости, как он сам говорил, «упал духом и запил». И вскоре умер в страшной нищете и упадке.

Очень интересен также факт с Протопоповым. Об этом, между прочим, писал английский посланник Бьюкенен. И это вполне похоже на правду. Этот грязный тип вполне мог пойти на такое мелкое коварство.

Что касается Надсона, то его переписка с «графиней Лидой» была в свое время опубликована и вызвала, говорят, большой скандал.

Калигула же был, по словам римского историка Светония, выдающимся преступником и злодеем. И ничего нет удивительного, что он так подумал и потом рассме-

ялся. Воображаем самочувствие этих двух сенаторов. Один, наверное, сильно поперхнулся, а другой, вероятно, засмеялся дребезжающим смехом и сказал:

— Всегда вы, ваше величество, что-нибудь забавное придумаете. Очень имете острый ум.

А что до того, что Юлий Цезарь велел украшать оружие, то это был интересный психологический трюк. Вообще это был великий полководец. Молодец!

42. Но пойдем дальше.

● Любownik Екатерины Первой, камергер Монс, был казнен Петром. Несчастного посадили на кол. А голову потом отрезали и положили в банку со спиртом. И эту банку Петр велел поставить в комнате Екатерины. Когда эту голову принесли, Екатерина сказала придворным:

— Вот, господа, до чего доводит разврат придворных!

● В приговоре о казни Монса буквально сказано: «Государственный преступник Монс приговаривается к казни за вмешательство в дела, не принадлежащие ему».

● Екатерина Вторая, желая осмотреть завоеванные местности, отправилась на галере по Днепру. Светлейший князь Потемкин, чтобы удивить императрицу и желая показать, что завоеванные земли сказочно богаты, велел построить по берегам Днепра красивые домики, церкви и сады. Сюда были пригнаны стада коров и овец. Двигались обозы. И подставные мужики — в нарядных костюмах — сидели на берегу.

● Перед приездом Екатерины (1785 год) в Москву московский губернатор издал постановление — выгнать всех нищих из города, «дабы видение толикого числа нищих ее не беспокоило».

● Петергоф был устроен Петром Первым на манер Версаля. Приезжие иноземные гости поражались сказочному великолепию дворца, и это, как пишут историки, «разрушало у них обычное представление как о дикой варварской Московии».

● Студент Сазанов, бросивший бомбу в министра Плеве, был ранен осколком этого снаряда. Он

очнулся в больнице. Над ним склонилось доброе лицо врача.

— Вы тут бредили, молодой человек, — сказал врач, — называли разные имена. Но ничего, на меня вы можете вполне положиться. Я сам когда-то увлекался идеями. Можете мне довериться.

Один из служащих больницы предупредил Сазонова, что этот врач — агент полиции.

— Ну, что вы кричите? — сказал врач, когда Сазонов попросил его уйти. — Ну, хорошо: я позову фельдшера, он вам сделает перевязку.

Этот фельдшер тоже оказался агентом сыскной полиции.

43. На этом заканчиваем наше историческое повествование. И прямо жалость берет. Имеем еще целую кучу материала. Но, чтоб не погрешить против красоты формы, решили мы на этом остановиться.

Только разве что вскользь отметим кое о чем. Зароним, так сказать, искру в ваше воображение. А вы уж, благодетели, сами там дорисуйте общую картину.

Отметим хотя бы провокаторов. Вот где в высшей степени процветало коварство. Например, один Азеф чего стоил! Или, скажем, зубатовщина. Это было тоже нечто неслыханное. Этот господин при помощи полиции начал вдруг организовывать рабочее движение. И даже устраивал стачки. Вот собака!

Отметим также представителей торгового мира с их славным лозунгом — «не обманешь — не продашь». Обратим ваше внимание на буржуазный быт, при котором нередко болонки печенье жрут, а трудящиеся только на это смотрят.

Отметим, наконец, слишком мягкое перо господ писателей, которые иной раз писали далеко не то, чего думали. И наоборот.

Ах, мы не можем отказать себе в удовольствии привести небольшую, так сказать, писанину, в которой видеть, как и что.

Неизвестный мадридский борзописец составил отчет о генеральном аутодафе в 1680 году. Вот как он пишет.

44. Только прежде необходимо сказать нижеследующее. Во время инквизиции государственные преступники и еретики нередко приговаривались к сожжению. Причем тех, которые раскаивались в своей ереси, предварительно душили, а потом сжигали. А упорствующих грешников сжигали без удушения.

Вот составитель отчета пишет о казни в таком стиле:

«Сии последние (то есть упорствующие) шли со странной бледностью в лице, с очами, помраченными и как бы извергающими пламя, с таковым видом, что казались одержимы бесом...» «Обращенные же шли с великим смирением, утешением, покорностью и веселием духовным, что казалось — сквозь них сияла благодать божия. Можно было думать, что они, счастливые, уже были вознесены на небеса... Засим преступники были казнены. Сначала удушены были гарротой обращенные, засим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния».

Форсисто написано! И то, что, наверное, требовалось. Прямо сквозь строчки видим ехидную морду составителя, который склонился над бумагой. Улыбается. Продажная личность! Нашел духовное веселие у приговоренных людей. Но, поскольку свыше требовался подобный восторженный стиль, — вот он его и выполнял.

Впрочем, конечно. Наверное, жрать надо. Семья. Жена. Дети. Мало ли! Но все-таки сукин сын! Крапивное семя!

Итак, на этих чертовских строчках закончено наше историческое повествование.

И с сердцем, разорванным пополам, мы закрываем пожелтевшие от грязи страницы истории.

Вот что рассказывает она о коварстве.

45. Она рассказывает, что этого добра, по ходу мировой

истории, было слишком много и достаточно, куда ни плюнь.

И, вообще, чуть не каждая страница истории понатаивана этим действием.

Оно посещало пышные дворцы и великолепные чертоги. Оно заглядывало в бедные хижины и жалкие лагуны. И дух его присутствовал то там, то там.

Бедняки иной раз шли по этой скользкой дорожке, чтобы не потерять нить своей жизни. А богатые нередко проявляли свое коварство благодаря своему злобному и мещанскому характеру.

А что касается попов и царей, то эти, как мы видим, особенно отличились.

Да, конечно, тут речь шла о прошлых веках и столетиях. И вот интересно знать, как теперь обстоят дела в этом.

Матушка Европа, конечно, имеет буржуазный строй, так что коварство, несомненно, там на прежней высоте. И разницы там, скорей всего, никакой не случилось.

А что касается как у нас, то в жизни у нас, конечно, большие перемены. И разные хорошие факты произошли, и превосходные дела, о которых мы упоминали уже в других отделах. Но коварство у нас, конечно, имеется.

46. Что касается коварства, то — увы! — оно у нас, несомненно, тоже еще есть, и не будем закрывать глаза — его порядочно.

И было бы странно, если бы его совершенно не было. Можно сказать, столько веков создавали и лелеяли это самое. И, наверное, не может того быть, чтоб раз-два — и нет ничего.

Нет, у нас коварство, конечно, есть. И даже у нас специальные названия подобрали для обозначения этого — двурушники, комбинаторы, авантюристы, аферисты, арапы и так далее. Из чего вполне видно, что у нас этого добра еще достаточно.

Но только у нас именно то хорошо, что есть полная уверенность, что с течением времени этого у нас не бу-

Коварство

дет. И с чего бы ему быть, раз на то никаких причин не останется.

Но пока, конечно, и на нашем горизонте еще имеются разные подобные дела. Давайте же посмотрим, какие это дела. И давайте метлой сатиры подметим то, что нужно и можно подмести.

Итак, начинаются рассказы из нашей жизни.

Рассказы о Коварстве

ИНТЕРЕСНАЯ КРАЖА В КООПЕРАТИВЕ

Воровство у нас есть. Но его как-то значительно меньше.

Кое-кто успел перековаться и больше не ворует. А некоторых не удовлетворяет, как бы сказать, выбор ассортимента. Некоторые же, не видя собственников и миллионеров, перестроились и крадут теперь у государства.

Но, конечно, естественно, крадут не так, как они это раньше производили.

Нынче только дурак крадет, не понимая современности.

А многие современность отлично понимают и уже осваивают новейшие течения.

Например, недавно в нашей кооперации произошла кража. Так за этой кражей видна по крайней мере философская мысль.

Вот как это было.

Кооперация. Вообще, кооператив. Так сказать, открытый распределитель.

Естественно, много товаров. Экспортные утки лежат на окне. Семга почему-то. Свиные, я извиняюсь, туши. Сыр. Это — из еды. И из вещей тоже много всего. Дамские чулки. Гребенки. И так далее.

Все это в изобилии набросано и, так сказать, очень выигрышно лежит на витрине.

И, конечно, естественно, это привлекло чей-то взор.

Короче говоря: кто-то такое с заднего входа влез в ночное время в магазин и сильно там похозяйничал.

И, главное, дворник у ворот спал, ничего такого не заметил.

— Какие-то сны, — говорит, — мне, действительно, в эту ночь показывали, но ничего такого потустороннего я не слышал.

А он очень, между прочим, перепугался, когда это воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить. И так далее.

Заведующий говорит:

— Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя, конечно, по головке не погладят, но навряд ли тебе пришлют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся. Не путайся тут под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями. А иди себе и досыпай дома.

Но дворник не уходит. Он стоит и расстраивается.

Главное, его расстраивает, что так много уперли.

— Вот этого, — говорит, — я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли. Мне это очень странно.

Заведующий говорит:

— Дюже крепко спал, сукин сын! Это ужаси подобно, сколько уперли!

Дворник говорит:

— Чтоб много уперли, этого не может быть. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

— А вот сейчас составим акт и увидим, какая ты есть ворона — какой невероятный убыток государству причинил.

Тут они начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать. И все такое.

Бедняга-дворник только руками всплескивает и чуть не плачет — до того, видать, граждански страдает чело-

бек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

— Пишите: «Девять пудов рафинаду. Папирос — сто шестьдесят пачек. Дамские чулки — две дюжины. Восемь кругов колбасы. . .»

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

— Из кассы, — запишите, — сперли боны на сто тридцать два рубли. Три чернильных карандаша и ножницы.

При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать — до того, видать, отгорчился человек от громадных убытков.

Заведующий говорит милиции:

— Уберите этого дворника! Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

— Слушай, дядя, уходи домой! Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

— У меня висело шелковое кашне на стене, — теперь его нету. Прошу записать, — я потребую возместить понесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

— Ах, он, подлец! Я не брал у него кашне. И восемь кругов колбасы — это прямо издевательство! Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина.

Дворник говорит:

— Пес с вами! Сознаюсь. Я своровал. Но я сравнительно честный человек. И меня, может быть, возмущает такое составление акта. Я не позволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

— Как же это так? Значит, дядя, выходит, что это ты проник в магазин?

Дворник говорит:

— Я проник. Но я не трогал эти боны и ножницы, и это

сволочное кашне. Я, — говорит, — взял, если хотите знать, полмешка сахара, дамские чулки одну дюжину и два круга колбасы. И я, — говорит, — не позволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. И меня, как советского человека, возмущает, что тут делается — какая идет нахальная приписка под мою руку.

Заведующий говорит:

— Конечно, мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас мы все это прикинем на весы.

Кассирша говорит:

— Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

— Ах, я ей плюну сейчас в ее бесстыжие глаза! Я не брал у нее ножней. А ну, ищи лучше, куриная нога! Или я тебя сейчас из кассы выну.

Кассирша говорит:

— Ах, верно, ножницы нашлись. Они у меня за кассу завалились. И там лежат.

Счетовод говорит:

— Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

— Вот что, перепишите акт. Сахару, действительно, не хватает полмешка.

Дворник говорит:

— Считаю, холера, колбасу. Или я за себя не отвечаю. У меня, если на то пошло, есть свидетельница — тетя Нюша.

Вскоре подсчитали товар. Оказалось, украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение.

И его тетю Нюшу тоже задержали. У ней эти продукты были спрятаны.

Так что, как видите, — тут сперли на копейку, а на вернули на тысячу. И в этом видна, так сказать, игра коварной фантазии и кое-какая философская мысль.

А без этого, говорят, сейчас никак нельзя. Без этого только дурак ворует. И вскоре попадаетея.

Так что в этом деле хитрость и коварство вступили в свои права. И даже в другой раз братья Кант и Ницше кажутся прямо щенками против современной мысли.

И в нижеследующем рассказе это можно вполне видеть.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЧЕМОДАН УКРАЛИ

Недалеко от Жмеринки, у одного гражданина свистнули, или, как говорится, «увели» чемодан.

Дело было, конечно, в скором поезде.

И это прямо надо было удивляться, каким образом у него взяли этот чемоданчик.

Главное, пострадавший попался, как нарочно, в высшей степени осторожный и благоразумный гражданин.

У таких, обыкновенно, даже ничего не воруют. То есть не то, чтобы он сам у других пользовался. Нет, он честный. Но только он осторожный.

Он, например, своего чемодана из рук весь день не выпускал. Он, кажется, даже с ним посещал уборную. Хотя это ему, как говорится, было не так легко.

А в ночное время он, может быть, лежал на нем ухом. Он, так сказать, для чуткости слуха и чтоб не унесли во время процесса сна, ложился на него головой. И как-то там на нем спал, — не знаю.

И он даже для верности не приподнимал головы с этой своей вещи. А если ему нужно было перевернуться на другой бок, то он как-то там со всем этим предметом вращался.

Нет, он в высшей степени чутко и осторожно относился к этому своему багажу.

И вдруг это у него свистнули. Вот так номер!

А еще, тем более, его предупредили перед сном. Ему кто-то там сказал, когда он ложился:

— Вы, — говорит, — будьте добры, осторожней тут сидите.

— А что? — спрашивает.

— На всех, — говорит, — дорогах воровство почти что прекратилось. Но тут, на этом перегоне, еще отчасти бывает, что шалят. И даже бывает, что сапоги с сонных людей снимают, не говоря о багаже, и так далее.

Наш гражданин говорит:

— Меня это не касается. Если речь идет о моем чемодане, то я имею привычку спать на нем довольно чутко. И этот перегон меня не волнует.

И с этими словами он ложится на свою верхнюю полку и под голову закладывает свой чемодан с разными, наверное, ценными домашними вещами.

Значит, ложится он и спокойно засыпает.

И вдруг ночью к нему кто-то подходит в темноте и тихонько начинает сапог с ноги стаскивать.

А наш проезжающий был в русских сапогах. И сразу такой сапог, конечно, не снять, благодаря его длинному голенищу. Так что неизвестный только немного сдернул этот сапог с ноги.

Наш гражданин сдержался и думает:

«Подожду, что будет дальше. Интересно. Неужели он желает с меня сапоги снять?»

А в это время неизвестный берет его теперь за другую ногу и снова дергает. Но на этот раз дергает со всей силы.

Вот наш гражданин как вскочит сразмаху, как ахнет вора по плечу! А тот — как сиганет в сторону! А наш проезжающий — как брыкнется с полки за ним! Хочет, главное, бежать, но не может, поскольку у него сапоги наполовину сдернуты. Ноги в голенищах болтаются, как звонки.

Пока то, да се. Пока ноги взошли во-внутрь, глядит — вора уж и след простыл. Только слышать, что он, мошенник, дверкой на площадке хлопнул.

Поднялись крики. Та-ра-рам. Все вскочили.

Наш проезжающий говорит:

— Вот интересный случай. Чуть у меня сапоги с сонного не сняли.

И сам, вдруг, косо поглядел на свою полку, где должен был стоять его чемодан.

Но его, увы, уже не было.

Ну, конечно, опять крики и опять та-ра-рам.

Один из пассажиров говорит:

— Наверное, вас за ногу нарочно потянули, чтобы вы, извиняюсь, освободили чемодан от головы. А то все лежите и лежите. Поэтому вас скорее всего и потревожили.

Пострадавший сквозь слезы страдания говорит:

— Вот этого я не знаю.

И сам на первой станции бежит в Транспортный отдел и делает там заявление.

Там сказали:

— Хитрость и коварство этих жуликов не поддаются описанию.

И, узнав, что у него там было в чемодане, пообещали, в случае чего, сообщить.

Они сказали:

— Мы поищем. Хотя, конечно, ручаться не можем.

И это они, конечно, сделали правильно, что не поручились, так как вора с чемоданом они так и не нашли.

Но мы знаем один практический случай, когда поимка вора пошла безошибочно. И даже в самом начале уже можно было давать полную гарантию, что вора поймают. Ибо для этого допущено исключительное коварство.

Вот как это было.

ПОИМКА ВОРА ОРИГИНАЛЬНЫМ СПОСОБОМ

(БЫЛЬ)

Украдены были дрова. Во дворе нашего дома. Причем — интересная подробность: кража произошла в зимнее время, когда они, как-никак, представляют собою особую ценность как для тех, так и для других.

Дрова, вообще говоря, даже и в другие сезоны представляют известный интерес для населения.

Некоторые даже их иногда на именины дарят.

Одной моей родственнице, Елизавете Игнатьевне, я, помню, однажды, в день рождения, подарил целую вязанку дров. А Петр Андреевич, ее супруг, человек горячий и вспыльчивый и отчасти мещанин, плетущийся в хвосте у событий, — ударил меня, бродяга, поленом по голове. Правда, в конце вечеринки.

— Это, — говорит, — не девятнадцатый год и не та эра, чтоб дрова преподнести.

Но это, конечно, между прочим.

А дрова, во всяком случае, дело драгоценное и святое. Как сказал поэт Блок:

И не раз, и не два
Вспоминаю святые слова —
Дрова...

И еще что-то такое он сказал, в высшей степени ценное, про дрова.

Так вот, значит, стали во дворе нашего дома пропадать дрова.

Ну, известно, наложены дрова во дворе. Вот они и пропадают. Их кто-то берет на предмет отопления.

То у одного жильца несколько полен пропадет. То у другого, то, наконец, третий крик поднимает:

— У меня, — кричит, — нехватает...

И невозможно разобрать, кто их ворует и где дрова, и кто ими пользуется.

Тогда жильцы на собрании говорят друг другу:

— В доме завелся вор. Вот это интересно. И, может быть, он даже тут сидит и на нас с вами глядит. Но, поскольку у нас сорок пять жильцов, то угадать не представляется возможным. Давайте, в крайнем случае, найдем сторожа или будем сами поочередно караулить.

Некто Серега Пестриков моментально подсчитал, во что обойдется сторож. Оказалось, каждое полено удорожится на девяносто копеек. Это показалось дорогим.

Тогда решили, что будут караулить сами.

Сергея Пестриков написал расписание и повесил его во дворе.

Стали все дежурить поочередно. Но, видят, дрова опять воруют.

Тогда образовалась во дворе одна небольшая экстренная группа в три человека.

Некто жилец Боборькин, Власов Егор Иванович и его племянник Мишка. Тоже почему-то Власов.

Этот Мишка является к своему дяде и так ему интимно говорит:

— Я, — говорит, — товарищ дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. Мы там у себя имеем разные химические штучки, всякие химические газы, дымовые шашки и прочую тому подобную чертовщину. И я, — говорит, — последние ночи худо сплю. Я, — говорит, — товарищ дядя, мечтаю принести домой динамитный патрон. И мне хочется этот патрон заложить в полено. И это полено мы, я извиняюсь, дядя, бросим совместно с другими поленьями, будто оно лежит само по себе. Вор его непременно возьмет. Он его положит в печку. А там уж, товарищ дядя, предоставьте действовать технике.

Дядя, не понимая еще, как и что, говорит:

— Ну, что ж, принеси. Посмотрим.

Племянник говорит:

— Это такое средство, дядя, что против него никакой вор не удержится. И, то есть, непременно мы, так или иначе, вора поймаем. Где взорвет, в какой квартире — там, значит, и взято.

Дядя, обрадовавшись, говорит:

— Тогда — неси. Это действительно в высшей степени интересно. Главное, накануне у нас будет дух захватывать — у кого взорвет.

Жилец Боборькин говорит:

— Только ни об чем никому говорить не будем, но сами все совершим и увидим. У кого в какой печке взорвет, тот и есть то, чего мы ищем. Это становится забавным.

Племянник Мишка говорит:

— Патрончик я принесу небольшой, чтобы было допущено небольшое разрушение, но чтобы громадной катастрофы не было.

Боборыкин говорит:

— Небольшую катастрофу допустить тоже можно. И это даже полезно для других. Она всех может немного утратить и одернуть. Это полезно. Но, конечно, дом разрушать не надо.

Вот Мишка вскоре принес патрон со службы, и этот патрон они заложили в полено.

То есть они выдолбили дырочку в полене и его туда вложили.

И небрежно кинули это поленьшко на дрова. И сами с интересом стали ждать, что будет.

На другой день вечером в доме произошел адский взрыв.

Взорвалось в акурат под жильцом Боборыкиным, в квартире у Сергея Пестрикова.

Все моментально узнали, какой это взрыв и чему его приписать. И все бросились к месту происшествия.

И все глядели на Сергея Пестрикова, который суетился около своей разрушенной печки и восклицал:

— С чего бы это она, господа?

Но ему ничего не говорили. Только говорили:

— Ну и ну!

Между прочим, Мишка Власов не учел, и патрон оказался до того боевой, что совершенно разломал к чорту всю печку и две стены.

Кроме того, разбило стекла в двух этажах. И что-то произошло с канализацией. Она, правда, и раньше почти не работала, но сейчас она совсем что-то заштопорила. Хотя многие это и не приписывают взрыву.

Жертва была одна. Серегин жилец — инвалид Гусев помер с перепугу. Его, собственно, звездануло кирпичом по затылку. И он, привыкший к многочисленным ранениям на войне, тут, в тылу, совершенно растерялся и, как говорится, сразу, без сопротивления, отдал богу душу. То есть он скончался.

Кроме того, Серегиной сестре, которая была совершенно тут не при чем, надуло флюс благодаря разбитому окну.

Серега признался, что он для экономии брал изредка по одному полену от других и не считал, что это какое-нибудь особенное ограбление или воровство.

В скором времени он предстанет перед судом, и там он даст исчерпывающий ответ.

Между прочим, на суд попала также вся наша боевая тройка — оба Власовы и Боборыкин.

Их обвинили в незаконных поступках и в порче государственного имущества.

Так что они тоже будут судиться.

И, наверное, их тоже к чему-нибудь присудят, поскольку нельзя же идти на такие чрезвычайные поступки.

А Мишка пока что развернул еще сильнее свою деятельность.

В другой коммунальной квартире, у его мамы, крали, между прочим, керосин. Так этот Мишка разбавил керосин водой, а после увидел, в каком примусе зашипело.

Вообще, этот мальчишка подает большие надежды благодаря пониманию современного коварства.

Но вот, извольте, еще рассказ, основанный на самой тончайшей современной хитрости.

В этом факте мы отчасти сами участвовали, так что с большим удовольствием осветим это дело.

Вот как это произошло.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

На-днях мы отправляли с вокзала вещи.

Мы их отправляли багажом. Одной нашей родственнице. Это ее вещи. Но они у нас временно лежали. И вот она вдруг просит — пришлите.

И мы поехали на вокзал отправлять багажом.

И вот на вокзале видим такую картину, как говорится, в духе Рафаэля.

Будка для приема груза. Очередь, конечно. Десятичные метрические веса. Весовщик за ними. Весовщик, такой в высшей степени благородный служащий, быстро говорит цифры, записывает, прикладывает гирьки, клеит ярлыки и дает свои разъяснения.

Только и слышен его симпатичный голос:

— Сорок. Сто двадцать. Пятьдесят. Сымайте. Берите. Отойдите... Не становись сюда, балда! Станови на эту сторону.

Такая приятная картина труда и быстрых темпов.

Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара, — он ее не берет. Хотя, видать, что сочувствует.

Которые с расхлябанной тарой, те, конечно, охают, охают и страдают.

Весовщик говорит:

— Вместо страданий укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пушай он вам укрепит. Пушай туда-сюда пару гвоздей вобьет и пушай проволокой надтянет. И тогда подходите без очереди, — я приму.

Действительно верно: стоит человек за будкой. В руках у него гвозди и молоток. Он работает в поте лица и укрепляет желающим слабую тару. И которым отказали, те смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое.

Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий. У него, видать, трахома на глазах. Вот он и надел очки, чтобы другим его было хуже видать. А, может быть, он служит на оптическом заводе и там даром раздают очки.

Вот он ставит свои шесть ящиков на метрические десятичные весы.

Весовщик осматривает его шесть ящиков и говорит: — Слабая тара! Не пойдет. Сымай обратно.

Который в очках, услышав эти слова, совершенно упадает духом. А перед тем как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки.

Который в очках кричит:

— Да что ты, собака, со мной делаешь! Я, — говорит, — не свои ящики отправляю. Я, — говорит, — отправляю государственные ящики. Куда я теперь с ящиками сунусь? Где я найду подводу? Откуда я возьму сто рублей, чтобы везть назад? Отвечай, собака, или я из тебя котлетку сделаю!

Весовщик говорит:

— А я почему знаю?

И при этом делает рукой в сторону.

Тот, по близорукости своего зрения и по причине запотевших стекол, принимает этот жест за что-то другое. Он всхлипывает, чего-то вспоминает, давно позабытое, роется в своих карманах и выгребает оттуда рублей восемь денег, все рублями, и хочет их подать весовщику.

Тогда весовщик багровеет от этого зрелища денег.

Он кричит:

— Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?!

Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор и ужас своего положения.

Он говорит:

— Нет, я вынул деньги просто так. Я хотел, чтобы вы их подержали, пока я сыму ящики с весов.

Он совершенно теряется, несет сущий вздор, принимается извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде, только чтоб не что-нибудь другое.

Весовщик говорит:

— Стыдно! Здесь взятки не берут. Сымайте свои шесть ящиков с весов, — они мне буквально холодят душу. Но,

поскольку это государственные ящики, обратитесь вот до того рабочего: он вам укрепит слабую тару. А что касается денег, то благодарите судьбу, что у меня мало времени возжаться с вами.

Тем не менее он зовет еще одного служащего и говорит ему голосом человека, только что перенесшего оскорбление:

— Знаете, сейчас мне хотели взятку дать. Понимаете, какой абсурд! Я жалею, что поторопился и для виду не взял деньги, а то теперь трудно доказать.

Другой служащий отвечает:

— Да, это жалко. Надо было развернуть историю. Пущай не могут думать, что у нас попрежнему рыльце в пуху.

Который в очках, совершенно сопревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы.

Тогда мне начинает казаться, что у меня тоже слабая тара.

И, покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару.

Он спрашивает с меня восемь рублей.

Я говорю:

— Что вы, — говорю, — обаддели! Восемь рублей брать за три гвоздя?!

Он мне говорит интимным голосом:

— Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но, — говорит, — войдите в мое пиковое положение: мне же надо делиться вот с этим крокодиллом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

— Стало быть, — говорю я, — вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе.

Вот приходит моя очередь.

Я становлю свой ящик на весы и люблюсь крепкой тарой.

Весовщик говорит:

— Тара слабовата. Не пойдет.

Я говорю:

— Разве она слабовата? А мне только сейчас ее укрепили. Вот тот, с клещами, укреплял.

Весовщик отвечает:

— Ах, пардон, пардон! Извиняюсь! Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это завсегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон.

Принимает он мой ящик и пишет накладную.

Я читаю накладную, а там сказано: «Тара слабая».

— Да что же вы, — говорю, — делаете, арапы? Мне же, — говорю, — с такой надписью обязательно весь ящик в пути разворуют. И надпись не позволит требовать убытки. Теперь, — говорю, — я вижу ваши арапские комбинации.

Весовщик говорит:

— Что пардон, то пардон! Извиняюсь!

Он вычеркивает надпись, и я ухожу домой, рассуждая по дороге о перестройке характеров, о хитрости и коварстве и о той неохоте, с какой некоторые мои уважаемые сограждане сдают свои насиженные позиции.

Но они непременно рано или поздно сдадут эти свои позиции. Некоторые впрочем сдадут после длительных боев.

И это даже наплевать, что некоторые из них отошли на другую линию и там, как видите, ведут бой по всем правилам искусства.

Мы их и оттуда выкурим. Даром, что у них позиция больно хороша и она не всем заметна.

А вот мы сейчас их еще с флангу слегка ударим. Сейчас наш удар придется в акурат по всякому свинству и жульничеству.

В общем, вот еще какой боевой рассказ из серии «Коварство» мы предлагаем вашему скромному вниманию.

РАССКАЗ О ПОДЛЕЦЕ

В виду того, что это тоже факт и тут речь пойдет об одном живом человеке, то мы бы не хотели затрагивать в печати его фамилию.

То есть, вообще говоря, он, конечно, подлец и его следует публично прохватить, но он в настоящее время и без того чересчур расстраивается и говорит, что в ближайшее время он непременно перестроится.

Поэтому, из педагогических целей, назовем его ***.

И вот, едет этот «три звездочки» в трамвае.

Вот он едет в трамвае. А по виду никак не скажешь, что это подлец едет. По виду — это едет скромный работник в валенках. Он едет в гости. Он едет к своему приятелю на именины.

Вот он едет в трамвае к нему в гости, думает, может, там про свои всякие подлости — чего он сожрет, и хорошо, думает, что подарка имениннику не купил. Другие, думает, имеют привычку подарки покупать, а что касается меня, то они не на таковского попали.

И вот он едет на именины без подарка. И на углу Седьмой Линии он слезает. Он, вернее, не дождавись остановки, спрыгивает с трамвая, чтобы поскорее пойти в гости, а то, думает, все сожрут. Им только, нахалам, опоздай.

И вот он, в силу этого, спрыгивает поскорей. И вдруг слышит свисток, и чьи-то ноги спешат. Это милиция к нему поспешает. Желает узнать, как он спрыгнул, не повредил ли внутренностей и, вообще, есть ли у него лишние деньги в кармане.

Наш герой думает:

«Ну, налетел на трешку. Лучше бы, — думает, — я имениннику пару червивых яблок купил, чем мне теперь штраф платить!»

И, так подумавши, поскорей смешивается с толпой и идет, как ни в чем не бывало. Будто это и не он прыгнул, а кто-нибудь там другой.

Милиционер говорит:

— Неприлично делаете, что убегаете!

*** говорит:

— А что такое? Это не я прыгнул. За что я буду штраф платить? Что ты — ошалел, стоявши на своем посту? Я иду спокойно. И в трамвае я, по крайней мере, три дня назад ехал.

Милиционер говорит:

— Ах, вот какие речи! Тогда пойдемте в милицию.

*** говорит:

— Пойдемте.

И сам, видя, что вокруг никаких свидетелей нету, начинает по дороге нашего милиционера чехвости́ть и кости́ть настолько, что тот аж рот раскрывает, но сдерживается. Самые ужасные слова и грубости ему говорит. А милиционер тактично молчит и не теряет своего достоинства.

Вот приходят они в милицию. Докладывают дежурному, что случилось. Милиционер говорит:

— И, кроме того, он меня незаслуженно оскорблял. Защищите.

Наш подлец говорит:

— Он нахально врет. Никаких оскорблений я не допускал. Свидетелей не было, и я отказываюсь от этих показаний.

Начальник милиции говорит:

— А мы привыкли своим милиционерам доверять. И на тебя мы сейчас составим протокол.

И вот они составляют протокол и спрашивают его, где он служит и где живет. А *** с перепугу и по своей подлости нарочно указывает не тот адрес. А то, думает, пожалуй, накладку будет.

Вот он дает не тот адрес и говорит:

— Можно мне идти? А то я опаздываю.

Дежурный говорит:

— Посиди маленько.

И сам поспешает к телефону. Он вызывает адресный стол и там берет справку.

Тогда *** говорит:

— Ой, пардон, я спутался! Я вам не тот адрес дал. И не ту фамилию. На меня затмение нашло.

Начальник милиции говорит:

— Ах, вон ты какой фрукт! Ну, нам теперь твоя характеристика видна. Говори свой правдивый адрес и выметайся.

Тогда ***, предвидя суд и неприятности, говорит адрес, но опять-таки говорит не свой адрес, а, во избежание дальнейших неприятностей, на всякий случай говорит адрес своего приятеля, именинника.

И при этом думает: «Тому все равно ни чорта не будет. Тот докажет свою невинность, а тут и адрес сойдется, если справку возьмут, и мне легче вздохнется».

Вот он дает адрес именинника и называет себя его фамилией.

Вот начальник милиции звонит в адресный стол и там вскоре отвечают:

— Такой есть, живет по этому адресу, и все правильно. Отпустите.

И вот в хорошем настроении духа спешит наш *** на именины. Но приходит туда поздно. Там уж все съели, и ему подают лишь стакан чаю и какие-то пустишки.

***, расстроившись от такой подачи, думает про себя: «Ничего! Я ему тоже хороший подарок преподнес. Он у меня теперь, свинья, побегает!»

И снова в хорошем настроении уходит домой.

Дня через два на работу является бывший именинник, весь не в себе. Он говорит друзьям:

— Со мной такое случилось, что только в сказках происходит. На меня какие-то подлецы двадцать пять рублей штрафа наложили за оскорбление милиции и за вранье. И я, — говорит, — сам теперь не пойму, что к чему. А они говорят: «Плати, или мы на твое жалованье наложим».

От этих слов *** сконфузился и так отвечает:

— Знаешь, Ваня, я тебе на именины ничего не подарил.

Хочешь, я тебе десятку дам, чтобы ты внес этот штраф и не волновался.

Тогда бывший именовник вдруг начинает кое-что понимать.

— Позволь! — говорит. — Я твою скупость преотлично знаю. А то, что ты мне десятку суешь, это мне в высшей степени удивительно. Уж не ты ли, собака, мне это дело удружил? То-то я вспоминаю, что ты опоздал и пришел в расстроенных чувствах. Так вот какие ты подарки даришь своим друзьям!

И с этими словами, размахнувшись, ударяет того по физиономии.

Тот удивляется и говорит:

— Ну, хорошо: я весь штраф заплачу, только не губи моей хорошей репутации. Вот тебе двадцать пять целковых, поспеши заплатить.

Бывший именовник говорит:

— Это еще что за новости? Ты — такой подлец, а я буду за тебя ходить и платить.

*** говорит:

— Ну, хорошо: я сейчас сам пойду и заплачу. Только громко не кричи.

И бежит в милицию.

А там, как назло, сидит то же самое начальство, которое объяснялось с именовником, но не то начальство, которое было в первый раз. А наш герой, не сообразив мелочей, подает повестку и кладет на нее деньги.

Дежурный изумляется перемене в наружности пришедшего и говорит:

— А ну вас к чорту! Что-то я ничего не пойму. То один не хочет заплатить, то другой, наоборот, хочет.

Только вдруг приходит начальник отделения милиции.

Он сразу разбирается во всем деле и говорит:

— А, вот оно что! Ну, теперь мы тебе пришили обвинение.

*** просит прощения и унижается. Но на него составляют протокол. И этот протокол отсылают на место службы.

Там состоялся товарищеский суд, на котором нашего подлеца, к общему удивлению, оштрафовали на десять целковых. И, кроме того, приговорили к общественному порицанию и дали строгий выговор с предупреждением.

А бывший именинник перестал с ним здороваться и говорит:

— Вот так он мне подарок преподнес!

А сам этот тип ходит теперь тише воды, ниже травы и говорит:

— Так-то я довольно честный, но, конечно, и у меня случаются затмения. Но теперь, после этого факта, я совершенно перековался.

Однако от перековки мы требуем порядочно. И если говорить о перековке, то нам желательно, чтоб окружающие люди были умные, честные и чтобы все стихи писать умели. Ну, стихи, даже в крайнем случае, пускай не пишут. Только чтоб все были умные.

Хотя, впрочем, конечно, ум — дело темное. И часто неизвестно, откуда он берется.

Так что желательно, чтоб все были хотя бы честные и чтоб не дрались. В крайнем случае даже пусть себе немного дерутся, но только чтоб вранья не было.

Это не значит, что не соври. Нет, врать можно. Но только самую малость. Ну, например, жена спросит: где был? Ну, тебе сказать неохота, где был. Ну, скажешь — в аптеке был. Ну, она — хлесь со всего размаху.

— Как это, — скажет, — в аптеке, когда, например, от тебя пивом пахнет?!

Нет, драться тоже нехорошо.

И лучше совсем без вранья, тогда, может, и драки прекратятся.

Итак, желательно, чтоб все были довольно честные и чтоб даже в частной жизни, хотя бы опять-таки в гостях, наблюдалось поменьше вранья и свинства.

А то хозяева иногда от этого сильно переживают.

Вот, например, какой однажды, благодаря бытовому боварству, произошел случай на одной вечеринке.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ В ГОСТЯХ

Это было порядочно давно. Кажется, лет восемь назад. Или что-то около этого. И проживал тогда в Москве некто Григорий Антонович Караваев.

Он — служащий. Бухгалтер. Он не так молодой, но он любитель молодежи. И у него под выходные дни всегда собиралась публика. Все больше, так сказать, молодые начинающие умы.

Велись разные споры. Разные дискуссии. И так далее.

Говорилось, может быть, про философию, про поэзию. И прочее. Про искусство, наверно. И так далее. О театре, наверно, тоже спорили. О драматургии.

А однажды у них разговор перекинулся на международную политику.

Ну, наверно, один из гостей, попивши чай, что-нибудь сказал остро-международное. Другой, наверно, с ним не согласился. Третий сказал: Англия. Хозяин тоже, наверно, что-нибудь дурацкое добавил. В общем у них начался адский спор, крики, волнения и так далее. В общем — дискуссия.

Что-то у них потом перекинулось на Африку, потом на Австралию и так далее. В общем, в высшей степени дурацкий, беспринципный спор.

И в разгар спора вдруг один из гостей, женщина, товарищ Анна Сидоровна, служащая с 23 года, говорит: — Товарищи, чем нам самим об этих отдаленных материях рассуждать — давайте позвоним, например, какому-нибудь авторитетному товарищу и спросим, как он про этот международный вопрос думает. Только и всего.

Один из гостей говорит, вроде как шуткой:

— Может, еще прикажете запросить об этом председателя народных комиссаров?

Женщина Анна Сидоровна немного побледнела и говорит:

— Отчего же? Вызовем, например. Кремль. Попросим какого-нибудь авторитетного товарища. И поговорим.

Тут среди гостей наступила некоторая тишина. Все в одно мгновение посмотрели на телефон.

А в те годы на посту председателя был, кажется что, товарищ Рыков.

Вот Анна Сидоровна побледнела еще больше и говорит:

— Вызовем к аппарату товарища Рыкова и спросим. Только и делов.

Поднялись крики, гул. Многим это показалось интересным.

Некоторые сказали:

— В этом нет ничего особенного.

А другие сказали:

— Нет, не надо.

Но хозяин ответил:

— Конечно, этим звонком мы можем ему помешать, но все-таки поговорить интересно. Я люблю молодежь и согласен предоставить ей телефон для этой цели.

Тут один энергичный товарищ Митрохин подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

— Я сейчас вызову.

Он снимает трубку и говорит:

— Будьте любезны... Кремль...

Гости, затаив дыхание, встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидоровна сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежаться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира, — Дарья Васильевна Пилатова.

Она — ответственная съемщица. И она пришла поглядеть, все ли идет правильно во вверенной ей квартире.

Она остановилась у двери, и в глазах у нее многие заметили тоску и непонимание современности.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

— Будьте любезны, попросите к аппарату товарища Рыкова. Что?

И вдруг гости видят, что товарищ Митрохин переменяется в лице, обвел блуждающим взором всех собрав-

шихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слышать было, и говорит шепотом:

— Чего сказать?.. Спрашивают — по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть... Да говорите же, черт возьми.

Тут общество несколько шарахнулось от телефона. Кто-то сказал:

— Говори: из редакции... Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

— Из «Правды»... — глухо сказал Митрохин. — Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

— Завели волюнку. Теперь расхлебывайте. Вовсе не надо было врать, что из «Правды». Так было бы вполне хорошо, а теперь наврали, и неизвестно еще, как обернется.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилагова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

— Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Вешайте трубку. Вешайте в моей квартире трубку. Я не позволю в моей квартире с вожжами разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел своим блуждающим взглядом общество и повесил трубку.

В комнате наступила тишина. Некоторые из гостей встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять тихо сидело, рассуждая о том, что врать не надо было. А просто вызвали бы по личному делу и поговорили. И ясно, что в этом им бы не отказали. А теперь соврали, и получилось некрасиво.

Во время этой тихой беседы вдруг раздался телефонный звонок. Сам хозяин, бухгалтер Караваев, подошел к аппарату и с мрачным видом снял трубку.

И стал слушать. Вдруг глаза у него стали круглые, и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

— Кто вызывал товарища Рыкова? По какому делу?

— Ошибка, — сказал хозяин. — Никто не вызывал. Извиняюсь...

— Никакой нет ошибки! Звонили именно от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

И узнали об этой шутке только на другой день. Оказывается, один из гостей сразу после первого разговора вышел из комнаты, побежал в аптеку и оттуда позвонил, с тем, чтобы разыграть всю компанию.

В этом он на другой день сам и признался. И при этом страшно хохотал.

Но хозяин, бухгалтер Караваяев, отнесся к этому без смеха и поссорился с этим своим знакомым. И даже хотел набить ему морду, как проходимцу, который ради собственного развлечения пускается на подобные мелкие аферы и хитрости, заставляющие других людей переживать. А главное, хозяин не захотел простить этому гостю за то, что тот для смеха произнес в телефон несколько бранных слов, которые бухгалтер воспринял как должное. За это он ему в дальнейшем не простил и больше не приглашал на вечеринки, которые в скором времени и совсем отменил.

В общем нижеследующая история, еще более забавная своей бытовой хитростью.

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С КАССИРШЕЙ

В одном кооперативе «Пролетарский Путь» за последние полтора года сменилось двадцать три кассирши. И это мы ничуть не преувеличиваем.

Двадцать три кассирши в течение короткого времени. Это, действительно, нечто странное и поразительное.

Заведующий в свое время так об этом явлении сказал. Он сказал:

— Они все не соответствовали своему назначению. И все были дуры.

И под ряд их двадцать две штуки сменил.

Ну, конечно, были дамские крики, вопли и объяснения. Но дело от этого не изменилось. Каждая такая работала у него неделю или полторы, и после он ее с шумом вышибал. Он их вышибал назад, на биржу труда. И требовал еще.

— Если можно, — он говорил, — дайте кассира. Мужчину.

Но ему почему-то вечно присылали не то. То есть женщин. Кассирш. Наверное, мужчин не было. А то бы они, конечно, прислали. Вообще, это довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком обязательно мужчина работает, а за кассой определенно женщина.

И почему это? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат, мужик, не может равнодушно глядеть на вращение денег вокруг себя? Или он запивает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект, вроде бабы, с осоловевшими глазами и с тонким голосом.

Короче говоря, несмотря на все просьбы заведующего, ему все время присылали барышень.

И вот он сменил их уже свыше двух десятков.

И, наконец, он сменяет двадцать третью.

А эта двадцать третья была очень миленькая собой. Она была интересная. И даже отчасти красавица... Во всяком случае франтоватая. Хорошо одетая. И потому она хорошо и выглядела. В общем, она была хорошенькая.

Но, несмотря на это, наш заведующий, не поглядев на ее миловидность, тоже ее вышибает.

Она вдруг в слезы. Драмы. Истерики. Скандал.

Конечно, кассирша настоящего времени отчасти может даже удивиться этим истерикам. И не поймет причину огорчения. Но пять лет назад это было в высшей степени понятно. Тогда работа на полу не валялась. И местом кассирши многие интересовались.

В общем, когда эту нашу хорошенькую кассиршу уволили, — она в слезы.

И говорит окружающим:

— Я знаю, почему меня уволил ваш заведующий. Я, — говорит, — к нему сурово относилась и мало, — говорит, — смотрела на него, как женщина. И вот он меня за это и прогнал.

Ну, конечно, слухи эти дошли до инспекции труда. Вообще, советский контроль. И так далее.

Нашего заведующего вызывают.

Он говорит:

— Это наглая ложь. Я на эту барышню даже не глядел. Меня она вообще мало интересует. Пожалуйста, посмотрите мой жизненный путь: за полтора года только и делал, что их увольнял.

Ему говорят:

— Но, может быть, вы их увольняли как раз за то, на что эта жалуется.

Заведующий говорит:

— Я, — говорит, — не нахожу слов от возмущения. Хорошо, — говорит. — В таком случае я сознаюсь, почему я их уволил. И раз меня теперь на двадцать третьей обвиняют как раз в обратном смысле, то я не считаю больше возможным скрывать настоящую причину. Видите, в чем дело. Я, как бы сказать, любитель иногда выругаться. Ну, знаете, фронтовая привычка. На работе я еще сдерживаюсь. Но в конце трудового дня или там при подсчете товара я сдерживаться затрудняюсь. И если у меня кассирша, то это меня совершенно стесняет. Она мне не дает творчески развернуться. Вот почему я уволил двадцать две кассирши. И почему уволил двадцать третью. Я шадил их наивность. И все надеялся, что мне пришлют какого-нибудь из нашего лагеря, перед которым я смогу быть самим собой. И поэтому я пустился на подобное коварство — стал под ряд выкуривать всех барышень, в надежде когда-нибудь наскочить на мужчину. Но этого, увы, не случилось. И вот я теперь пострадал за свою хитрость. И нахожусь перед вами.

Тогда инспекция вызывает эту хорошенькую кассиршу. И ей говорит:

— Что же вы дурака валяете? Ведь вот он у вас какой!

Кассирша говорит:

— А я почему знала? Я думала, что он меня уволил по другой причине. А что касается этого, то это меня отнюдь бы не тревожило. Подумаешь, Художественный театр! За что другое, а как раз за это меня не надо было увольнять. Смешно.

Заведующий говорит:

— Да, кажется, с этой кассиршей я бы смог сработаться. Я жалею, что я ее выгнал, не узнав характеристики.

В общем, эта кассирша снова работает в этом магазине.

Но заведующий, к сожалению, там уже не работает. Ему сделали строгий выговор с предупреждением и сказали, чтоб в другой раз он не пускался бы на подобное арапство для угождения своим изменным вкусам.

И перевели его работать в склады. Там он, может быть, и отводит душу.

Но хочется думать, что это его одернуло, и он уже расстался со своей привычкой, благодаря которой он испортил настроение двадцати трем женщинам, из которых одна была даже недуренькая.

Интересная хитрость была также допущена в одном общежитии.

Предлагаем вашему вниманию рассказ об этом небольшом происшествии.

ХИТРОСТЬ, ДОПУЩЕННАЯ В ОДНОМ ОБЩЕЖИТИИ

В одном общежитии жила некто Маруся Кораблева. Очень кокетливая особа. Молоденькая. Лет восемнадцати. Довольно вертлявая, и вообще склонная к мещанскому уюту.

Она училась, конечно, плоховато. Но в высшей степени любила нравиться мужчинам. И для этой цели она подводила себе глазки и пудрила кожу. И кроме того очень отчаянно душилась. Духами или одеколоном. Ей это было все равно.

И она, несмотря на свои скромные капиталы, непременно всегда тратилась на эту жидкость.

У нее перед кроваткой стоял ночной столик, и на этом столике у нее всегда красовался пузырек с духами. И лежала разная подмазка, зеркальце и так далее.

Только вдруг однажды Маруся стала замечать, что кто-то у нее берет эти духи. Кто-то ими пользуется.

Стала она тогда в столик класть пузырек. Все равно кто-то неуклонно отливает. Может быть какая-нибудь ее подруга, не имея своей парфюмерии, пользуется чужой.

Марусенька и в столик прятала свои духи, и под подушку зарывала, — не помогает. Чья-то невидимая рука, нет-нет, да и скрадет немного.

Стала она отметки делать на этикетке — сколько было. Тоже не помогает. Воры с этим не считались и при каждом удобном случае, знай себе, отливают.

Короче говоря, Маруся придумала такую штуку. Она взяла и на баночке сделала наклейку «яд» и поверх наклейки изобразила череп с двумя костями. И этот флакончик поставила на стол. И с тех пор никто уже больше не прикасался к жидкости.

За исключением, впрочем, одного раза. Одна истеричка взяла и зараз выпила всю жидкость.

Она, видите ли, поссорилась с одним знакомым. И сдуру заглотала всю жидкость, правда, без особого вреда для себя.

А если б не этот случай, то это ее изобретение было бы на высоте положения. Можно было бы даже патент схлопотать, так сказать, за остроту и хитрость мысли.

Но, безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на мешанские интересы — на охрану частной собственности.

В общем после этого случая Маруся Кораблева пере-менила тактику. Она теперь носит пузырек в сумочке. Отчасти это неудобно и тяжело, но зато безопасно.

Сей забавный рассказ предлагаем вниманию кокетли-вых особ. Без желания доставить им неприятные ми-нуты.

А следующий рассказ, наоборот, — кокетливых просит не тревожиться. А пускай его читают отцы и деды и также матери. Детям же читать тоже не рекомендуется, чтоб философская мысль этого произведения не натолк-нула бы их на нечто похожее.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДЕВОЧКЕ САПОЖКИ ПОКУПАЛИ

Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки покупать.

Дочка у него, Нюшка, небольшой такой дефективный переросток. Семи лет.

Так вот, пошел Трофимыч с этой своей Нюшкой са-поги приобретать. Потому как дело к осени, а сапожонок, конечно, нету.

Вот, Трофимыч поскрипел зубами — мол, такой рас-ход, — взял, например, свою Нюшку за лапку и пошел ей покупку производить.

Зашел он со своим ребенком в один коммерческий магазин. Велел показать товар. Велел примерить. Все вполне хорошо: и товар хорош, и мерка акуратная. Одно, знаете, никак не годится — цена не годится. Цена, прямо скажем, неинтересная.

Тем более, Трофимыч, конечно, хотел купить эти детские недомерки совсем за пустяки. Но цена его напугала.

Пошел тогда Трофимыч, несмотря на отчаянный Нюшкин рев, в другой магазин. В другом магазине опять та же цена. В третьем магазине — та же картина. Одним

словом, куда ни придут, та же история: и нога по сапогу, и товар годится, а с ценой форменные ножницы — расхождение, и вообще Нюшкин рев.

В пятом магазине Нюшка примерила сапоги. Хороши. Спросили цену. Ему говорят:

— Напрасно ходите, цена, — говорят, — всюду казенная и никакой скидки.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб ему скостили несколько рублей, для морального равновесия, а в это время Нюшка в новых сапожках подошла к двери и, не будь дура, вышла на улицу.

Кинулся было Трофимыч за этим своим ребенком, но его заведующий удержал:

— Прежде, — говорит, — заплатить надо, товарищ, а потом бежать по своим делам.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб обождали.

— Сейчас, — говорит, — ребенок, может быть, явится. Может, ребенок пошел промяться в этих новых сапожках.

Заведующий говорит:

— Это меня не касается. Я товара не вижу. Платите за товар деньги. Или с магазина не выходите.

Трофимыч отвечает:

— Я с магазина не выйду. Я обожду, когда ребенок явится.

Но только Нюшка в магазин не вернулась.

Она вышла из магазина в новеньких баретках и, не будь дура, домой пошла.

«А то, — думает, — папаня, как пить дать, обратно не купит, по причине все той же дороговизны».

Так и не вернулась.

Нечего делать, — заплатил Трофимыч, сколько спросили, поскрипел зубами и пошел домой.

А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих баретках.

Хотя Трофимыч ее слегка потрепал, но, между прочим, баретки так при ней и остались.

Теперь, после этого факта, может быть, вы заметили:

в государственных магазинах начали отпускать на примерку по одному левому сапогу.

А правый сапог теперь прячется куда-нибудь, или сам заведующий зажимает его в коленях и не допускает трогать.

А детишки, конечно, довольно самостоятельные пошли.

Поколение, я говорю, довольно свободное.

А что со стороны ребенка допущено такое маленькое коварство, то это скорей всего, я так думаю, по причине папиной скупости или, может, у него деньжонок нехватило.

На этом невинном детском рассказике мы хотели закончить наш отдел «Коварство» с тем, чтобы перейти к новому — «Неудачи», однако, близость этого отдела позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два этих предмета — коварство и неудачи — соединились между собой. И вот что получилось.

ИСТОРИЯ С ПЕРЕОДЕВАНИЕМ

Конечно, всем известно, что в гостинице достать номер сейчас не так легко.

Я как приехал на юг, — так сразу в этом убедился.

Слез с парохода, зашел в одну гостиницу, там портье говорит:

— Знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так все непременно к нам. Как будто у нас тут гостиница. Ну — гостиница. Но номеров у нас нет. Переполнение.

Тогда я решаюсь пуститься на такую хитрость. Я выхожу на улицу и обдумываю план действия.

В руках у меня два места. Одно место — обыкновенная корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место — очень великолепный фибровый или, вернее, фанерный чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой, напяливаю кепку на нос, покупаю сигару и ее закуриваю и вот в таком неестественном виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь снова в эту гостиницу.

Швейцар говорит:

— Напрасно будете заходить — номерей нету.

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

— Ейн шамбер-циммер, — говорю, — яволь?

Портье говорит:

— Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

— Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно яволь. Битте-дритте сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся.

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

— Пардон, — говорит, — господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?..

«Чорт побери, — думаю, — а вдруг он, холера, по-немецки кумекает? И сейчас на этом языке разговорится».

— Но, — говорю, — их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

— Батюшки светы, — говорит, — никак к нам испанца занесло. Сию минуту, — говорит. — Как же, как же, — говорит, — знаю, слышал — Испания, падеспань.

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся.

Я говорю ломаным испанским языком:

— Яволь, — говорю, — битте-цурбитте. Несите. — говорю, — поскорей чемодан в мою номерулю. А после, — говорю, — мы поговорим, разберемся, что к чему.

— Яволь, яволь, — отвечает портье, — не беспокойтесь

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает — Платить-то как, — говорит, — будете? Инвалют одер все-таки неужели нашими?

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам, — нолики и единицы.

Я говорю:

— Это я как раз вас не понимает. Неси, — говорю, — холера, чемодан поскорее.

Мне бы, думаю, только номер занять, а там пушай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну, там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщина.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

— А ну-те, — говорит, — испанский подлец, покажи документ.

Я говорю:

— Не понимает. А если, — говорю, — номеров нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

— Видали? Он пытался пройти под флагом иностранца.

Я хочу поскорей уйти, но швейцар говорит:

— Те-с-с, товарищ, подойдите сюда. Не бойтесь. Скажите, неужели вам так нужен номер?

Я говорю:

— На пароходе закачал — еле стою. И даже согласен дать премию, только чтоб мне дали в номере полежать.

Портье говорит:

— У нас взятки не берут. А если вам так нужен номер, то я вам могу дать просто так. Безвозмездно. Но он без ключа. Номер заперт, а ключ потерян. За это вы слесарю заплатите пятнадцать рублей. Он вам откроет и ключ подберет из старья.

Я плачу эти деньги и получаю номер.

А вечером узнаю, что никто от этого номера ключа не терял, а просто они мне загнали за пятнадцать целковых обыкновенный ключ от этого номера. Об этом мне сказал сосед, с которого они взяли за то же самое десять целковых. А с меня на пять рублей дороже как с бывшего испанца.

В общем я был доволен, что получил номер.

На этом рассказе мы закончим наше повествование о коварстве. Конечно, возможно и даже скорей всего мы позабыли еще что-нибудь отметить из этой области. Так что если читатели вспомнят что-нибудь острое о коварстве, — пусть они это отметят в своих сердцах.

Прочтите только тут еще небольшое послесловьице к нашему отделу «Коварство». После чего мы с вами перейдем к четвертой книге «Неудачи».

И в этой книге будем говорить о таких делах, от которых мужчины задрожат, а женщины ахнут.

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловьице. Оно, так сказать, морским узлом завяжет все то, что вам говорили про коварство.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, дорогие друзья, мы заканчиваем наш отдел «Коварство».

Что же мы видим, прочитавши исторические новеллы и забавные мелочишки из нашей жизни?

А мы видим, что в истории редко что случилось без коварства. И что на этот скользкий путь, несомненно, многих толкало темное прошлое.

А поскольку у нас перемена курса — наше будущее нас естественно не волнует. А что касается интуристов, то они, наверное, тоже схватятся за ум и до чего-нибудь додумаются.

Тем более, там многие сами не захотят, чтоб на вершине жизни в полном блеске и в сказочном великолепии болтались у них, главным образом, спекулянты и темные дельцы со своим коварством и хитростью.

То есть это прямо, знаете, исторический анекдот. Кто больше спер, тот и царь. Кто больше выиграл или наспекулировал, тому пол-

ное почтение. Ну, что это такое? Ясно, что коварства чересчур много.

Нет, это не может быть, чтоб это так у них сохранилось на вечные времена. Ясно, что это переменится.

Во всяком случае, старый мир с его мешочниками, купцами и спекулянтами в дальнейшем, без сомнения, рассыплется в прах и в тартарары. Разве что ради курьеза где-нибудь останется что-нибудь такое, вроде Монте-Карло, куда специально будут приезжать любители вспомнить о прошлой жизни.

Да еще возможно, что госпожа великая Англия из гордости и самолюбия что-нибудь такое оригинальное придумает. И поскольку там современный строй плюс король, то от них можно ожидать и еще какого-нибудь исключительного соединения — капитализма, например, с социализмом и еще с чем-нибудь. Но, может быть, они и без этого обойдутся.

В общем, мы не сомневаемся в победном шествии жизни. Все дрянное уйдет. Арапство исчезнет. Обиды, боль, слезы и огорчения забудутся. Детишки засмеются. Взрослые зааплодируют. И весь старый мир, все прошлое будет сосчитано как печальное недоразумение на заре человеческой жизни.

И все это прошлое исчезнет и, так сказать, пройдет.

Как сказал поэт:

Все пройдет, как с белых яблонь дым.

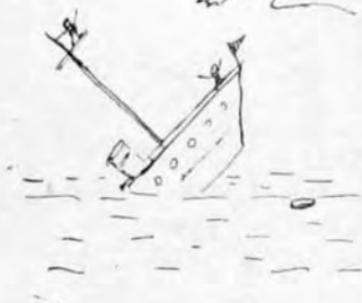
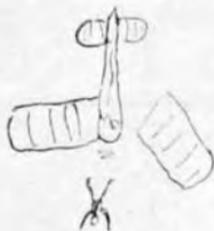
И мы в этом не сомневаемся.

Итак, друзья, подумавши возвышенным образом о дальнейшем, перейдем к нашему новому отделу «Неудачи».

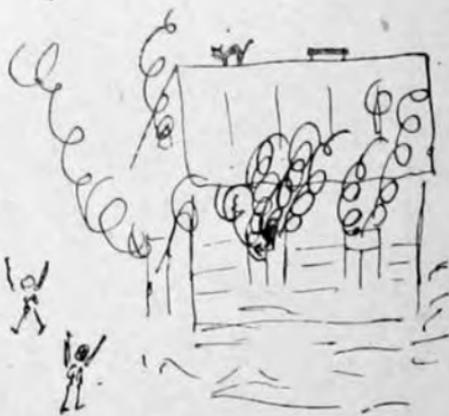
Тут, как многие уже, наверное, успели догадаться, речь пойдет о неудачах. И мы уже слышим отрывистые голоса и всхлипывания. Мы слышим недовольные речи и брюзжание. И кто-то канючит. Это брюзжат и канючат неудачники. Ах, им не хочется неудач. Они хотят кататься, как сыр в масле. Но это, конечно, не так-то легко дается. Вот они и брюзжат...

В общем, переходим к очередному отделу «Неудачи».

НЕ
У
А
Ч
И

НЕУДАЧИ

1. Когда мы в свое время лежали себе в люльке и крошечными губенками, мало чего понимая, тянули через соску теплое молоко, — какое, наверное, архиблаженство испытывали мы от окружающей жизни.

2. Главная причина блаженства, я теперь так думаю, заключалась именно в том, что мы решительно ниоткуда не ожидали никаких неприятностей и не испытывали никаких неудач.

Ну, разве там, предположим, животик у нас неожиданно схватит, либо там блоха, соскочивши со взрослого, начнет кусать наше, еще не окрепшее, тельце.

Вот, так сказать, и все неудачи, вот вам и все трудности переходного возраста.

А все остальное текло, конечно, в чудном свете безмятежного существования.

3. А каким удивительным, каким прямо сказочным рисовался нам окружающий мир, когда мы юношей с превеликим удовольствием вступали на шаткий путь нашей жизни.

Какая прямо волшебная панорама расстилалась тогда перед нашим невинным взором.

Весь мир, нам казалось, наполнен счастьем, любовью, удачами и чем-нибудь вроде этого. Каким-нибудь упоением.

Мужчины представлялись мыслителями. А женщины в нашем воображении рисовались вроде каких-то бравур-

ных испанских певичек, которые то и дело поют, хохочут и выпивают. И кругом них только и происходит, что свадьбы, танцы, журфиксы и поцелуи.

Изредка там, мы думали, совершается что-нибудь неприятное — пожары там или обмороки. И снова опять журфиксы. Пляски. И так далее.

4. Но вот прошло, конечно, очарование юности. И все оказалось, как говорится, совсем напротив.

Так сказать, глазами разума мы имели неосторожность взглянуть на окружающий ландшафт. И вдруг, как в сказке, в одно мгновение, исчезли все эти волшебные картинки. И поблекли пестрые краски. И пропало все, от чего мы было пришли в такой неопиcуемый восторг.

Как сон все это исчезло, погасло и прекратилось.

И от этого нам стало так досадно, что мы прямо даже не можем вам и выразить.

Об этой досаде в свое время прекрасно выразился один наш славный поэт. Он так воскликнул, говоря о прошедших днях своей юности. Вот как он сказал об этой неудаче с чувством досады, с крайней растерянностью и с дрожью огорчения. Вот его слова:

Жизнь моя, — воскликнул он, — иль ты приснилась мне!
Словно, — говорит, — я весенней, гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

5. Да, это очень прекрасно сказано.

Буквально как на розовом коне, мало чего понимая, проскакали мы по цветущим полям нашей юности.

А когда стали кое-что понимать, то увидели, что все не так-то распрекрасно, как это нам казалось с седла нашей розовой сивки. И все эти розовые картины, которые рисовались нам, оказались совершенно иными. Кроме пожаров и обмороков кругом были огромные неудачи. И эти огромные неудачи буквально переполняли нашу дореволюционную страну.

И даже наш прекрасный, но лирический поэт того

времени, хотевший видеть главным образом цветы, луну и букеты, однажды так воскликнул:

«И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком!..
О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?»

Однако закончим наши лирические отступления и перейдем к делу.

6. И вот, по примеру прошлых отделов, открываем мы историю, чтобы, конечно, поглядеть, как там у них раньше было насчет этих самых неудач. И откуда они, собственно, возникали, эти неудачи? Не от глупости ли? А если не от глупости, то это, может, и поправимо.

И вот глядим в историю. Перелистываем ее туда и сюда. Средний мир. Древние века. Халдея там. Финикия. И мало ли там чего. Персия. Сиам.

И видим прямо нечто удивительное.

То есть, кроме неудач, у них как будто мало чего и бывало. Нищие бродят. Прокаженные лежат. Рабов куда-то гонят. Стегают кнутом. Война гремит. Чья-то мама плачет. Кого-то царь за ребро повесил. Папу в драке убили. Богатый побил бедного. Кого-то там в тюрьму сунули. Невеста страдает. Жених без ноги является. Младенца схватили за ножки и ударили об стенку... Как много, однако, неудач. И какие это все заметные неудачи.

Вот как один ученый русский поп сказал в 1734 году. Он так сказал о знаменитой тайной канцелярии, которая учиняла жестокую расправу с царскими врагами. Он сказал на своем дурацком наречии:

«Ежели бы перстом руки изрыть частицу земли на месте оном, то ударила бы из нее фонтаном кровь человеческая».

И вот, окончательно соскочивши с розового коня, давайте коснемся этого мотива.

7. Да! из всех чертовских неудач, рассыпанных на каждой странице истории, наиболее всего нас может поражать какая-то, прямо скажем, бешеная жестокость по отношению к своей же подчиненной публике.

То есть, это прямо в другой раз как-то даже плохо укладывается в голове. Все-таки встречаются милые люди. И вдруг там читаем — целую семью запихали в клетку к медведям. С другого там сняли кожу. Этому отрубили руку. Отрезали нос. Прибили гвоздем шляпу к голове. Посадили на кол.

Английский посол Горсей пишет в своих записках (в 1578 году):

«... А Тулупова посадили на такой длинный кол, что тот вышел около затылка. И пятнадцать часов князь Тулупов мучился и разговаривал со своей женой».

Другого «правонарушителя», доктора Емельяна Бомельню, Иван Грозный приказал сжарить на вертеле. И медика привязали к деревянному шесту и медленно жарили, поворачивая шест. Потом еле живого бросили в сарай на солому.

8. Знаменитую красавицу Лопухину и ее подругу (1743 год) били кнутом на площади в Петербурге и потом, по приказанию императрицы Елизаветы, «урезали» языки. И, когда Лопухина не давалась палачу, тот схватил ее за горло, потряс и, вытащив рукой язык, отрезал его щипцами. Эта Лопухина уже старухой вернулась из ссылки. И всех при дворе удивляла своим мычанием. Так пишет госпожа история.

Может быть, впрочем, прекратить эти неприятные речи?

Нет, просьба потерпеть еще немного. Но все-таки извольте прочесть еще небольшой отрывок. Иначе не поймете — чего такое — неудача.

Наиболее распространенная пытка в России была такого рода. У обвиняемого позади связывали руки в опущенном состоянии и привязывали веревку к ним. И эту веревку перекидывали через блок, укрепленный на потолке. Потом этой веревкой тянули руки вверх. Причем по мере подтягивания руки выворачивались из плеч. При этом чаще всего обвиняемого подпаливали на медленном огне или били кнутом.

9. Весьма часто вплоть до середины XVIII века обвиняемых закапывали в землю, оставляя над землей только голову. Это была весьма мучительная смерть, которая наступала на четвертый, а то и на пятый день. Иногда вешали за ноги или за ребро. А также вплоть до XIX века четвертовали.

Один шведский офицер, присутствовавший при казни четвертованием изменника Паткуля (при Карле XII), застрелил этого преступника. Он не мог выдержать картины этой казни. Сначала Паткулю отрубили одну руку и одну ногу, потом другую руку. Но он еще был жив и взглянул на офицера такими глазами, что тот выхватил пистолет и пристрелил его. За это Карл XII велел немедленно расстрелять офицера, что и было исполнено.

Но еще более свирепая казнь — колесование, при которой приговоренному раздробляли все кости и ноги соединяли с головой. Эта казнь возникла в Риме и продолжалась по всей Европе вплоть до XIX века.

Может быть прекратить эти речи? Может быть переключиться прямо на исторические анекдотики?

10. Может быть, впрочем, господа, у вас неважные нервы, и вы не выдерживаете подобной моральной встряски? Может быть вы страдаете мигренями или одержимы туберкулезом легких?

В таком случае мы прекращаем описание подобных дел. Надеемся, что у вас уже создалось некоторое представление о том, о сем.

Прямо, оказывается, очень было избранное общество.

С одной стороны, это были даже тонкие люди, ценители красоты, господа положения, у которых почему-то расцвело искусство и особенно живопись. А с другой стороны, вот оно что. Как-то это странно. Не укладывается в голове.

Отчасти даже можно понять французского поэта Мюссе, который, вероятно подумавши обо всех делах, воскликнул:

Проклята семья и общество,
Горе дому, горе городу,
И проклятье матери-отчизне.

Да, эти чертовские слова можно было произнести под бременем тяжких неудач и не видя, главное, никаких перемен в дальнейшем.

11. Итак, прекращаем описание этих свирепых дел. И переходим к более мягким историческим моментам. И к более легким пейзажикам и сценкам.

Но все же остается, так сказать, некоторый неприятный осадок. Какая-то горечь.

Поэт так сказал, усиливши эти чувства своим поэтическим гением:

Но все же навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать и больно жить.

Насчет боли — это он, конечно, поэтически усилил, но какой-то противный привкус остается. Будто, извините, на скотобойне побывали, а не в избранном обществе, среди царей и сановников.

Вот, кстати, славный урок получают всякого сорта барышни, которые при наивности своего мировоззрения согласны воскликнуть: дескать, ах, они охотнее бы находились в каком-нибудь там поэтическом XVI столетии, чем в наше прозаическое время.

Вот вам, я извиняюсь, и поэзия, — глядите, за ребро повесят. Дуры.

12. Правда, глупость какая. Стремление к поэтическим идеалам. Вот там покажут Кузькину мать.

Хотя это, с одной стороны, сама поэзия слегка туману напустила.

Розы и грезы, а насчет того, что за ноги вешают, — об этом поэзия барышням ничего не подносила.

В общем, извиняемся, что доставили вам сразу столько моральных затруднений. Но поскольку неудачи, так ясно, что приходится затрагивать то и се.

Итак, переходим к нормальным историческим новеллам о неудачах. В которых надеемся, что ничего такого вроде этого уже не будет. Но, конечно, гарантии не даем.

В общем, друзья, история знает огромное количество событий, связанных с неудачами. Но среди них одно небольшое событие прямо нас умиляет своей нетронутой простотой. И хотя это было давно, но случай этот и в наши дни приобретает некоторую, что ли, остроту. Он у нас может легко пойти под лозунгом — борьба с религиозным дурманом или что-нибудь вроде этого.

13. В общем, это было в древнейшие времена, когда процветали какие-то доряне. И они воевали тогда с афинянами. Но доряне в общем — тоже греки. И афиняне — греки. Уж об афинянах-то и говорить, конечно, нечего. Они, тем более, конечно, греки. Это уж всем известно. Афины. И так далее. Тем не менее, они между собой, эти греки, усиленно воевали. В древние времена бывала подобная неразбериха. Только факт, что у них была продолжительная война. Спарта и эти. Вообще передрались. Чорт знает что такое.

А в Афинах был царь, носивший, наверное, чисто греческое имя Кодр.

И вот сидит однажды этот Кодр на позициях в своей военной палатке и размышляет, как бы ему там получше завоевать, что ли, этих самых дураков, дорян. И вдруг ему докладывают, что знаменитый спартанский оракул недавно сделал среди своих дорян интересное предсказание. Он сказал, что доряне непременно одержат победу. И только они в том случае проиграют войну, если они

убьют афинского царя Кодра. Тогда, дескать, ожидайте поражения.

14. Кодр, услышав эти слова, прямо задрожал в своей палатке. И, безмерно любя свою Грецию, решил пожертвовать своей особой. Во имя, так сказать, своей героической родины.

И вот ночью он переоделся в другое платье, перешел в лагерь дорян и там затеял с одним солдатом ссору, в результате чего этого нашего героя и убили.

Скорей всего, с улыбкой на устах принял он эту кончину, — дескать, перехитрил вас, все-таки вы меня, доряне, убили. Теперь сдавайтесь согласно предписанию оракула.

Самое смешное в этой истории то, что дворяне, убив Кодра, вдобавок еще одержали победу над его войсками и вскоре выиграли всю войну.

Так что лавры оракула сильно после того подмокли. И, главное, через него невинно пострадал наш доблестный царь Кодр, излишняя доверчивость которого и отчасти глупость завела его в такой тупик. В общем, подобная крупная неудача поистине бывает только раз в жизни.

Вот что значит доверять мошенникам и хиромантам.

Так дурак и помер. И даже, кажется, династия на нем прекратилась. Ну, что это такое! Вот психопат.

15. Интересный случай неудачи испытал на себе также знаменитый и прославленный римский папа Борджиа Александр VI (умер в 1503 году).

Не будем его здесь описывать. Всем известна его отрицательная личность. Отметим только, что подобные оригиналы и мошенники не раз бывали на папском престоле. Но этот был особенный. Он, прямо, как с цепи сорвался.

Главное, что всех нас в этом папе поражает, — это его любовь к убийствам. И он, вообще, ни перед чем не останавливался в достижении намеченных идеалов.

Это был, вообще говоря, довольно сильная личность.

И он итальянскому народу очень много крови испортил своим бурным поведением.

У него вдобавок был еще сын Цезарь. Тот совсем был мошенник и вор. Так что они оба два — папа с сыном на пару, так сказать, лихо поработали там у себя, в Риме.

Вот, вообще, даже не понять. Эпоха Возрождения. Рафаэль все-таки. Микель Анджело. Леонардо да Винчи работал, между прочим, у этого папы. И наряду с этим — такой исключительный папа. Как-то это даже странно с нашей точки зрения. А тогда, наверно, этому не так уж удивлялись.

16. Да, так вот, в католической церкви происходили тогда некоторые волнения. Папа хотел объединить всю Италию под своей божественной властью. А другие стеснялись и не хотели этого. Вот Александр VI и горячился.

И он, главное, хотел устранить двух кардиналов, которые ему мешали. Он подсылал убийц, но из этого ничего пока не выходило. Тогда он пригласил их однажды к себе на именины. И тем отказать уже было неловко. Все-таки — папа.

И они, конечно, приехали.

А папа только этого момента и ждал. Он их решил отравить за ужином. И он в вино подсыпал какой-то сильный египетский яд.

И, чтобы у гостей не было сомнения, это вино в четырех одинаковых золотых бокалах принес на подносе кто-то там из лакеев. Какой-нибудь там мажордом. Торжественно, может быть, внес этот поднос в столовую. И папа любезно сказал: «Вот, дескать, друзья, нас тут — раз, два, три, четыре — вы оба и мы с сыном. Давайте же поздравим друг друга с именинами и выкушаем этот искрометный напиток. Ура!»

17. Или он чего-нибудь вроде этого сказал. И подмигнул лакею, — дескать, обноси, дурак, и станови перед каждым по их бокалу.

А надо сказать, что два бокала с отравой были чуть-

чуть побольше в вышину. А которые два поменьше — те содержали в себе чистое вино.

А лакей, дурак, запарившись, перепутал и сунул кардиналам более маленькие кубки. А более возвышенные бокалы, конечно, схватили для себя папа с сыном.

Но папа-то еще понятно. Папа только отдал распоряжение и не знал, куда они всыпали отраву. Он на своих надеялся. Но насчет сына Цезаря — это прямо изумительно. Он сам засыпал яд и вдруг в последнюю минуту позабыл приметы. И потащил к губам отравленный напиток.

И папа, глядя на него, тоже за ним потянулся. И кардиналы с ними чокнулись.

В общем, факт, что они все четверо выкушали это вино. И вдруг у папы с сыном моментально глаза на лоб полезли. Сын говорит: «Папа, знаешь, кажется, мы ошиблись».

18. Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, папа с сыном?» Но те произносить слова не могут. И падают. И сын падает. И папа к чорту под стол сползает.

Драма, конечно, скандал. Крики. И сразу все разъяснилось. Кардиналы задрожали задним числом. Стали на потолок зыркать и креститься о чудесном спасении. После чего подбежали к папе, но тот уже тихо лежит кверху брюхом и дышать не может.

А его сын, этот бешеный Цезарь, даром, что он тоже свое вино вылакал, все-таки, благодаря, может быть, своей молодости и нахальству, вскочил на ноги и пулей бросился куда-то там такое. Он моментально отыскал противоядие, принял его. Его хорошенько вырвало, прослабило, и он остался жив всем на удивление. После чего его хотели отдать под суд, но он сбежал за границу. И жил там исключительно хорошо, покуда вскоре не умер. Его там, кажется, наконец, убили. Так что он достиг все-таки своей настоящей планеты.

А папа так и умер на месте. Вот это была неудача. Дурак какой.

19. Но это, конечно, скорей личная неперка, чем неудача. А то бывают неудачи крупного значения. Какие-нибудь язвы общества и так далее. Или там проявление угодливости, низкопоклонства и что-нибудь вроде этого. Конечно, это тоже неудачи. Но уже в области характеров. Это уже общественные неудачи. То есть, это уже не пустяки вроде вышеуказанной ошибки — бокалы перецутали.

Вот, например, представьте себе такую сцену из римской жизни.

Римский император Тиберий. Сначала он был ничего. То есть в своей молодости он был даже приятный человек. Во всяком случае не был подлец. Но под конец он испортился. У него голова от власти закружилась. И он наделал чертовские дела по своей жестокости. Его в Риме очень не любили. Но он на это плевал. Он сказал такую историческую фразу: «Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись».

Но, тем не менее, в своей молодости, он был ничего себе человек. Он даже, как отмечает история, горел лучшими намерениями. Особенно когда он был еще консулом. У него тогда были разные планы. И он любовно относился к людям. Как-то гуманно.

20. И, будучи в хорошем, чувствительном настроении, он однажды сказал за обедом:

— Вот, дескать, господа, мы пользуемся всем на свете и отличаемся хорошим здоровьем. А многие несчастные, может быть, тем временем хворают и умирают. Как это нехорошо. Я бы, — говорит, — хотел им посочувствовать. На-днях, — говорит, — я непременно объеду все больницы и поговорю с больными — кто в чем нуждается. Я, — говорит, — хочу прикоснуться к страданиям, чтобы хоть немножко облагородиться.

Тут окружающие, наверно, заплодировали. Дескать, какое сердце, какие поступки, — человек ездит по больницам и наблюдает разные там язвы и лишай, будучи консулом.

Тиберий говорит:

— Ну, что вы. Отчего же. Я даже завтра могу поехать. И вот он, распаленный в своих лучших чувствах, действительно решил завтра же объехать все больницы.

Однако окружающее начальство, желая угодить Тиберию и желая доставить ему поменьше затруднений при подобном осмотре больницы, решило упростить это дело. И был отдан приказ — собрать всех больных в городском саду и разложить их там по роду их болезней.

Что, по словам римского историка Светония, и было на другой день исполнено.

21. Можно представить, какое волнение поднялось в больницах, когда пришло подобное распоряжение.

Многие заведующие больниц бросились, конечно, куда-нибудь там в ихнее управление. Начали доказывать Горячиться. Дескать, что это не представляется возможным. И где же транспорт взять и так далее. И тем более многие больные у нас довольно плохо себя чувствуют, — они хворают. А кое-кто плохо даже передвигается. Которые ослабшие или с тифом. Как же так, господа, взять их и всех, что ли, свалить в саду? Или что? Объясните распоряжение. Конечно, если вы настаиваете. Мы не возражаем. Тем более, если это приказ, то мы понимаем, что его надо исполнить.

В общем, медицинские работники, вздыхая и шипя, и перекидываясь обывательскими фразами, бросились назал по своим больницам и стали там готовить больных к передвижению.

И, значит, вскоре, под барабанный бой, двинули их к городскому саду. Где и стали всех располагать там по группам. Или, как Светоний говорит, — по роду заболеваний.

То есть, наверно, чахоточных посадили с чахоточными. Полагриков к полагрикам. А ревматиков живописной группой расположили под деревом. А хворающим воспалением легких велели лечь около бассейна, чтобы они могли освежаться и утолять жажду. И так далее.

Засим все стали ожидать. Заиграла музыка. Подагрики и роженицы подтянулись и выглядели молодцами.

И, наконец, раздались голоса: «Несут». И Тиберий, окруженный друзьями, сияющий и молодой, предстал перед трепещущей медициной.

22. К чести его надо сказать, что эта живая картина в городском саду ему не понравилась.

То есть, сначала он от изумления двух слов не мог произнести.

Один из начальников говорит:

— Собрали их всех в саду-с. Чтоб, так сказать, вам не трепаться по разным учреждениям.

Тиберий говорит:

— Да, но как же так, господа? Собрать их всех в одну кучу... Как-то странно.

— Отчего же странно? Собрали-с в одну кучу, чтоб, так сказать, вы могли бы сразу лицезреть, что к чему.

Тиберий говорит:

— Да, но, может быть, они не хотят этого... Может быть, они больные. Вон как они у вас болезненно смотрят.

— Отчего же не хотят? Они очень хотят. Только они перед вами стесняются. Вот они и смотрят слегка болезненно. А так-то до вас они у меня тут диски кидали. И хоть бы что.

23. Тиберий говорит:

— Да нет, я ничего не говорю, только почему они такие бледные. Что они больные у вас, что ли?

— Хворают-с. Вот они и побелели. А так-то они ничего еще. Крепыши.

Тиберий говорит:

— А врачи-то что же говорят?

— А врачи прямо на седьмом небе от удовольствия. Они говорят: сколько лет ждали, чтобы это, наконец, было, и вот это случилось. Они выражают вам благодарность за это решение. Они говорят, что только после этого они почувствовали настоящее внимание к медицине. А то

прямо находились все равно, как сироты. Тосковали. И вдруг теперь могут отыграться. А в крайнем случае можно, конечно, отдать распоряжение, чтобы они обратно возвращались. Если вы уж насмотрелись на картины человеческого страдания.

Тиберий говорит:

— Пойду, что ли, извинюсь перед больными.

И, подойдя к больным, стал перед ними извиняться за излишество и за бездушный бюрократический перегиб, допущенный со стороны начальства.

И, по словам историка Светония, «он даже извинился перед людьми самыми маленькими и неизвестными».

В общем, снова загрела музыка. Больные подтянулись. И наш Тиберий, покачивая головой и вздыхая, вышел из сада в сопровождении восхищенных друзей.

Сия история говорит о том, как иной раз возникают неудачи, с которыми во все времена следует горячо бороться путем сатиры и просвещения.

24. Но это что. Вот был еще более крупный случай неудачи. В 1740 году в Европе стало известно, что некий великий герцог тосканский Франц Стефан продает дивный брильянт.

Дело в том, что этот герцог вел войну с Испанией. И вот он сильно поиздержался. И теперь ему дозарезу нужны были деньги.

И вот он стал продавать свой лучший брильянт.

А брильянт этот действительно был исключительной дивной красоты. И он был очень громадный. В нем было сто тридцать четыре карата.

То есть, ювелиры говорят, что это что-то особенное. Они говорят, что только три или четыре алмаза есть крупнее этого. Один какой-то фантастический алмаз в триста шестьдесят карат у султана на Борнео. Затем в двести семьдесят. Такой какой-то под названием «Великий Могол». Затем французский алмаз в сто тридцать шесть карат. И, наконец, наша стекляшка в сто тридцать четыре карата.

Так что можете себе представить, что это был за камешек.

И вот он вдруг продается.

25. Конечно, началось волнение среди царских особ. Каждому царю не безынтересно такой алмаз в свою корону поставить. А герцог торгуется. Ему дают полмиллиона, но это ему мало.

А на этот алмаз очень исключительно разгорелась наша русская императрица Анна Ивановна со своим Бироном. У ней там был брильянтик в ее короне, но небольшой, в пятьдесят три карата, а ей непременно хотелось этот вдеть. Ей казалось, что это ей пойдет. К ее внешности. А сама-то она, как говорят современники, была солидная, расплывчатая дама с рябоватым лицом и с красноватыми глазами. И мы так думаем, что это навряд ли ей могло пойти.

Но поскольку она русская императрица, то она была неограниченна в своих дурацких фантазиях. И вот она стала покупать этот камень.

Ах, да, в русской короне был еще один громадный брильянт в сто девяносто три карата. Но он был куплен уже в дальнейшем, при Екатерине II. А наша дама проживала как раз до этого факта. Так что она, естественно, расстраивалась, что не захватила эту будущую эпоху с более крупным камнем.

А герцог, видя, что она так расположена покупать, не будь дурак, спросил с нее миллион.

26. Еще полмиллиона она могла наскрести, но всей суммы у нее не было. Тогда она ему сказала следующую историческую фразу:

«Я вам даю, герцог, полмиллиона и вдобавок еще пятьдесят тысяч русского войска, чтобы вы могли продолжать войну с Испанией».

У герцога задрожали коленки от волнения, и он уже хотел соглашаться, но тут вмешалась Австрия и дала

герцогу два миллиона в долг, только чтобы он не путался с русскими.

И герцог сказал нашей даме: «Алмаз я больше не продаю. Он у меня остается в короне. С тем и съешьте».

Так она алмаза и не купила. Наверно, ревела. Корова.

Но тут, конечно, неудача не в том, что у ней покупка не состоялась. А в том, что пятьдесят тысяч русских мужиков могли бы пойти драться с Испанией. Пятьдесят тысяч здоровых русских парней могли бы лечь на полях за один дамский каприз рябой бабы.

Какая неудача, что этим делом так легко можно было распоряжаться. Впрочем, такие неудачи все время случались в нашей славной истории.

Нет, какая скотина. «Пятьдесят тысяч мужиков, — говорит, — господин герцог, я вам даю». Надо, братцы, хорошенько понять эту фразу. И потом уже говорить о политике.

27. Из больших неудач можно также сосчитать — в свое время неудачное отношение к поэзии.

При той же Анне Ивановне жил в России такой небыизвестный поэт Тредьяковский.

Как поэт он ничего особенного из себя не представлял. Но все-таки стишки там кое-как кропал.

Что-то такое:

Стрекоху кузницу в зеленом блате сушу,
Ядовиту черведу по знаку ползушу.

Как-то у него так оригинально выходило. И для своего времени он считался ничего себе. Одним из крупнейших поэтов. Вроде, что ли, Уткина.

Но человек он, тем не менее, был не особенно приятный. Вернее, он был большой интриган и льстец. На что его толкала, наверно, мрачная эпоха. А человек он был довольно ученый. И не без образования. В общем, симпатии наши на его стороне.

Но это между прочим. В общем, живет себе поэт. Пишет стихи. Вдруг его вызывают к министру.

28. Министр Волынский ему говорит:

— Вот что, друг, тут у нас по распоряжению императрицы будет происходить шутовская свадьба. Мы женим нашего придворного шута Голицына с одной карлицей. Так вот, нам надо, чтоб ты написал стишки по поводу этого забавного бракосочетания. И поскольку ты поэт, то мы ожидаем от тебя расцвета творчества на этот счет.

Тредьяковский, конечно, стал отнекиваться, но министр ему сказал:

— Тогда я попросту велю тебе написать, и кончен бал. Не надо с министром спорить.

Поэт говорит:

— Свое поэтическое дарование я не намерен разбазаривать на такие дела. Подыщите себе другого поэта.

Историки говорят, что министр задрожал от гнева и стал по щекам бить поэта. Как тогда говорилось: «Из собственных ручек набил морду». Потом, побивши, велел посадить его под арест, и злосчастного поэта взяли под микитки и увели в караульную. А министр ему на прощанье сказал:

— До тех пор тебя, негодяя, не выпущу наружу, пока ты мне не сочинишь каких-нибудь хорошеньких стишков.

29. На другой день поэт все-таки, сидя в караульне, сочинил стихи. И эти стихи вошли, так сказать, в железный фонд русской поэзии. Они стали историческими стихами.

Вот они:

Здравствуйте, женившись, дурак и дура.

Теперь-то прямое время вам повеселиться.

Теперь-то вслески, поезжане, должно беситься.

И так далее. Собственно говоря, по справедливости, надо было бы после написания этого стихотворения наколотить морду поэту. Но министр поторопился. И он до написания потрудился. И тем самым, так сказать, поступил отчасти педагогически.

Из чего мы можем заключить, что время для расцвета поэзии было не совсем такое, что ли, удачное.

Между прочим, этот министр, побивши поэта, также потерпел неудачу.

Он чем-то не угодил Бирону и сложил свою пылкую голову на плахе. Его пытали. Отсекли правую руку, а потом голову.

Вот какие бывали неудачи как в поэзии, так и в прозе.

Теперь, как говорится, в заключение нашего концерта из новелл — послушайте вальс Штрауса: «Жизнь художника».

Ах, это очень трогательная история!

30. Эта сентиментальная новелла будет о В. П. Боткине, который проживал в России в середине XIX века.

Он был, между прочим, друг Белинского и Некрасова. И сам он занимался литературой — критиковал, писал стихи и еще что-то такое.

Человек, говорят, был тончайшей души. Он был эстет. Он восхищался перед красотой. Любил музыку. Декламировал стихи. Увлекался хорошенькими дамами. И так далее. Он писал: «Главная задача писателя — развивать в читателе эстетические вкусы».

Поэтесса Авдотья Панаева, то есть она не поэтесса, а подруга поэта Некрасова, так о нем выразилась в своих записках:

«Он был тонкий ценитель всех изящных искусств». Вот каков был наш герой.

31. Такие эстеты, между прочим, нередко бывали среди обеспеченных русских интеллигентов и помещиков.

А наш Боткин хотя и не был помещиком, но имел в банке капитал. Он жил себе на проценты. Его папа держал чайную фирму. И оставил нашему Василию Петровичу сто пятьдесят тысяч золотом. Худо ли!

Так что у него денег было много. Но он капитала не трогал и даже процентов не проживал. Он скупился. Он копил деньги. Сам не зная, для чего. И жил больше, чем скромно.

Панаева говорит, что он был до крайности расчетлив. Он, например, считал, сколько конфет осталось в коробке. И если хоть одна пропала, он устраивал крики и скандалы своим лакеям.

В Париже он, полив кофе, имел привычку прятать в карман оставшийся сахар.

А когда раз в Париже он, под пьяную лавочку, дал кокетке сто франков, так он неделю не мог успокоиться.

Но, тем не менее, он был эстет и любил красоту, в чем бы она ни выражалась.

32. И вот ударило нашему эстету пятьдесят четыре года. И он стал хворать.

У него открылись боли в правом боку. И кроме того у него ослабла нервная система от постоянного восхищения перед красотой.

Короче говоря, он ослаб и стал прихварывать.

И он в первый раз тогда подумал, что все люди смертны. А то он думал, что это все время так и будет. Красота и так далее. И вдруг — нет.

Он подумал: «Живу пятьдесят четыре года. Начинается старость и все такое. А как я жил? Я оставил громадный капитал. И жил, как скотина. Скупился и урезывал».

И, так подумавши, он стал лихорадочно растрачивать деньги.

Он нанял дивную квартиру в девять комнат. И стал обставлять ее с неслыханной роскошью.

Но когда он въехал в эту квартиру, — он еще больше захворал. И даже не мог устраивать балов, ради чего он, собственно, и переехал в эти апартаменты.

33. Тогда он стал доставлять себе удовольствие в питании. Он стал обжорой. Он нанял лучшего повара. И заказывал какие-то потрясающие блюда. Но вдруг желудок его перестал работать. И он мог только высасывать сок из бифштекса.

Тогда он стал скупать картины лучших мастеров. Но

тут ударило самое большое горе, — и он вдруг ослеп. И не мог больше любоваться шедеврами, которыми он увешал свои стены.

Тогда он нанял француженку, чтобы та читала ему романы. И сидел в креслах вялый и слабый, еле слушая, чего ему читали.

И, когда однажды к нему зашел Панаев, он с отчаянием ему сказал:

— Знаешь, Иван Иванович, ведь я даже еще не прожил процентов. Вот что меня побивает.

Вскоре он умер. И никто о нем не вспомнил. И только Панаева о нем написала: «Он был скуп, мелочен и трус».

Вот вся память, которая осталась от ценителя искусства.

Какая неудача!

34. Кстати, если вы заметили, мы неожиданно перебрались с вами поближе к жизни писателей и поэтов.

Это, конечно, понятно. Мы это знаем. И нам это доступно пониманию.

Так что так и будем продолжать. В том же духе. Как через каплю воды можно сообразить кое-что о воде, так и через эту группу мы можем увидеть, как вообще бывало.

Но, конечно, новелл вам больше рассказывать не будем, а снова, по примеру прошлого отдела, устроим «Смесь». Из жизни писателей и поэтов. А вы уж, благодетели, обдумывайте сами эту смесь. Приучайтесь к самостоятельному мышлению. Вот эти мелочишки:

● Гаршин, уже будучи известным писателем, принужден был взять место приказчика в Гостином дворе, в писчебумажном магазине.

● Знаменитый философ Спиноза жил тем, что полировал стекла для оптических инструментов. Умер от чихотки в 1677 году.

● 16 апреля 1852 года Тургенев был посажен на Съезжую за статью о Гоголе.

35. ● Надеждин писал об «Евгении Онегине» Пушкина в 1830 году: «Ветреная и легкомысленная пародия на жизнь. Мыльные пузырьки, пускаемые затейливым воображением. Талант его слабеет».

● Булгарин о Пушкине: «Ни одной мысли, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершилось падение».

● Вольтер высмеял герцога Рогана с его высокомерием. Герцог велел своим лакеям прибить Вольтера. Что и было исполнено. Вольтер вызвал герцога на дуэль. Но тот отказал, так как Вольтер не был дворянином.

● Знаменитый историк Полибий был продан в рабство и увезен из своего отечества. Погиб от нужды и лишений.

● Автор «Робинзона Крузо» Дефо за сатирическую статью был (1703 год) приговорен к тюремному заключению. Сутки он провел привязанный к позорному столбу на площади. Проходящие обязаны были в него плевать. Дефо было тогда сорок два года.

● Автор «Дон Кихота» Сервантес попал в плен к морским разбойникам. Был продан в невольники в Алжир. Там ему отрубили левую руку. Выкупили родственники. Последние годы жизни был сборщиком податей. Ходил по деревням. Умер в нищете в 1616 году.

36. Передохнем немного. А то сразу как-то слишком много неудач.

Нам исключительно жалко Сервантеса. И Дефо тоже бедняга. Воображаем его бешенство, когда в него плевали. Ой, я бы не знаю, что сделал!

А каково Вольтеру? Тоже можно представить, какой злобой он пылал к этому негодю герцогу.

А Булгарин — подлец. Свиная душа. Как это, правда, часто бывает, что такие ошибки совершались в оценках. Вот где тоже кроются ужасные ошибки и неудачи. Например, взгляните, что писали о Гоголе его современники.

● Сенковский писал: «Я обожаю чистоту — ваши зловонные картины поселяют во мне отвращение...»

● Н. А. Полевой о «Мертвых душах»: «Начнем с содержания — какая бедность».

● «Северная Пчела» о Гоголе: «От Гоголя много ждали. Но он разрешился ничтожными «Мертвыми душами».

● Из критических статей: «Гоголь не хочет возвыситься хоть настолько, чтобы не уступить Поль де Коку».

37. ● Писатель Дружинин писал о себе: «Я всегда буду в первых рядах литературы».

● Кукольник сказал: «Кукольника оценит потомство».

● Пушкина называли «поэтом легкого жанра», а Баратынского — «поэтом мысли».

● Дрянного и сейчас неизвестного поэта Тимофеева критика назвала: «Русским Байроном, который может соперничать только с Гёте».

● Величайший украинский поэт Шевченко был арестован и отдан в солдаты. Был выслан в Омск.

● Достоевский был приговорен к смертной казни. Пять минут стоял с завязанными глазами, ожидая повешения. Эта казнь была заменена каторгой.

● Поэт Леонид Семенов (друг Блока) за революционную деятельность был избит до полусмерти городовыми в полиции.

● О смерти поэта Лермонтова, сосланного на Кавказ, Николай I сказал: «Собаке — собачья смерть».

Не беспокоит? Тогда пойдёмте дальше.

38. ● Знаменитый греческий философ Диоген уже в преклонном возрасте был продан в рабство на остров Крит.

● Не менее знаменитый баснописец Эзоп был до того беден, что сам себя продал в рабство, чтобы расплатиться с долгами. Ему тогда было тридцать лет. Он был маленький и горбатый.

● Знаменитый итальянский философ Джордано Бруно был сожжен на костре за «еретическую философию».

● Несколько сот афинских матросов и торговцев раз-

бирали дело Сократа. Они приговорили его к смерти за его неправильные философские воззрения.

● Философ Платон был продан в рабство на остров Эгин. Нашелся почитатель, который выкупил Платона за тридцать мин. Платону было тогда сорок пять лет.

● Испанский поэт Серран до Кресто за сатирические и вольные стихи просидел в тюрьме десять лет. Священный трибунал заставил его присутствовать при казни сына, которого удушили и сожгли на костре.

● Испанский драматург Антонио Сильва был сожжен на костре 19 октября 1739 года. В тот же день в театре шла его пьеса «Гибель Фаэтона».

● Знаменитый писатель Чернышевский после двух лет сиденья в тюрьме был приговорен к четырнадцати годам каторги на рудниках.

39. ● Русский писатель Полежаев за одно стихотворение был сослан в солдаты. За самовольную отлучку просидел год в тюрьме, закованный в кандалы. Приговорен был к прогнанию сквозь строй. Умер тридцати трех лет.

● Русский писатель Радищев был приговорен к смертной казни. Казнь была заменена вечной ссылкой.

● Л. Н. Толстой был предан анафеме. Раз в год во всех церквах торжественно провозглашалась анафема трем лицам — Мазепе, Гришке Отрепьеву и нашему великому писателю.

● Писатель Ник. Успенский, находясь в крайней бедности, давал цирковые представления в трактирах. Зарезался бритвой.

● Писатель Марлинский (Бестужев) был приговорен по делу декабристов к смертной казни. Казнь заменена ссылкой на двадцать лет. Погиб в стычке с горцами, — был изрублен шашками.

● Мраморная церковь в Петербурге, начатая при Екатерине II, достраивалась при Павле кирпичом. Поэт Акимов написал такие стихи:

Се памятник двух царей,
Обоим столь приличный:

На мраморном низу
Воздвигнут верх кирпичный.

За это четверостишие поэту отрезали уши и язык и сослали в Сибирь.

40. ● Руссо за книгу «Эмиль» был приговорен к тюремному заключению. Бежал в Англию.

● Бомарше после представления своей пьесы «Свадьба Фигаро» был арестован и посажен в тюрьму. Людовик XVI, играя в карты, написал приказ об аресте на семерке пик.

● Книга Вольтера «Философские письма» была сожжена рукой палача. Сам Вольтер бежал за границу.

● Итальянский философ Кампанелла пишет: «В последний раз моя пытка продолжалась сорок часов. Туго перевязанный веревками, разбившими мне кости, подвешенный над острым колом, я потерял двадцать фунтов крови и чудом остался жив».

В своем учении он проповедывал общность имущества.

● Знаменитый Посошков, написавший (При Петре I) свое «Рассуждение о богатстве», был посажен в тюрьму, и там его держали до смерти.

● Итальянского поэта Торквато Тассо без всякой вины герцог д'Эсте продержал семь лет в тюрьме.

41. ● После побед римлян многие греческие философы были привезены в Рим, где и продавались в рабство. Римские матроны покупали их в качестве воспитателей к своим сыновьям. Чтобы продаваемые не разбежались, торговцы держали их в ямах. Откуда покупатели их и извлекали.

● Замечательный писатель протопоп Аввакум писал (в 1678 году): «Меня взяли со стрельцами и на чепь посадили ночью. И на чепи кинули в темную палатку, и сидел три дня, не ел, не пил... Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно».

Его как еретика сожгли вместе с его единомышленниками.

● Знаменитый русский народный поэт Кольцов, умирающий, лежал в ужасных условиях, в проходной комнате, забытый всеми. Причем в квартире происходила чья-то свадьба. Поэт писал в 1842 году: «Все начали ходить и бегать через мою комнату. Полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки благовонные курят каждый день. . . У меня образовалось воспаление в правом боку. Потом — в левом. А в ту пору вечеринка. . . Прошу не курить, — курят больше. Прошу не благовонить, — больше. . .»

Поэт умер, когда ему было тридцать три года.

42. Хотели помолчать, но скажем пару слов. Последний факт уж очень характерный. Умирает прекрасный поэт. И такая сволочь кругом. И такая нищета. А в это же время какой-нибудь пустой дурак, продувная бестия, содержатель ларька или чайной, понятия не знал, что такое беда. Вот что может огорчить. Вот в чем одна из главных неудач у них, у капиталистов и трактирщиков.

А философы! Только представьте себе картину. Яркое солнце. Пыль. Базар. Крики. Яма, в которой сидят философы. Некоторые вздыхают. Некоторые просятся наверх. Один говорит:

— Они в прошлый раз скоро выпустили, а нынче что-то долго держат.

Другой говорит:

— Да перестаньте вы, Сократ Палыч, вздыхать. Какой же вы после этого стойк? Я на вас прямо удивляюсь.

Торговец с палкой около края ямы говорит:

— А ну, куда вылезашь, подлюга. Вот я тебе сейчас трахану по переносью. Философ. . . Ученая морда. . .

Чорт возьми! Какие, однако, бешеные неудачи выпали на долю мыслящей братии. Может, это случилось за то, чтоб поменьше думали, что ли. Наверно, так и есть. Прямо это как-то озадачивает.

43. Давайте совсем краешком глаза взглянем тогда на не писателей. Может быть, слегка отдохнем от неудач. Может, те немного интересней жили. Но вряд ли. Уже видать, так сказать, трухлявую походку жизни.

● Голштинский ученый Олеарий, побывавший в Москве в 1621 году, пишет: «Тут без меры дерут и скоблят кожу с простого народа».

Светлейший князь Потемкин, приревновав капитана Щеглова к одной польской княгине, без суда сослал его в кандалах в Сибирь, где тот и пробыл пятьдесят два года.

● Секретарь саксонского посланника писал своему королю об Екатерине I: «Она вечно пьяна, вечно пошатавается, вечно в бессознательном состоянии».

● Официально инквизиция была отменена всего лишь сто лет назад — в 1835 году.

● Николай I при посещении (в 1842 году) первой гимназии грубо сказал директору, указывая на одного из учеников: «А это что там у вас за чухонская морда?» Директор что-то пробормотал, на что Николай I добавил: «Первая гимназия должна быть во всем первой. Чтоб таких физиономий у вас тут не было».

● Когда Сиракузы пали, римские воины бросились по домам грабить. Два солдата вбежали в комнату к великому математику Архимеду. Он чертил на полу фигуры. Это почему-то рассердило воинов, и они убили его, проткнув дротиком.

● Римский историк Светоний пишет о беззакониях Нерона: «Римлянин Пет Тразеа был осужден за его постоянное выражение лица недовольного педагога».

44. ● Великий астроном Галилей был арестован священным трибуналом. Его заставили отречься от его научной «ереси». Отречение состояло в том, что великий философ, стоя на коленях в одной рубашке, то есть в одежде кающегося грешника, прочел перед собранием народа речь, сочиненную инквизиторами от его лица.

● Ивашка Култыгин (XVII век), работник Яузской

мельницы, изобрел сани с парусом. За это его схватили и пытали — к чему он выдумал такие сани. Сани эти сожгли, а Култыгина побили батогами.

● Знаменитая помещица Дарья Салтыкова запорола до смерти свыше ста своих крепостных.

● Продажа людей в конце XVIII века происходила в Петербурге на площади против Владимирской церкви. Где сейчас Кузнечный рынок.

● Объявление в «С.-Петербургских Ведомостях» за 1800 год: «На Васильевском Острове по Больш. Просп. под № 76 доме продаются мужской партной, забавной зеленой попугай и пара пистолетов».

● Цена крепостных в 1810 году: за рабочую девку — сто пятьдесят рублей, за мужика — двести рублей, за изрядно пишущего — триста рублей.

● Помещик имел право сослать крепостного в каторжные работы. Помещица Козлянова сослала крепостного Сергеева на двадцать лет.

● По мнению историков, реформы Петра I уменьшили население России примерно на двадцать процентов.

15. ● В VII веке арабы, завоевав Египет, сожгли в Александрии замечательную, мирового значения, библиотеку. В течение нескольких месяцев этой библиотекой отапливалась городская баня. Военачальник, отдавший распоряжение сжечь эту библиотеку, сказал: «В Коране и без того все есть».

● Царский министр путей сообщения Кривошеин строил южную железную дорогу с таким расчетом, чтобы она прорезала его имение.

● Помещик Измайлов в 1810 году имел одиннадцать тысяч душ крепостных. Домашней челяди у него было восемьсот человек. Двенадцать девушек специально ходили за его законными и внебрачными детьми.

● Самоучка, инженер Торговатов, подал проект устройства туннеля под Невой. Александр I положил резолюцию: «Выдать ему двести рублей и обязать подпиской, чтоб он впредь проектами не занимался».

● Несколько крестьян подали Павлу I на своих господ челобитную с жалобой на жестокое обращение. Павел положил резолюцию: «Дать каждому из жалобщиков столько ударов, сколько пожелают их господа».

● После покушения Каракозова на Александра II портрет «спасителя» Комиссарова носили по улицам. И каждого, кто не снял шапку перед этим портретом, нещадно избивали. Газеты приторным и елейным тоном писали: «Единый от малых сих сподобился сделаться орудием бога живого».

46. ● По отчету Можайской канцелярии за 1807 год счетоводы получали жалованья три рубля в месяц, а некоторые чиновники от рубля до двух.

● Петербургский богач, владелец девяти домов, генерал Трофимов, в конце каждого года выселял среди зимы до десяти процентов своих жильцов. Часть квартирantsов изгонялась за неаккуратные платежи, часть — за политическую неустойчивость и за непочтительное отношение к домовладельцу. Трофимов говорил: «Я терплю убытки из принципа».

● Московский лабазник Сорокин сверх жалованья платил своим молодцам по десяти рублей, за что и вываривал себе позволение — бить своих служащих под горячую руку.

● На каждую тысячу жителей Рима приходилось сорок тысяч рабов.

● Кичащиеся своим происхождением графы Гендриковы вели свой род от ямщика и конюха Гендрикова. Скавронские — от сапожника Скавронского, родственника «солдатской женки» Екатерины I. Светлейший князь Меншиков был из денщиков. Несколько графских родов создала Екатерина II по линии своих любовников.

● По отчету тюремного ведомства за 1899 год в тюрьмах России находилось свыше ста десяти тысяч.

47. ● После 9 термидора в Париже были устроены «Танцевальные вечера жертв». На этих вечерах могли тан-

повать только те, у кого родственники погибли на гильотине. Причем дамы танцевали в черных платьях и на шею имели узкую красную ленточку.

Изменник Павзаний спрятался в храме, где по закону нельзя было никого убить. Тогда афиняне решили замуровать преступника в храме. Первый камень обязана была положить мать Павзания. Что она и сделала.

● Мать декабриста Ивашева просила Николая I разрешения — поехать в Сибирь повидаться с сыном. Николай I на прошение положил следующую резолюцию: «Ехать может с тем, чтобы не возвращаться в Россию».

● Сын придворного лакея, Мережковский, и его жена Гишпиус после революции бежали за границу, захватив с собой (по словам Ясинского) редчайшие документы по истории революции. Эти материалы предназначались для библиографического словаря, над которым Мережковский согласился работать.

● Последний ассирийский царь Сарданапал, живший в крайней роскоши, отдал распоряжение назначить огромную премию тому, кто выдумает новое наслаждение.

48. Из этого отметим следующее. Ассирийский царь остался при своих наслаждениях, и премии никто не получил. Повидимому, царь до всего дошел своим умом.

Что касается до количества рабов в Риме, то пропорция эта не так уж удивительна. При буржуазном строе на каждую тысячу торговцев, банкиров и влиятельных господ приходилось много больше «обслуживающего персонала» и лиц, коими можно почти всецело распоряжаться. Что хотя бы отчасти видно из поведения домовладельца Трофимова. А таких, извините, прохвостов у нас было куда ни плюнь.

А что у помещика Измайлова двенадцать нянь ухаживали за его детьми, то из этого ничего путного не получилось. Лихое его потомство, получив столь нежное и заботливое воспитание, скорей всего погибло в гражданскую войну во славу контрреволюции и за идеалы своего отца.

Вообще, прочитавши все эти мелочи, вам непременно может притти в голову фраза, которую в свое время иприво сказал Людовик XV: «Будь я на месте моих подданных, я стал бы бунтовать».

Ах, это было весьма не глупо сказано. И так оно, собственно, и случалось по временам.

С этой фразой, друзья, мы заканчиваем наше историческое повествование.

Вот что рассказывает история о неудачах.

49. Она рассказывает, что населению неслыханно неважно жилось. То есть до того неважно, что прямо приходится руками разводить и извиняться перед публикой за допущенные крайности. И знаете, — писатели-то как неважно жили. Мы думали, они там блаженствовали в свое время, а они — вон что. Философы бедняги тоже очень пострадали.

А рабы-то и всякие подчиненные. Ужас!

А насчет господ положения прямо приходится удивляться, как это у них не испортилось настроение от всех подобных картин. Другие бы давно физически и морально захворали от этих дел. Конечно, заболевания идут само собой среди мирового купечества. Многие у них ужас как ослабли и мечтают о конце культурной жизни. Им бы хотелось, как они говорят, вернуть далекие времена, когда народы шлялись в одних трусиках и охотились, может, на дикобразов. Об этих картинах они сильно вздыхают, танцуя и вышивая. А некоторые, наоборот, очень здоровы, и им ни хрена не делается.

Конечно, наша речь шла о прошлых веках и столетиях, и некоторые премьер-министры с высоты своей Европы нам могут, рассердившись, возразить: дескать, то было некультурное прошлое, а, дескать, в наши дни иные песни и другие картины, — просьба это не смешивать.

50. Но, тем не менее, мы все-таки отчасти это смешиваем, поскольку перед нашим взором примерно такая

славная картина, которая возникла перед нами, когда мы без трепета раскрыли учебник истории.

Нищие бродят. Сифилитики лежат. Война гремит. Чья-то мама плачет. Кому-то голову топором оттяпали. Богатый жрать не дает бедному, — зерно топят в море, чтоб цену не сбавлять. Невеста страдает. Жених без ноги является. Книги сожгли, непригодные фашистскому правительству («В Коране все есть»). Кого-то там пытали. Потом в тюрьму сунули. Резиновой дубинкой избили. Бедняк хнычет. Богатый чарльстон танцует и забавляется.

Нет, честно говоря, почти те же самые неудачи, господа премьер-министры.

Может быть, единственно научились шибче ездить по дорогам. И сами бреются. И радио понимать умеют. И стали летать под самые небеса. И вообще — техника.

А так в смысле отношения друг к другу все почти без особых перемен. И сердечно бы рады признать в этом что-нибудь особенное, но не выходит, господа, не сердитесь. Конечно, оно некоторое моральное улучшение есть — в смысле того, что, например, публичных казней не устраивают. Но, может быть, это идет за счет нервной слабости. Что-с?

А что некоторые там писатели виллы себе покупают на Средиземном море, то это отчасти и раньше было. И кто, например, не ссорился с римским папой, тот мог довольно прилично жить и с великими почестями имел возможность помереть.

А прекрасные слова насчет техники, — что она улучшит отношения между людьми, — не оправдались. И в этом приходится с горечью сознаться.

51. А что касается как у нас, то, конечно, у нас неудачи имеются. Все-таки прошло не так-то уж много лет после перестройки. И у нас, естественно, имеются самые разнообразные неудачи. Но у нас тем хорошо, что они уже исчезают. А некоторые неудачи у нас, например, уже давно исчезли. Например, хотя бы у нас лучше других

живет не тот, который, например, умеет лихо продавать нитки, и не тот, который может во-время купить картофель с тем, чтобы его потом с надбавкой перепродать, как все это бывает за границей, а тот, который умеет изумительно работать, имеет способности, играет на рояле, танцует или может петь. Или там, что ли, он хорошо декламирует, рисует и так далее. Или к науке он имеет талант, или, наконец, он хорошо летает, или беззаветно любит свою родину.

А через это со счетов жизни снята одна из самых опасных неудач. С чем мы всех и поздравляем.

А что касается некоторых других вопросов, то, конечно, еще случаются неудачи. И от этого у нас не отказываются. И с этим борются.

52. Мы, знаете, как-то лежали вечером в гамаке и думали о себе: какие, например, неудачи имеются, ну, вот, хотя бы в нашей личной жизни.

Стал думать. Сначала в голову лезла всякая мелкая чужь. Так что даже подумалось: уж не впал ли я, чего доброго, в мешанство.

Вот, подумал, завтра на работу надо слишком уж рано вставать. Неохота. Радио у соседей гремит до поздней ночи — не высыпаясь. Жена все время денег требует, — надо, говорит, долги платить. А это не так-то легко достается. Управдом стал что-то высказывать недовольствие насчет антисанитарии. То есть, говорит, грязно. Придирается. Не уважает меня как человеческую единицу. Но сам любит, чтоб его уважали и хвалили. Тогда еще ничего. Интересовался бы осенью поехать в Ялту, но неизвестно, что завтра будет. Родной сестре ударило сорок лет, — муж ее бросил, женился на молоденькой. Она горюет. И ее настроение нам передается. Приволокнулся за одной особой — муж хочет ее с квартирной площади погнать. Пришлось отказаться от чувства к ней.

Вот какие мысли нам являлись, когда мы, лежа в гамаке, стали подумывать о недочетах личной жизни.

Но эти недочеты, в сущности, невелики. Это сравнительно мелкие бытовые неудачи, и они с каждым могут случиться. В этом нет ничего особенного.

53. А если с кем-нибудь и бывает более крупная неудача, то, может быть, он и сам виноват. Или уж очень он глуп. А которые умны и на неудачу наскочили без вины, то, значит, попросту с ними было недоразумение. И оно рассеется. А если и не то и не другое, то, значит, о чем же и толковать.

Из неудач: родственники тоже вот как-то в последнее время взбесились. Некоторые не так высказывают свои чувства, как это происходило в прежние времена. Родственники стали более прохладно относиться к факту, например, вашей кончины или заболевания. Раньше, ожидая подачки, вздыхали, окружали родственным кольцом заболевшего. А нынче, когда заболевшие вылезли из собственных экипажей и поперли пехтурой и поехали в трамвае, и у всех на морде появилась надпись: «Оставь надежду навсегда», — это любезное внимание прекратилось. Слабых и одиноких это может утратить и повергнуть в пучину меланхолии, но сильные могут воскликнуть: это к лучшему.

Конечно, оно еще с непривычки как-то странно беседовать с такими родственниками. Но можно попривыкнуть. И даже оно гораздо лучше. По крайней мере видишь, с кем имеешь дело. И видишь, кому и как надлежит исправлять свои характеры, пошатнувшиеся от времени и объективных причин.

54. Пришло, в общем, время терять фальшивые иллюзии. Пора расстаться с этим, чтоб взглянуть в лицо настоящей жизни. А которые интуристы не захотят взглянуть, то, может быть, их устраивает такая покупная и продажная любезность их родственников. Может, это им нравится.

Вот где, чорт возьми, каверзный для них вопрос.

И вот каким фальшивым ключом они открывают

двери, чтобы войти в рай своей буржуазной жизни. И это тоже у них одна из главных и непоправимых неудач.

В общем, вместо отвлеченной болтовни о том, о сем, давайте перейдем к делу. И давайте критически взглянем на наши неудачи с тем, чтобы от них в дальнейшем отказаться, если они нас не вполне устраивают.

Но, может быть, они отчасти пережитки прошлых дней, и они уже уходят? Тогда мы с ними любезно распрощаемся и поторопим их поспешить к выходным дверям.

55. А если встретим неудачу, от которой нынче не уйти, то воспылаем надеждой, что она у нас ненадолго задержится. Как сказал философ: все течет, и ничто не пребывает на месте. Но пока в прошлом, как вы сейчас это видели, все больше текла дрянь и грязь российской жизни. Так что, сколько бы она ни текла и ни не пребывала бы на месте, она бы нас с этим философом никак не устроила. Поскольку — теки, не теки — все была бы неудача.

Но в силу того, что у нас произошла такая, как сейчас, перемена, то многие неудачи померкли в своем первоначальном значении. И они не так уж нас волнуют, как это бывало раньше, поскольку у всех теперь возникла полная уверенность, что все, что из этого осталось, — все, в свою очередь, окончательно уйдет и превратится в прах вместе с глупостью, хамством, мешанством, бездушным бюрократизмом и елейным подхалимством.

В общем, начинаются рассказы о неудачах нашего времени.

Рассказы о Неудачах

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ВОЛГЕ

Для начала мы вам собираемся рассказать об одной забавной маленькой неудаче.

Эта неудача заключалась именно в том, что группа отдыхающих получила моральное потрясение по случаю одного недоразумения.

Вот как это случилось. Это было.

В первые еще годы революции, когда установилась жизнь и по Волге стали курсировать чудные пароходы с первоклассными каютами и с подачей пассажирам горячей пищи, группа отдыхающих граждан — шесть конторщиков и в том числе я — выехала отдохнуть на Волгу.

Нам все советовали прокатиться по Волге. Поскольку там чудный отдых. Природа. Берега. Вода, еда и каюта.

И, значит, группа конторщиков, уставшая, так сказать, от грохота революции, выехала освежиться.

Попался чудный первоклассный пароход под названием «Товарищ Пенкин».

Мы стали интересоваться, кто такой этот Пенкин, — нам говорят: какой-то, кажется, работник водного транспорта.

Нам было, собственно, все равно, и мы, конечно, поехали на этом неизвестном товарище.

Приехали в Самару.

Вылезли своей группой, — пошли осматривать город. Осматриваем. Вдруг слышим какие-то гудки.

Нам говорят:

— Расписание сейчас неточное. Возьмет еще и уйдет наш «Пенкин». Давайте вернемся.

И вот, кое-как осмотрев город, вернулись.

Подходим к пристани, видим — уже нету нашего парохода. Ушел.

Крики поднялись, вопли.

Один из нас кричит: «Я там в штанах свои документы оставил». Некоторые кричат: «А мы — багаж и деньги. Что ж теперь делать?.. Ужас!»

Я говорю:

— Давайте сядем на этот встречный пароход и вернемся назад.

Глядим, действительно, стоит у пристани какой-то волжский пароход под названием «Гроза».

Спрашиваем публику плачевным голосом: давно ли, дескать, «Пенкин» ушел. Может, его можно по берегу догнать.

Публика говорит:

— Зачем вам догонять? Эвон «Пенкин» стоит. Только это теперь «Гроза». Он бывший «Пенкин». Ему пере-красили название.

Тут мы обрадовались чрезвычайно. Бросились на этот свой пароход и до самого Саратова с него не сходили. Боялись.

Между прочим, спросили капитана, почему такой забавный факт и такая срочность.

Капитан говорит:

— Видите, у нас это наименование дали пароходу отчасти ошибочно. Пенкин имеется в рядах водного транспорта, но только он отчасти не был на высоте своего положения. И в настоящее время он находится под судом за превышение власти. И мы получили телеграмму закрасить его название. Вот мы и назвали его «Гроза».

Тут мы сказали:

— Ах, вот что! — и безразлично засмеялись.

Приехали в Саратов. И своей группой вышли осматривать город.

Там мы тоже долго не прохлаждались. А мы дошли

до ларька и купили папирос. И осмотрели пару зданий.

Возвращаемся назад — опять, видим, нету нашего парохода «Гроза». И видим вместо него стоит другой пароход.

Конечно, испуг у нас был не такой сильный, как в Самаре. Думаем, шансы есть. Может быть, они опять заглавие закрасили. Но все-таки некоторые из нас опять сильно испугались.

Подбежали ближе. Спрашиваем публику:

— Где «Гроза»?

Публика говорит:

— А вот это и есть «Гроза». Бывшая «Пенкин». А теперь, начиная с Саратова, он у них — «Короленко».

Мы говорим:

— Что ж они красок-то не жалеют?

Публика говорит:

— Не знаем. Спросите боцмана.

Боцман говорит:

— Жара с этими наименованиями. «Пенкин» у нас дали ошибочно. А что касается до «Грозы», то это было малоактуальное название. Оно отчасти было беспринципное. Это явление природы. И оно ничего не дает ни уму, ни сердцу. И капитану дали за это вздрючку. Вот почему и закрасили.

Тогда мы обрадовались и сказали:

— Ах, вон что! — и сели на этот пароход «Короленко». И поехали.

А боцман нам говорит:

— Смотрите, в Астрахани не пугайтесь, если обратно найдете другое название.

Но мы говорим:

— Нет, это навряд ли будет. Поскольку это «Короленко» — выдающийся писатель.

В общем до Астрахани доехали благополучно. А оттуда мы дернули по суше.

Так что дальнейшая судьба парохода нам была неизвестна.

Но можно не сомневаться, что это наименование так

при нем и осталось. На вечные времена. Тем более, что Короленко умер. А Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования.

Так что тут неудача заключается скорей всего даже в том, что люди бывают, что ли, живы. Нет, пардон, тут вообще даже не понять, в чем кроется сущность неудачи. С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживым. А с другой стороны, так сказать, покорно вас за это благодарю. Удача сомнительная. Лучше уж не надо. А вместе с тем быть живым вроде как тоже в этом смысле относительная неудача.

Так что тут, как бы сказать, с двух сторон теснят человека неприятности.

Вот почему этот маленький, вроде недоумения, пустичок мы поместили в ряду наших рассказов о неудачах.

Однако, кроме как на Волге, большие неудачи случаются также в банях.

Предлагаем вашему вниманию рассказ о подобной неудаче.

РАССКАЗ О БАНЯХ И ИХ ПОСЕТИТЕЛЯХ

В свое время мы чего-то такое писали насчет бань. Сигнализировали опасность. Дескать, голому человеку номерки некуда деть и так далее.

Прошло после того несколько лет.

Затронутая нами проблема вызвала горячие дискуссии в банно-прачечном тресте. В результате чего кое-где в банях отвели особые ящики, куда каждый пассажир может класть свою, какую ни на есть, одежду. После чего ящик замыкается на ключ. И пассажир с радостной душой поспешает мыться. И там привязывает этот ключ к шайке. Или, в крайнем случае, не выпускает его из рук. И как-то там моется.

Короче говоря, несмотря на это, вот какие события развернулись у нас в одной из ленинградских бань.

Один техник захотел у нас после мытья, конечно, одеться. И вдруг он с ужасом замечает, что весь его гардероб украли. И только вор, добрая душа, оставил ему жилетку, кепку и ремень.

Он прямо ахнул, этот техник. И сам без ничего стоит около ящика своего — и прямо не имеет никакой перспективы. Он стоит около ящика, в чем его мама родила, и руками разводит. Он ошеломлен.

А он — техник. Не без образования. И он прямо не представляет себе, как он теперь домой пойдет. Он прямо на ногах качается.

Но потом он сгоряча надевает на себя жилетку и кепку, берет в руки ремень и в таком, можно сказать, совершенно отвлеченном виде ходит по предбаннику, мало чего соображая.

Некоторые из публики говорят:

— В этой бане каждый день кражи воруют.

Наш техник, имея головокружение, начинает говорить уже на каком-то старорежимном наречии с применением слов «господа». Это он, наверно, от сильного волнения, потерял некоторые свойства своей новой личности.

Он говорит:

— Меня, господа, главное интересует, как я теперь домой пойду.

Один из немывшихся еще говорит:

— Позовите сюда заведующего. Надо же чего-нибудь ему придумать.

Техник говорит слабым голосом:

— Господа, позовите мне заведующего.

Тогда банщик в одних портках бросается к выходу и вскоре является с заведующим. И тут вдруг все присутствующие замечают, что этот заведующий — женщина. Техник, сняв кепку с головы, задумчиво говорит:

— Господа, да что же это такое! Еще того чище! Мы все мечтали увидеть сейчас мужчину, но вдруг, представьте себе, приходит женщина. Это, — говорит, — чтоб

в мужской бане были такие заведующие, это прямо, — говорит, — какая-то курская аномалия.

И, прикрывшись кепкой, он, в изнеможении, садится на диван.

Другие мужчины говорят:

— Чтоб заведующий — женщина, это, действительно, курская аномалия.

Заведующая говорит:

— Для вас, может, я и курская аномалия. А там у меня через площадку — дамское отделение. И там, — говорит, — я далеко никакая не курская аномалия. Попрошу воздержаться от подобных слов.

Наш техник, запахнувшись в свою жилетку, говорит: — Мы, мадам, не хотели вас оскорбить. Что вы ерепенитесь? Лучше бы, — говорит, — обдумали, в чем я теперь пойду.

Заведующая говорит:

— Конечно, до меня тут были заведующие мужчины. И на этой вашей половине они были очень хороши в своем назначении, а в дамском отделении они все с ума посходили. Они туда слишком часто заскакивали. И теперь мужчинам назначения редко дают. А дают все больше женщинам. И что касается меня, то я захожу сюда по мере надобности, или когда тут что-нибудь сперли. И я от этого не теряюсь. А что я постоянно нарываюсь тут у вас на оскорбления и меня каждый моющийся непременно обзывает курская аномалия, то я предупреждаю — каждого, который меня впредь оскорбит на моем посту, я велю такого отвести в отделение милиции... Что у вас тут случилось?

Техник говорит:

— Господа, что она ерепенится? Ну ее к чорту. Я не предвижу, как я без штанов домой пойду, а она мне не позволяет называть ее курская аномалия. И она грозит меня в милицию отвести. Нет, лучше бы тут заведующий был мужчина. По крайней мере он бы мне мог одолжить какие-нибудь свои запасные брюки. А что тут заведующая женщина — это меня окончательно побивает. И я,

господа, теперь уверен, что из этой бани я несколько дней не уйду, — вот посмотрите.

Окружающие говорят заведующей:

— Слушайте, мадам, может, тут у вас в бане есть муж. И, может быть, он у вас имеет лишние брюки. Тогда дайте им в самом деле их на время поносить. А то они страшно волнуются. И не понимают, как им теперь домой дойти.

Заведующая говорит:

— В дамском отделении у меня полная тишина, а на этой половине ежедневно происходит все равно как извержение вулкана. Нет, господа, я тут отказываюсь быть заведующей. У меня муж в Вятке работает. И ни о каких, конечно, штанах не может быть и речи. Тем более, что сегодня это уже второе заявление о краже. Хорошо, что в первый раз украли мелочи. А то бы ко мне опять приставали с брюками. Тогда, господа, вот что: если есть у кого-нибудь какие-нибудь запасные штаны, то дайте им, а то мне на них прямо тяжело глядеть. У меня мигрень начинает разыгрываться от всех этих волнений.

Банщик говорит:

— Хорошо, я опять дам свои запасные штаны. Но вообще надо будет сшить, наконец, казенные. У нас часто воруют, и в этот месяц у меня прямо сносили мои штаны. То один возьмет, то другой. А это мои собственные.

Вот банщик дает нашему технику ситцевые штаны, а один из моющихся дает куртку и шлепанцы. И вскоре наш друг, с трудом сдерживая рыдания, облачается в этот музейный наряд. И в таком нелепом виде он выходит из бани, мало чего понимая.

Вдруг после его ухода кто-то кричит:

— Глядите, вон еще чья-то лишняя жилетка валяется и один носок.

Тогда все обступают эти найденные предметы.

Один говорит:

— Вероятно, это вор обронил. Поглядите хорошенько

жилетку, нет ли там в карманах чего. Многие в жилетках документы держат.

Выворачивают карманы и вдруг там находят удостоверение. Это пропуск на имя Селифанова, служащего в центральной пошивочной мастерской.

Тут всем становится ясно, что воровские следы уже найдены.

Тогда заведующая бойко звонит в милицию, и через два часа у этого Селифанова устраивается обыск.

Селифанов страшно удивляется и говорит: — Чего вы обалдели, господа? У меня у самого сегодня в этой бане вещи украли. И я даже делал об этом заявление. А что касается этой моей жилетки, то ее, наверно, вор обронил.

Тут перед Селифановым все извиняются и говорят ему: это недоразумение.

Но вдруг заведующий пошивочной мастерской, где служит этот Селифанов, говорит:

— Да, я уверен, что вы сами в бане пострадали. Но скажите, откуда у вас этот кусок драпа, что лежит в сундуке? Этот драп из нашей мастерской. Его у нас не хватает. И вы его наверно взяли. Хорошо, что я из любопытства пришел вместе с обыском.

Селифанов начинает лепетать разные слова, и вскоре он признается в краже этого драпа.

Тут его моментально арестовывают. И на этом заканчивается банная история, и начинаются уже другие дела. Так что мы и помолчим, чтобы не смешивать две темы.

В общем, и бани, и моющиеся там люди, казалось бы, могли за последнее время подтянуться и выглядеть еще более эффектно. В банях могли бы чего-нибудь особенное придумать на этот счет, а люди могли бы не воровать имущество в таких ответственных местах.

Но тут, в сравнении с другими учреждениями, еще плетутся в хвосте.

И это очень жаль.

А что мы сказали насчет других учреждений, то там, конечно, тоже иногда бывают неудачи.

Вот, например, порядочная неудача, с которой мы однажды столкнулись в городском учреждении по охране бульваров и зеленых насаждений.

Вот что там со мной произошло.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА

Я ехал однажды на велосипеде.

У меня довольно хороший велосипед. Английская марка — Б.С.А.

Приличный велосипед, на котором я иногда совершаю прогулки для успокоения нервов и для душевного равновесия.

Очень хорошая, славная современная машина. Жалко только — колесья не все. То есть колесья все, но только они сборные. Одно английское — «Три ружья», а другое немецкое — «Дукс». И руль украинский. Но все-таки ехать можно. В сухую погоду.

Конечно, откровенно говоря, ехать сплошное мученье, но для душевной бодрости, и когда жизнь не особенно дорога, — я выезжаю.

И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде.

Каменноостровский проспект. Бульвар. Сворачиваю на боковую аллею вдоль бульвара и еду себе.

Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая травка. Грядка с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. Чухонское небо надо мной.

Птички щебечут. Ворона клюет мусор. Серенькая собачка лает у ворот.

Я гляжу на эту осеннюю картинку, и вдруг сердце у меня смягчается, и мне неохота думать о плохом. Рисуеться замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости.

И вдруг от таких мыслей мне захотелось всех обнять, захотелось сказать что-нибудь хорошее. Захотелось крик-

нуть: «Братцы, главные трудности позади. Скоро мы заживем, как фон-бароны».

Но вдруг раздается вдалеке свисток.

«Кто-нибудь проштрафился, — говорю я сам себе, — кто-нибудь, наверное, не так улицу перешел. В дальнейшем, вероятно, этого не будет. Не будем так часто слышать этих резких свистков, напоминающих о проступках, штрафах и правонарушениях».

Снова недалеко от меня раздается тревожный свисток и какие-то окрики и грубая брань.

«Так грубо, вероятно, и кричать не будут. Ну, кричать-то, может быть, будут, но не будет этой тяжелой, оскорбительной брани».

Кто-то, слышу, бежит позади меня. И кричит осипшим голосом:

— Ты чего ж это, сука, удираешь, чорт твою двадцать! Остановись сию минуту.

«За кем-то гонятся» — говорю я сам себе и тихо, но бодро еду.

— Лешка, — кричит кто-то, — забегай, сволочь, слева. Не выпускай его из виду!

Вижу — слева бежит парнишка. Он машет палкой и грозит кулаком. Но я еще не вижу, к кому относятся его угрозы.

Я оборачиваюсь назад. Седоватый почтенный сторож бежит по дороге и орет, что есть мочи.

— Хватай его, братцы, держи! Лешка, не выпускай из виду!

Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда.

Тогда я начинаю понимать, что дело касается меня. Я соскакиваю с велосипеда и стою в ожидании.

Вот подбегает сторож. Хрип раздается из его груди. Дыханье с шумом вырывается наружу.

— Держите его! — кричит он.

Человек десять доброхотов подбегают ко мне и начинают хватать меня за руки.

Я говорю:

— Братцы, да что вы, обалдели! Чего вы с ума спятили совместно с этим постаревшим болваном?

Сторож говорит:

— Как я тебе ахну по зубам, — будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держите его крепче... Не выпускайте его, суку.

Собирается толпа. Кто-то спрашивает:

— А что он сделал?

Сторож говорит:

— Мне пятьдесят три года, — он, сука, прямо загнал меня. Он едет не по той дороге... Он едет по дорожке, по которой на велосипедах проезду нет... И висит, между прочим, вывеска. А он, как ненормальный, едет... Я ему свишу. А он ногами кружит. Не понимает, видите ли. Как будто он с луны свалился... Хорошо, мой помощник успел остановить его.

Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит:

— Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать.

— Братцы, — говорю я, — я не знал, что здесь нельзя ехать. Я не хотел удирать.

Сторож, задыхаясь, восклицает:

— Он не хотел удирать! Вы видели наглые речи. Ведите его в милицию. Держите его крепче. Такие у меня всегда убегают.

Я говорю:

— Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь. Не вертите мне руки.

Кто-то говорит:

— Пушай предъявит документы, и возьмите с него штраф. Чего его зря волочить в милицию? Провинность у него, в сущности, не так крупная.

Сторожу и нескольким добровольцам охота волочить меня в милицию, но под давлением остальной публики сторож, страшно ругаясь, берет с меня штраф и с видимым сожалением отпускает меня восвояси.

Я иду со своим велосипедом, покачиваюсь. У меня

шумит в голове, и в глазах мелькают круги и точки. Я бреду с развороченной душой.

Я по дороге сгоряча произношу нелепую фразу: «Боже мой». Я массирую себе руки и говорю в пространство: «Фу!»

Я выхожу на набережную и снова сажусь на свою машину, говоря:

«Ну, ладно, чего там. Подумаешь — нашелся фон-барон, руки ему не верти».

Я тихо еду по набережной. Я позабываю грубоватую сцену. Мне рисуются прелестные сценки из недалекого будущего.

Вот я, предположим, еду на велосипеде с колесьями, похожими друг на друга, как две капли воды.

Вот я сворачиваю на эту злосчастную аллею. Чей-то смех раздается. Я вижу — сторож идет в мягкой шляпе. В руках у него цветочек — незабудка или там осенний тюльпан. Он вертит цветочком и, смеясь, говорит:

— Ну, куда ты заехал, дружок? Чего это ты сдуру не туда сунулся? Экий ты, милочка, ротозей. А ну, валий обратно, а то я тебя оштрафую — не дам цветка.

Тут, тихо смеясь, он подает мне незабудку. И мы, полюбовавшись друг другом, расстаемся.

Эта тихая сценка улаживает мое страдание. Я бодро еду на велосипеде. Я верчу ногами. Я говорю себе: «Ничего. Душа не разорвется. Я молод. Я согласен сколько угодно ждать».

Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова им хочется сказать что-нибудь хорошее или крикнуть: «Товарищи, мы строим новую жизнь, мы победили, мы перешагнули через громадные трудности, — давайте, все-таки, уважать друг друга».

С переполненным сердцем я вернулся домой и записал эту сценку, которую вы сейчас читаете.

Это случилось в прошлом году, и с тех пор подобных происшествий с нами уже не было, из чего мы заключаем, что подобное боевое настроение среди служащих

по охране зеленых насаждений идет на убыль. И это очень хорошо. А то это слишком неприятная неудача, с которой следует бороться со всей энергией.

Другой случай весьма досадной неудачи мы как-то раз наблюдали в деревне, среди полей и равнин. И он нас не менее огорчил, чем этот.

РАССКАЗ ОБ ИМЕНИННИЦЕ

Однажды я поехал в деревню Борки. Мне туда надо было по делу.

От станции до этой деревни было не так много. Может быть, километра три. Но пешком я идти не рискнул. Весенняя грязь буквально доходила до колена.

Возле самой станции, у кооператива, стояла крестьянская подвода. Немолодой мужик в зимней шапке возился около лошади.

— А что, дядя, — спросил я, — не подвезешь ли меня до Борок?

— Подвезти можно, — сказал мужик, — только даром мне нет расчета тебя подвозить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек. Дюже дорога трудная. Воды много.

Я сел в телегу, и мы тронулись.

Дорога, действительно, была аховая. Казалось, дорога была в свое время специально устроена с тем тонким расчетом, чтобы вся весенняя дрянь со всех окрестных полей стекала именно сюда. Жидкая грязь покрывала почти полное колесо.

— Грязь-то какая, — сказал я.

— Воды, конечно, много, — равнодушно ответил мужик.

Он сидел на передке, свесив вниз ноги, и непрестанно цокал на лошадь языком.

Между прочим, цокал он языком абсолютно всю дорогу. И, только когда переставал цокать хоть на минуту, лошадь поводила назад ушами и добродушно останавливалась.

Мы отъехали шагов сто, как вдруг позади нас, у кооператива, раздался истошный бабий крик.

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь на чем свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи.

— Ты что ж это, бродяга! — кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу. — Ты кого ж посадил-то, чорт рваный? Обормот, горе твое луковое!

Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в борденку.

— Ах, паразит-баба, — сказал он с улыбкой, — крост-то как!

— А чего она? — спросил я.

— А пес ее знает, — сказал мужик, сморкаясь. — Не иначе, как тоже в телегу ладит. Неохота ей, должно статься, по грязи хлюпать.

— Так пущай сядет, — сказал я.

— Трех не можно увезти, — ответил мужик, — дюже дорога трудная.

Баба, подобрав юбки чуть ли не до живота, нажимала все быстрее, однако, по такой грязи догнать нас было трудновато.

— А ты что, с ней уговорился, что ли? — спросил я.

— Зачем уговорился? — ответил мужик. — Жена это мне. Что мне с ней зря уговариваться?

— Да что ты?! Жена? — удивился я. — Зачем же ты ее взял-то?

— Да увязалась баба. Именинница она, видишь, у меня сегодня. За покупками мы выехали. В кооператив... Эвон, гляди, как нажимает. Ай, ей-богу, смехота...

Мне, городскому человеку, ужасно как стало неловко ехать в телеге, тем более, что именинница крыла теперь все громче и громче и меня, и моих родных, и своего полупочтенного супруга.

Я подал мужику рубль, спрыгнул с телеги и сказал: — Пущай баба сядет. Я пройдуся.

Мужик взял рубль и, не снимая с головы шапки, засунул его куда-то под волосы.

Однако свою именинницу он не стал ждать. Он снова зацокал языком и двинул дальше.

Я мужественно шагал рядом, держась за телегу рукой, потом спросил:

— Ну, что ж не сажаешь-то?

Мужик тяжело вздохнул:

— Дорога дюже тяжелая. Не можно сажать сейчас... Да ничего ей, бабе-то. Она у меня — дьявол, двужильная.

Я снова на ходу влез в телегу и доехал до самой деревни, стараясь теперь не глядеть ни на моего извозчика, ни на именинницу.

По дороге мужик сказал:

— Я, видишь ли, собственно, лошадь жалею. Тем более мы не в колхозе. А мы — единоличники. А то я бабу обязательно бы посадил. На казенную лошадь. А эту я берегу. Тем более баба у меня может ходить сколько угодно. По самым худым дорогам.

Я говорю мужику:

— Все-таки, она именинница. Надо было бы ее уважить.

— Дома я ее непременно уважу, — сказал мужик. — Но тут дорога тяжелая, и ты еще влез.

Через полчаса мы приехали.

Мужик сказал:

— Дорога дюже тяжелая, вот что я скажу. За такую дорогу надо тройк брать с вас, городских. Кажется, видел, — я бабу не посадил — до чего тяжелый путь.

Я говорю:

— Против цены не спорю.

И стал с ним расплачиваться.

А когда расплатился, вдруг подошла именинница. Пот катил с нее градом. Она одернула свои юбки и, не глядя на супруга, сказала:

— Выгружать, что ли?

— Конечно, выгружать, — сказал мужик, — не до лету лежать товару.

Именинница подошла к телеге и стала выгружать покупки, унося их в дом.

Я подарил имениннице пять целковых и с расстроенной душой пошел по своим делам.

А когда возвращался обратно в город, то думал о деревенской жизни. И о таких нравах, которые даже и не записаны в литературе.

Вот, дорогие друзья, какого сорта бывают неудачи. Хорошо, что они сменяются удачами.

И как это, правда, хорошо и вполне удачно, что теперешняя перемена в деревне как раз ударила по таким мужьям, у которых такие именинницы. И ударила по такому быту, который мы развернули перед вами всего лишь на одной страничке.

И мы теперь имеем превеликую надежду, что там вскоре рассыплется в прах весь, как говорится, дурацкий строй старой деревенской жизни.

И, может быть, тут-то и лежала одна из крупнейших неудач российской жизни.

Так что вот вам пример неудачи, который нам с вами говорит о нужных переменах.

Теперь, друзья, не угодно ли махнуть с нами в город. Там с нами случилась маленькая неудача. И мы, так сказать, для смеха хотим вам о ней рассказать.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно. Особенно если сбоку поднапрут, да сзади какой-нибудь архаровец на задник наступит, — вот вам и нет галоши.

Галошу потерять — прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел, — обе галоши стояли на месте, как сейчас помню. Еще рукой потрогал, когда влезал, — тут ли? А вышел из трамвая — гляжу: одна галоша здесь, как миленькая, а другой нету. Сапог — здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А одной галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял галошу, которая осталась, завернул в газету и пошел так. «После работы, — думаю, — пушусь на розыски. Не пропадать же товару. Где-нибудь да раскопаю».

После работы пошел искать. Первым делом — посоветовался с одним знакомым вагоновожатым.

Тот, прямо, вот как меня обнадежил.

— Скажи, — говорит, — спасибо, что в трамвае потерял. Это тебе очень поперло, что ты именно в трамвае потерял. В другом общественном месте — не ручаюсь, а в трамвае потерять — святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело!

— Ну, — говорю, — спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день поехал в камеру.

— Нельзя ли, — говорю, — братцы, галошу заполучить обратно? В трамвае сняли.

— Можно, — говорят. — Какая галоша?

— Галоша, — говорю, — обыкновенная какая. Размер — двенадцатый номер.

— У нас, — говорят, — двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

— Приметы, — говорю, — обыкновенно какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету, — сносилась байка.

— У нас, — говорят, — таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

— Специальные, — говорю, — признаки имеются. Носок, вроде бы, начисто оторван, еле держится. И каблука, — говорю, — почти что нету. Сносился каблук. А бока, — говорю, — еще ничего, пока что, удержались. Галоша, говорю, конечно, не новенькая, но дорога как память о потраченных деньгах.

— Посиди, — говорят, — тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть ужасно обрадовался. Прямо умилился.

«Вот, — думаю, — славно аппарат работает. И какие, — думаю, — идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши».

Я им говорю:

— Спасибо, — говорю, — друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас. — Нету, — говорят, — уважаемый товарищ, не можем дать. Мы, — говорят, — не знаем, может, это не вы потеряли.

— Да я же, — говорю, — потерял. Что вы, объелись?

Они говорят:

— Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Принеси удостоверение, что ты действительно потерял галошу. Пусть домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

— Братцы, — говорю, — святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

— Дадут, — говорят, — это ихнее дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю нашего дома.

— Давай, — говорю, — бумагу. Галоша гибнет.

— А верно, — говорит, — потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

— Ей-богу, — говорю, — потерял.

Он говорит:

— Конечно, на слова я не могу положиться. Вот если бы ты мне удостоверение достал с трамвайного парка, что галошу потерял, — тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

— Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

— Тогда, — говорит, — напиши мне в крайнем случае заявление.

Я говорю:

— А что там написать?

Он говорит:

— Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу.

Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. «Вот, — думаю, — люди работают! Да в каком-нибудь другом месте разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее с трамвая — только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно. Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее подмышкой в пакете — и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где ее искать?»

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил. Другой раз станет скучно, — взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится. Вот, думаю, славно канцелярия работает.

Рассказали вам эту историю и теперь пугаемся, как бы трамвайщики на нас не обиделись. А чего обижаться? Наверное, они уже эти свои недочеты исправили. И, наверное, у них галоши выдаются еще более проще. Тем более это было еще в тридцатом году. А с тех пор я ничего не терял. Так что не могу удовлетворить ваше любопытство.

А в общем, тут дело даже не в трамвае, а в самой закрученной психологии. А поскольку с этой психологией идет борьба и вообще канцелярия выравнивается, то об чем же может быть и речь. Конечно, это борьба нелегкая. Тем более подобная психология есть скорей всего глупость. А глупость — не головная боль, которая от порошка проходит.

В общем, другой мелкий случай из области подобных

неудач произошел на этом фронте уже не со мной, а с другим. Вот что с ним случилось.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАНЦЕЛЯРИИ

Недавно один уважаемый товарищ Кульков, Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков в тюрьме сидит за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц туда ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То есть не обращают на него внимания бюрократы, хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. То в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо сморкаются.

С одной стороны, это было даже удивительно наблюдать к нему такое бюрократическое отношение. Поскольку канцелярия сейчас у нас находится на большой высоте.

А с другой стороны, было отчасти понятно. Они осенью переезжали в другое помещение, и это кульковское дело куда-то засунули. Или они его потеряли. Они, во всяком случае, не могли его сразу найти. И вдобавок, наверно, искали без особой охоты.

И вот, естественно, тянули. Хотели, может, на сроках отыграться. Там, думают, отыщут в дальнейшем. Либо, думают, посетитель захворает и помрет. И тогда все само собой встанет на место. Не надо будет искать. Либо еще чего-нибудь будет.

Может быть, они так подумали и стали тянуть с ним канитель. И вдобавок ему об этих подробностях ничего не говорили. Стеснялись это ему в глаза сказать.

И он, как дурак, зная себе ходит в эту канцелярию.

И там, естественно, он всех возненавидел.

Он прямо не мог видеть уже этих канцелярских работников, которые сидели за своими столами и что-то такое делали.

Он приходил в ужас от них. Но крепился.

И только говорил с ними немного более визгливо, чем полагается. Но все-таки сдерживался.

Однажды он пришел туда и думает:

«Если сегодня дело не кончу, то я так думаю, они меня еще свыше месяца затаскают».

И с этими мыслями он спрашивает кого-то там:

— Ну, как?

Тот говорит:

— Еще, — говорит, — не прояснилось.

Наш Кульков в смятении чувств выбегает от этого работника, чтоб скорей выйти на улицу отдышаться.

И вдруг на пути, в одной комнате, видит такую возмутительную картину.

Сидит за столом какой-то средних лет бюрократ и абсолютно ничего не делает. Он ноготки себе полирует и посвистывает. И сам напыщенный. Развалившись сидит в кресле. И слегка ногой болтает. Салон-вагон.

То есть эта картина прямо вывела из себя нашего терпеливого Кулькова.

Он и так-то взволнованный выскочил из кабинета. А тут вдруг нарывается на подобный пейзаж.

Наверное Кульков подумал:

«Я хожу свыше месяца в это учреждение, мне тут морочили голову и учиняют такую волокиту, а тут, наряду с этим, сидят бюрократы подобного типа. Нет, я не могу терпеть».

И, возмущившись еще больше, подходит до этого чиновника и, мало чего соображая, ударяет его наотмашь.

Тут свалился этот бюрократ со своего венского кресла. Кричит.

Тут другие бюрократы сбегались со всех сторон. Схватили Кулькова и держат, чтобы он не ушел.

Битый, приподнявшись, говорит:

— Я, — говорит, — по делу пришедши и с утра не

жравши сию. И если, — говорит, — меня натошак по морде еще хлопать начнут в этом учреждении, то я, — говорит, — категорически от этого отказываюсь.

Кульков то есть до крайности удивился от этих слов. Он говорит:

— Неужели вы не здесь работаете, а вы посетитель?

Побитый говорит:

— Да. Я к ним второй месяц хожу за своим делом. И они все тянут. И уж меня-то, во всяком случае, не надо было трогать. В том-то и дело, что я посетитель. А если б я был из тутошних, то я, может быть, ничего бы вам и не сказал.

Кульков говорит ему:

— Пардон, товарищ, я прямо не знал. Я думал, вы среди них бюрократ и ничего не делаете, так себе сидите за столом.

Битый говорит:

— Я тут попривык у них, вот и сел за стол. А вы меня вдруг бьете.

Какие-то начальники в это время орут:

— Отыскать туда-сюда кульковское дело. Это он еще что за фрукт. Надо поглядеть в его бумаги.

Побитый говорит:

— Позвольте, почему же такая привилегия бьющему? Пушай тогда и мое дело отыщут. Фамилия — Обрезкин.

Те кричат:

— Отыскать туда-сюда и Обрезкина дело.

Обрезкин говорит Кулькову:

— Теперь, кажется, они найдут. Без вас бы, кажется, этого не случилось.

Кульков говорит:

— Скажите спасибо. Без меня бы вы тут совсем закисли.

Тут, меньше чем в час, отыскали оба эти дела.

Кулькову говорят:

— Вот ваши бумаги, получите на руки, но за битье в нашем учреждении ответите по закону.

Потом обращаются до Обрезкина и говорят ему:

— А что касается вас, молодой человек, то вы вообще ошиблись учреждением. Вам надо в Собес, а не к нам.

Так что вы схлопотали себе по морде отчасти даже зря. И это уж целиком ваша неудача.

Тут рассерженный Обрезкин уходит. А на Кулькова составляют протокол. И потом за мордобой дают ему месяц заключения.

И правильно. Нельзя так поступать и горячиться. А уж лучше пожаловаться, чем лезть в физиономию.

Но неудача, собственно, тут даже не в том, что Обрезкина побили, а в том, что среди конторского труда бывает еще такая забывчивость на бумаги. Но это, конечно, мелочь, пустяки на общем фоне жизни.

Между прочим, совсем другое, более крупное дело, чем с этим Кульковым, произошло однажды с одним поэтом. С ним произошла огромная неудача.

Он приезжий поэт. Он недавно побывал у нас в ленинградском Литфонде, где ему пришлось выдать сто целковых на дорогу.

Вот что с ним случилось. Он нам подробно рассказал о своей неудаче. А то иначе он не получил бы это пособие. Так что эту свою историю он поведал нам скорей по необходимости, чем по общительности характера. Вот его поэтическая история, которая обошлась Литфонду в сто рублей.

Мы ее, кстати, рассказываем более коротко, чем поэт. Поэту крайне нужны были деньги на дорогу, и потому он старался не пропускать подробностей, чтоб не уменьшить дело в его психологическом значении.

Мы же расскажем вам это своими словами, без особых тонкостей, но со знанием сердца мужчины.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С ОДНИМ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ

Один молодой поэт, довольно интересной волевой наружности, автор книги «Навстречу жизни», влюбился на курорте в одну недурненькую особу.

Она не была поэтесса, но она имела все время склонность к поэзии, и от этого наш поэт совершенно от нее растаял.

Кроме того она вдобавок понравилась ему как тип. То есть ее наружность соответствовала его идеалам.

Она была из блондинок, в то время как там у них, на юге, он говорит, преобладали все больше черноватые, которые не вызывали у него поэтических эмоций. Тем более, что он был лирик и, как он говорит, певец революционных будней. В результате чего он и влюбился в эту особу до потери сознания.

Ну, вообще — поэт. Мировоззрение. Пылкая, забывчивая натура. Стихи пишет. Любитель цветов и хорошо покушать. И ему всякая красота доступна. И он психологию понимает. Знает дам. И верит в их назначение.

Он встретил ее на южном побережье, куда он прибыл в сентябре месяце по путевке. И она тоже со своей путевой прибыла туда же в сентябре.

И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась.

И у них там целый месяц прошел, как в угаре.

С одной стороны, море, природа, беззаботная жизнь на готовом питании, с другой стороны — понимание с полслова, поэзия, переживания, красота.

То есть, как во сне промелькнули все дни, которые были один другого лучше.

И вот ударило время разлуки. Наступило время расставанья.

Она вернулась к себе в Ленинград и приступила там к завершению курса каких-то там исключительных наук. А он прибыл к себе в Ростов или куда-то там в эти места.

И там продолжал свою поэзию.

Но там он продолжать ее не мог, поскольку ему вспоминалась его особа. Он там тосковал по ней. И, будучи лириком, грустил.

И вот, просидев пару недель в своем южном городе,

он вдруг моментально сложился и, никому ничего не сказав, дернул к своей особе в далекий Ленинград.

Он только в последний момент сказал своей супруге: — Возникло чувство к другой. Расстаемся. Деньги буду посылать почтой.

И с этими словами махнул в Ленинград. Тем более она его туда усиленно звала. Она ему говорила:

— Приезжай скорей. Я живу там совершенно одиноко. Совсем одна. Кончаю курс науки. Ни от кого не завишу. И мы там будем продолжать наше чувство.

И теперь, перебирая в своей памяти эти нежные слова, полные глубокого значения, наш поэт лихорадочно спешил поскорей с ней встретиться.

И он даже удивлялся, как это он не сообразил сразу выехать к ней, раз имелась такие великолепные предпосылки.

Короче говоря, он прибыл к ней и вскоре держал ее в своих объятиях.

И они оба были так довольны, что и сказать нельзя.

Она его спросила: «Надолго ли?» И он ей поэтически ответил: «Навсегда!»

И они опять были очень довольны.

Но он у ней остановиться не мог, поскольку она жила не одна в общежитии.

Не без некоторого волнения он вдруг увидел в ее уютной комнате четыре постели, при виде которых сердце оборвалось в его груди.

Она сказала:

— Живу с тремя подругами по образованию.

Он сказал:

— Я это вижу и недоумеваю. Вы мне сказали о своем одиночестве, через что я и имел смелость приехать. Вы, кажется, мне прихвастнули.

Она сказала:

— Я это сказала: «живу одиноко» не в смысле комнаты, а в смысле чувства и брака.

Он сказал:

— Ах, вон что. В таком случае это недоразумение.

После чего они снова обнялись и долго не могли друг на друга налюбоваться.

Он сказал:

— Ну, ничего. Я пока буду жить в гостинице. А там мы посмотрим. Может быть, вы кончите образование, или, может быть, я напишу какие-нибудь ценные стишки.

И она сказала:

— Вот и хорошо.

Он переехал в гостиницу «Гермес» и там стал с ней жить.

Но он порядочно уже поистратился и недоумевал, что же, собственно, будет дальше. К тому же, на его несчастье, сразу после его приезда она была два дня подряд именинница. То есть, один день у нее были ее именины. И наш поэт, зная немного жизнь, было уже совсем успокоился. Но на второй день, без перерыва, ударило вдруг ее рождение. И наш поэт совершенно обезумел от трат на это. На первый день он ей купил кондитерский крендель. И думал — только и делов. Но, узнавши об рождении, он растерялся и купил ей бусы. Каково же было его удивление, когда она, получив бусы, вдобавок сказала: — Сегодня, по случаю моего дня рождения, я бы хотела в этих бусах пройтись с вами в какой-нибудь коммерческий ресторан.

И при этом она сказала ему еще что-то про Блока, который в свое время тоже любил почем зря бывать в ресторанах и в кондитерских.

И хотя он ей ответил уклончиво:

— То Блок...

Но все-таки вечером он с ней побывал в ресторане, где страдания его достигли наивысшей силы по случаю порционных цен, о которых в Ростове слышали только мельком.

Нет, он не был скуп, наш поэт, но он, так сказать, совершенно вытряхнулся. И к тому же, имея мелкобуржуазную сущность, он ей не решился сказать о своем крайнем положении. Хотя намекал, что в гостиницах ему беспокойно. Но она, подумав о его нервности, сказала:

— Надо взять себя в руки.

Он пытался взять себя в руки. И в день ее рождения попробовал было оседлать свою поэтическую музу, чтоб настроичить хотя бы несколько мелких стихотворений на предмет, так сказать, продажи в какой-нибудь журнал.

Но не тут-то было. Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт просто удивился от того, что у него с ней получилось. Во всяком случае, по прочтении продукции, ему стало ясно, что не может быть и речи о гонораре. Получилось нечто неслыханное, что поэт приписал отчасти своей торопливости и беспокойствию духа.

Тогда наш молодой поэт, подумав о превратностях судьбы и о том, что поэзия — дело, в сущности, темное, не способствующее ведению легкой жизни, продал на рынке свое пальто.

И налегке побывал со своей барышней там, где она того хотела.

После чего он рассчитывал пару дней прожить легко, стараясь ни о чем не думать, так сказать, в полное свое удовольствие, снимая пенки с блестящего ресторанного вечера. И только уже после этого он решил обдумать свое положение. И как-нибудь извернуться. В крайнем случае он надумал призанять некоторую сумму у своей особы.

Но на другой день после ее рождения вдруг ударил в Ленинграде ранний мороз. И наш поэт в легком пиджачке стал на улице попрыгивать, говоря, что он совершенно закалился там у себя, на юге, и потому так ходит почти без ничего.

В общем, он простудился. И слег в своей гостинице «Гермес». Но там удивились его нахальству и сказали, что прежде следует заплатить за номер, а потом хворать.

Но все же, узнав, что он поэт, отнеслись к нему гуманно и сказали, что вплоть до выздоровления они его не тронут. После каковых слов поэт совершенно ослаб физически и дней шесть не поднимался с постели, ужасаясь, что даже за лежачего жильца в советских условиях насчитываются за номер те же суточные деньги.

Барышня его посещала и приносила ему пожрать, а то ему пришлось бы совсем невероятно. И, может быть, он даже бы не поправился.

После выздоровления поэт было думал снова на пушку поймать свою музу. Но та вовсе отказала что-либо путное ему присочинить. И поэт до того упал духом, что дал себе обещание, в случае если он выпутается благополучно из создавшегося положения, непременно найти службу, чтоб не полагаться в дальнейшем на чистое искусство.

Правда, после того как у него в номере побывал директор гостиницы, поэт еще в третий раз пробовал приблизиться к своей поэзии, но, кроме как трех строк, ему ничего не удалось из себя выжать:

В который раз гляжу на небо
И слышу там пропеллеров жужжанье,
И кто-то вниз сигает на...

Но уже слова «на парашюте» никак не входили в размер стиха. А сказать «с парашютом» он не рисковал, не зная авиационной терминологии. После чего поэт оклеветательно захандрил и сложил оружие.

Мечты же занять у своей подруги оказались тоже нереальны. К его удивлению, в тот самый момент, когда он было решился ей сказать об этом, она сама ему сказала о том же, но только про себя, а не про него. Так что поэт, ослабший от болезни, не сразу даже и понял гсей остроты ситуации. Она сказала, что ей до получения пособия осталась ровно неделя, и что если он сможет, то пусть ей кое-что одолжит, тем более, что она ему покупала еду во время болезни.

Он сказал: «Непременно».

И после ее ухода решил ликвидировать свой коверкотовый костюм.

Он продал на рынке костюм, отчасти устроился со своими делами и в одной майке и в спортивных брючках вдруг в один прекрасный день явился к нам в ленинградский Литфонд, где и рассказал нам эту свою историю.

И мы ему дали за этот рассказ сто рублей на билет, с тем, чтоб он ехал к себе на родину.

И он нам сказал:

— Эта сумма мне хватит, чтобы уехать. А я бы желал прожить еще тут неделю. Мне бы этого очень хотелось.

Но мы ему сказали:

— Уезжайте теперь. И лучше всего устройтесь там, у себя, на работу. И параллельно с этим пишите иногда хорошие стихи. Вот это будет правильный для вас выход.

Он сказал:

— Да я так, пожалуй, и сделаю. И я согласен, что молодые авторы должны, кроме своей поэзии, опираться еще на что-нибудь другое. А то вон что получается. И это правильно, что за это велась кампания.

И, поблагодарив нас, он удалился. И мы, литфондовцы, подумали словами поэта:

О, как божественно соединение,
Извечно созданное друг для друга,
Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

На этом заканчивается история с начинающим поэтом, и начинается другая история, еще более исключительная.

Там совсем другое дело, чем с поэтом, случилось с одним работником. Причем то, что с ним случилось, для него была крупнейшая неудача, а для других — мы бы этого не сказали.

В общем, вот что с ним произошло.

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРОГО ВЫЧИСТИЛИ ИЗ ПАРТИИ

Еще в первую чистку вычистили из партии одного человечка.

Он каким-то там у них был по линии инвалидов-парикмахеров и брадобреев.

Причем вычистили его по бытовому признаку, — он слишком выпивать любил. У него была такая вообще бурлацкая натура. Он чуть что за воротник заливал. И не всегда твердо стоял на ногах.

Так что если он из брадобреев, а не в канцелярии, то он мог бы причинить физические увечья любому из клиентов. Не говоря уж о порче пациентам мировоззрения и так далее.

В общем его наверное, я так думаю, вычистили под лозунгом: «худая трава с поля вон».

И с этими словами его вычистили.

А больше никаких дел он за собой не замечал.

Он считал себя всецело на высоте положения. Он энергично работал, ни в чем таком особенном замешан не был, и вообще он удивился, зачем его вычистили.

Он очень что-то расстроился.

Думает: «Сколько лет я крепился и сдерживал порывы своей природы. Сколько лет, — думает, — я себе ничего такого особенного не позволял. Вел себя порядочно. И не допускал никаких эксцессов. И вдруг — пожалуйста бриться. А что касается выпивки, то почему бы и не так?»

Комиссии он ничего не сказал, но подумал: «Ах, вот как».

И, значит, придя домой, хорошенько выпил, нахлестался, можно сказать, побил супругу, разбил стекла в дворницкой и исчез на пару дней.

Где он мотался — неизвестно. Только пришел с поколоченной мордой, рваный и без пальто.

И жильцам сказал:

— Что меня вычистили, я никакого горя не имею. И даже напротив, я рад не встречаться больше с ненужной дисциплиной. Сколько лет, — говорит, — я сдерживался и портил себе кровь всякими преградами. И то нельзя, и это не так, и жену не поколоти. Но теперь это кончилось, аминь. Профессия моя хороша при всех режимах. Так что я плевал на вас всех, вместе взятых.

Жильцы удивились его словам. Но он сам сосчитал

свои поступки правильными. И, снова надравшись, выбил в дворницкой то же самое окно, что только что вставили.

А в жакте он содрал со стены все лозунги и санитарные плакаты. И одним картонным плакатом с надписью: «Не пьет, не курит пионер, — берите, взрослые, пример» — побил даже председателя.

И, в общем, за три дня он до того развязал свою натуру, что все в доме поразились — как это так.

И вдруг он откуда-то узнает или кто-то ему сказал, что хотя и вычистили, но опять как будто восстановили.

То есть что было, передать нет возможности.

Он митом протрезвел и почистился. Собрал жильцов и им сказал:

— Бывают, друзья, происшествия. Умоляю вас, забудьте то, что эти дни видели. Меня, — говорит, — как это ни странно, кажется, восстановили.

И сам бежит, куда полагается, и там говорит:

— Вот так номер вы со мной учинили. Сначала так, а потом обратный ход даете. Это каждый может растеряться, как себя вести. Я, — говорит, — не знал и за эти промежуточные дни наделал делов. И если вам теперь пришлют на меня два протокола, то виноват не я, а обстоятельство.

Ему говорят:

— Тебя, товарищ, не восстановили, чего ты расстраиваешься. Это, действительно, один из товарищей про тебя сказал: «Он, кажется, ничего, только выпивает, так что вы, — говорит, — его, пожалуй, даже зря вычистили». Но теперь сомнения отпадают, поскольку такая картина.

Он говорит:

— Я не знал же.

Ему отвечают:

— Значит, ты не чистой воды пролетарий. Другой бы при всех ситуациях был как стеклышко. А ты чуть что — обнаружил свою свиную морду. Привет.

Так его и не приняли.

А он теперь сидит в своей комнате тихо и не бужит.

Все думает — вот его позовут и скажут: видим, что ты на высоте положения, принят.

Но его не зовут. Поскольку теперь его хорошо знают.

Тут неудача человека в том, что он проявил себя во всем объеме. А для других как раз это была удача. И она бы возросла, если бы такое происшествие повторилось еще с кем-нибудь.

Между прочим, совсем другое дело, чем с этим тупицей, произошло недавно с одним стариком.

Старика никто ниоткуда не чистил, и ниоткуда никто его не выгонял. А он сам всех запутал своим поведением. И сам всех выгнал из квартиры.

Вот какая житейская неудача произошла с этим дураком в прошлом году.

РАССКАЗ О БЕСПОКОЙНОМ СТАРИКЕ

У нас в Ленинграде один старичок заснул летаргическим сном.

Год назад он, знаете, захворал куриной слепотой. Но потом поправился. И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам.

А недавно он взял и неожиданно заснул.

Вот он ночью заснул летаргическим сном. Утром просыпается и видит, что с ним чего-то такое неладное. То есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не дает. И пульс у него не бьется, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее преподнести к ротуку.

Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался, и, конечно, поскорей делают разные распоряжения.

Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. И кругом — коммунальная квартира. И старичка даже поста-

вить, извините, некуда, — до того тесно. Тут поневоле начнешь торопиться.

А надо сказать, что этот заснувший старикан жил со своими родственниками. Значит, муж, жена, ребенок и няня. И, вдобавок, он, так сказать, отец, или, проще сказать, папа его жены, то есть ее папа. Бывший трудящийся. Все, как полагается. На пенсии.

И нянька — девчонка шестнадцати лет, принятая на службу на подмогу этой семье, поскольку оба два — муж и жена, то есть дочь его папы, или, проще сказать, отца, — служат на производстве.

Вот они служат и, значит, под утро видят такое грустное недоразумение, — папа скончался.

Ну, конечно, огорчение, расстройство чувств: поскольку небольшая комнатка и тут же лишний элемент.

Вот этот лишний элемент лежит теперь в комнате, лежит этаким чистенький, миленький старичок, интересный старичок. Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушанное крымское яблочко.

Он лежит и ничего не знает, и ничего не хочет, и только требует до себя последнего внимания.

Он требует, чтобы его поскорей во что-нибудь одели, отдали бы последнее «прости» и поскорей бы где-нибудь захоронили.

Он требует, чтобы это было поскорей, поскольку все-таки одна комната и вообще стеснение. И поскольку ребенок вякает. И нянька пугается жить в одной комнате с умершими людьми. Ну, глупая девчонка, которой охота все время жить, и она думает, что жизнь бесконечна. Она пугается видеть трупы. Она дура.

Муж, этот глава семьи, бежит тогда поскорей в районное бюро похоронных процессий. И скорее оттуда возвращается.

— Ну, — говорит, — все в порядке. Только маленько с лошадьми зацепка. Колесницу, — говорит, — хоть сейчас дают, а лошадей раньше, как через четыре дня, не обещают.

Жена говорит:

— Я так и знала. Ты, — говорит, — с моим отцом всегда при жизни царапался и теперь не можешь ему сделать одолжение — не можешь ему лошадей достать.

Муж говорит:

— А идите к чорту! Я не верховой, я лошадьми не заведу. Я, — говорит, — и сам не рад дожидаться столько времени. Очень, — говорит, — мне глубокий интерес все время твоего папу видеть.

Тут происходят разные семейные сцены. Ребенок, не привыкший видеть неживых людей, пугается и орет благим матом.

И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покойник.

Но ее уговаривают не бросать профессию и обещают ей поскорей ликвидировать в комнате смерть.

Тогда сама мадам, уставшая от этих делов, поспешает в бюро, но вскоре возвращается оттуда бледная, как полотно.

— Лошадсй, — говорит, — обещают не так скоро. Если б мой муж, этот дурак, оставшийся в живых, записался, когда ходил, тогда через три дня. А коляску, — говорит, — действительно, хоть сейчас дают.

И сама одевает поскорей своего ребенка, берет орущую няньку и в таком виде едет в Сестрорецк — пожить у своих знакомых.

— Мне, — говорит, — ребенок дороже. Я не могу ему с детских лет показывать такие туманные картины. А ты, как хочешь, так и делай.

Муж говорит:

— Я, — говорит, — тоже с ним не останусь. Как хотите. Это не мой старик. Я, — говорит, — его при жизни не особенно долюблывал, а сейчас, — говорит, — мне в особенности противно с ним вместе жить. Или, — говорит, — я его в коридор поставлю, или я к своему брату перееду. А он пушай тут дожидается лошадей.

Вот семья уезжает в Сестрорецк, а муж, этот глава семьи, бежит к своему брату.

Но у брата в это время всей семьей происходит дифтерит, и его нипочем не хотят пускать в комнату.

Вот тогда он вернулся назад, положил заснувшего старичка на узкий ломберный столик и поставил это сооружение в коридор около ванной. И сам закрылся в своей комнате и ни на какие стуки и выкрики не отвечал в течение двух дней.

Тут происходит в коммунальной квартире сплошная ерунда, волынка и неразбериха.

Жильцы поднимают шум и вой.

Женщины и дети перестают ходить куда бы то ни было, говорят, что они не могут проходить мимо без того, чтобы не испугаться.

Тогда мужчины нарасхват берут это сооружение и переставляют его в переднюю, что, естественно, в высшей степени вызывает панику и замешательство у входящих в квартиру.

Заведующий кооперативом, живущий в угловой комнате, заявил, что к нему почему-то часто ходят знакомые женщины и он не может рисковать ихним нервным здоровьем.

Спешно вызвали домоуправление, которое никакой рационализации не внесло в это дело.

Было сделано предложение поставить это сооружение во двор.

Но управдом заявил:

— Это, — говорит, — может вызвать нездоровое замешательство среди жильцов, оставшихся в живых, и, главное, невзнос квартирной платы, которая и без того задерживается.

Тогда стали раздаваться крики и угрозы по адресу владельца старичка, который закрылся в своей комнате и сжигал теперь разные стариковские опшметки и оставшееся ерундовое имущество.

Решено было силой открыть дверь и водворить это сооружение в комнату.

Стали кричать и двигать стол, после чего покойник тихонько вздохнул и начал шевелиться.

После небольшой паники и замешательства жильцы освоились с новой ситуацией.

Они с новой силой ринулись к комнате. Они начали стучать в дверь и кричать, что старик жив и просится в комнату.

Однако запершийся долгое время не отвечал. И только через час сказал:

— Бросьте свои арапские штучки. Знаю, — вы меня на плешь хотите поймать.

После долгих переговоров владелец старика попросил, чтобы этот последний подал свой голос.

Старик, не отличавшийся фантазией, сказал тонким голосом:

— Хо-хо...

Этот поданный голос запершийся все равно не признал за настоящим.

Наконец, он стал глядеть в замочную скважину, предварительно попросив поставить старика напротив.

Поставленного старика он долго не хотел признать за живого, говоря, что жильцы нарочно шевелят ему руки и ноги.

Старик, выведенный из себя, начал буянить и беспощадно ругаться, как бывало при жизни, после чего дверь открылась, и старик был торжественно водворен в комнату.

Побранившись со своим родственником о том, о сем, оживший старик вдруг заметил, что имущество его исчезло и частично тлеет в печке. И нету раскидной кровати, на которой он только что изволил помереть.

Тогда старик, по собственному почину, со всем нахальством, присущим этому возрасту, лег на общую кровать и велел подать ему кушать. Он стал кушать и пить молоко, говоря, что он не посмотрит, что это его родственники, а подаст на них в суд за расхищение имущества.

Вскоре прибыла из Сестрорецка его жена, то есть дочь этого умершего папы.

Были крики радости и испуга. Молодой ребенок, не

вдававшийся в подробности биологии, довольно терпимо отнесся к воскресению. Но нянька, эта шестнадцатилетняя дура, вновь стала проявлять признаки нежелания служить этой семье, у которой то и дело то умирают, то вновь воскресают люди.

На девятый день вдруг приехала белая колесница с факелами, запряженная в одну черную лошадь с наглазниками.

Муж, этот глава семьи, нервно глядевший в окно, чтоб забыться, первый увидел это прибытие.

Он говорит:

— Вот, папаян, наконец за вами приехали лошади.

Старик начал плевать и говорить, что он больше никуда не поедет.

Он открыл форточку и начал плевать на улицу, крича слабым голосом, чтоб кучер уезжал поскорей и не мозолил бы глаза живым людям.

Кучер в белом сюртуке и в желтом цилиндре, не дождавшись выноса, поднялся наверх и начал грубо ругаться, требуя, чтоб ему, наконец, дали то, за чем он приехал, и не заставляли бы его дожидаться на сырой улице.

Он говорит:

— Я не понимаю низкий уровень живущих в этом доме. Всем известно, что лошади остродефицитные. Нет, — говорит, — я в этот дом больше не езду.

Собравшиеся жильцы совместно с ожившим старичком выпихнули кучера на площадку и ссыпали его с лестницы вместе с сюртуком и цилиндром.

Кучер долго не хотел отъезжать от дома, требуя, чтоб ему в крайнем случае подписали какую-то путевку. Без чего он никуда не поедет.

Оживший старик плевал в форточку и кулаком грозил кучеру, с которым у них завязалась острая перебранка.

Наконец, кучер, охрипнув от крика, утомленный и побитый, уехал, после чего жизнь потекла своим чередом.

На четырнадцатый день старичок, простудившись у

раскрытой форточки, захворал и вскоре по-настоящему помер.

Сначала никто этому не поверил, думая, что старик попрежнему валяет дурака, но вызванный врач успокоил всех, говоря, что на этот раз все без обмана.

Тут произошла совершенная паника и замешательство среди живущих в коммунальной квартире.

Многие жильцы, замкнув свои комнаты, временно выехали, кто куда.

Жена, то есть, проще сказать, дочь её папы, пугаясь заходить в бюро, снова уехала в Сестрорецк с ребенком и ревущей нянькой.

Муж, этот глава семьи, хотел было устроиться в дом отдыха. Но на этот раз колесница неожиданно прибыла на второй день. И все кончилось вполне благополучно.

Так что тут была скорее нечеткость работы с колесницами, чем постоянное запоздание. Оно не повторялось всякий раз, а бывало, что ли, случайно. Раз на раз, как говорится, не придется. Ну — была неудача, недоразумение.

Но теперь это у них сгладилось. И они подают так, что прямо — красота. Лучше не надо.

На этом мы вообще хотели закончить наши новеллы о неудачах, но близость нового отдела «Удивительные события», в котором речь, главным образом, пойдет об удачах, позволяет нам рассказать еще одну историю, в которой два эти предмета — удача и неудача — соединились вместе.

И вот что от этого получилось.

РАССКАЗ О ЗАЖИТОЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Конечно, некоторые говорят, что все дело в зажиточности. Что бедность унижает человека, что при этом человек не может, что ли, стоять на высоте положения. А что при зажиточности он, наоборот, моментально расцветает и приподнимается, и делает то, что всем надо.

Насчет бедности мы не возражаем. Она, конечно, унижает личность, и при ней довольно трудно удержаться в своих рамках. А что касается зажиточности, то это еще не всегда дает правильные результаты.

Был такой курьер Федор. Он работал на заводе. Он приехал из деревни. Был очень бедный. Еще тут не обжился. И даже первое время шлялся в деревянных сапогах.

И был очень грубая личность. Любитель вышить. Ругатель. Грубый скандалист и бузотер.

Он начал у них жить в общежитии. И там от его свиных выходов многие сторонились.

Вот его вызвали в управление. И там ему сделали крепкий нагоняй.

Ему сказали:

— Еще чего? Это не может продолжаться.

А он на это так ответил:

— Вы, профсоюзные вожди, меня срамите за мое поведение. А спросите меня — отчего это бывает.

И тогда его спросили:

— А скажите, отчего.

Он и говорит:

— Я живу абсолютно не так, как хочу. Вполне один, без семьи и жены. У меня, может, семья и жена проживают в деревне. Меня, может, сострадание берет оттого, что я их не вижу. Двое моих детишек, наверное, пасут коров и терпят дожди и вьюги. Я живу, как холуй, имею один пиджак, и мне некому даже подложить подушку, чтоб я прилег, усталый от работы. А вы интересуетесь, отчего я выпиваю и в своей выпивке грубо задеваю остальных и всем бью в морду. Вот отчего это бывает.

Вот тогда все сконфузились и сказали:

— Мы тебе непременно дадим комнату.

И вот вскоре ему дали комнату, и он вскоре выписал свою жену и двух пастушков из деревни.

И вот он с ними живет, но мы видим, что он попрежнему выпивает, скандалит и орет, и всем бьет морды, и дает затрещины и шлепки своим подпаскам.

Тогда снова его вызывают в управление.

Он говорит:

— Да, конечно, я и сейчас еще подлец. Я выпиваю и все такое и под горячую руку всех колочу. Это оттого, что я нервничаю. Я имею перед собой картины бедности. Мы на примусе варим щи. Нас в одной комнате набилось шесть человек народу. Жена ругается со своей мамой, а я их всех бью и крошу, потому что мне мало интереса глядеть на эту деревенскую серость и некультурность. Меня быт съедает без остатка... И, к тому же, у меня окно выходит в наружный двор. А если бы оно выходило, например, на речку, — я бы, может, целый день рядом сидел и песни пел, и глядел бы, как птицы на волнах кувыркаются.

И тогда все сконфузились и так ему сказали:

— У нас сейчас дом отстраивается. Мы тебе дадим квартиру. Там газ и отопление. И там все на свете. Там свет блеснет в твои глаза, и ты будешь такой, как сумеешь.

И вот ему вскоре дали квартиру. Две комнаты и ванна. И три шкафчика для внутреннего употребления. И окна в сад. И в саду ежегодно цветут деревья. И газ. И все на свете.

И ему жалованья прибавили. И вдобавок он по займу выиграл. И пошил себе пиджак. И построил брюки. И по случаю купил диван и пианолу. И наш товарищ Федор вознесся на неслыханную высоту.

Только видят, — он попрежнему выпивает и дерется. И очень ругается и срывает из окна молоденькие ветки с деревьев и стегает ими своих бывших пастухов. А жену и ее преподобную мамашу и всех соседей при случае колотит так, что те в страхе разбегаются.

Тогда его снова призывают к ответу.

Он говорит:

— Какое странное дело. Все у меня что-нибудь не так. У меня мебель хороша, и пианола непрерывно играет. Только, — говорит, — жена, эта деревенская дура, своим видом не подходит к моей обстановке. Она меня раздра-

жает. Я хочу жениться на другой. И тогда непременно у меня пойдет другая музыка.

И вот он разделил свою квартиру. И стал жить с одной конторщицей. И вскоре у них там стали возникать драки и побоища. Он ее ревновал и нещадно бил, и выгонял на улицу.

И тут все поняли, в чем дело. Тут все поняли, что это — попросту дрянной неудачный человек.

И тогда все поняли, что ему зажиточность нужна, но что при этом его надо нянчить и его перевоспитывать.

И тогда всем стало легче. Все вздохнули и поняли, что с ним надо делать.

И в этом понимании была большая удача. И под давлением этой удачи померкнут вышеуказанные неудачи, и начнется то, чего всем хочется.

На этом, друзья, мы заканчиваем наши рассказы о неудачах с тем, чтобы поскорей перейти к новому, более счастливому отделу.

И близость этих новых страниц приподнимает наше настроение и, несмотря на только что рассказанные неудачи, нам делается весело и забавно жить.

И мы рады отметить, что чертовские и неслыханные неудачи не сломали наш железный характер.

Вот сейчас только помоемся и сполоснемся после всей этой пакости и перейдем к дальнейшему.

Ах, да, может быть, мы, перечисляя неудачи, что-либо забыли отметить. Просьба опять-таки отметить в своих сердцах.

Прочтите тут еще небольшое послесловьице к нашему отделу «Неудачи». Оно, так сказать, подведет итоги всему вышесказанному о неудачах.

После чего мы перейдем к новой книге «Удивительные события».

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, друзья, мы заканчиваем нашу четвертую книгу.

Позвольте же после столь тяжких испытаний вас чувствительно с этим поздравить.

Давайте же коротенько подведем итоги.

Что же мы с вами, друзья, увидели, прочитавши исторические новеллы и рассказы из нашей жизни?

А мы в первую голову увидели в прошлом большой урожай на неудачи.

А потом мы увидели, что этот урожай снимается по многочисленным причинам, из которых глупость и темнота не плетутся в хвосте.

И даже мы отчасти заметили, что неудачи — законное дите, рожденное от бракосочетания этих причин с торопливым желанием хорошо пожить.

Так что удивляться не приходится, отчего они бывают.

Они бывают не по милости судьбы, как это согласны думать люди со слабым и робким мировоззрением. А они случаются от более

простых и грубых причин. Благодаря чему, если не сидеть сложа руки, многое можно значительно исправить.

И у нас на это смело пошли. А если и бывают вышеуказанные неудачи, то отчасти еще публика непривычна, да и вообще борьба с этим далеко еще не закончена.

И если говорить о дальнейшем, то неудачи у нас не то чтобы совсем исчезнут, но их, вероятно, станет так мало, что все будут прямо удивляться.

И даже, может быть, глупость, под давлением чего-нибудь там особенного, возьмет и померкнет в своем величии. А если это ослабнет, то все тогда смогут поздравить друг друга с неслыханной удачей.

В общем, если говорить в планетарном масштабе, — мы вдаль глядим без особых тревожений. Кругом народы окончательно скажут свое слово. Утвердят свое право. Все воспрянут духом. И всем станет смешно, что были такие неудачи на заре их юности.

А если говорить о нашей стране, то можно повторить удивительные и пророческие слова поэта, произнесенные еще в прошлом столетии:

Вынес достаточно русский народ,
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

И вот мы теперь видим то, что видим. И это было удивительное предсказание, которое на наших глазах постепенно выполняется. Но, конечно, не следует забывать, — борьба далеко не закончена, и продолжается революция. И идет столкновение двух миров и все, что с этим. Так что слова о прекрасной тишине будут произнесены после. И тогда этот наш отдел с неудачами можно будет зачитать с небрежной улыбкой.

А что касается до стихов, то их произнес великий поэт, который умер шестьдесят лет назад. И его память следует почтить вставанием.

И это так жаль, что он не дожил до наших дней.

Кстати, о смерти.

Некоторые считают неудачей — короткую, как сон, человеческую жизнь. Но вместе с тем, как подумаешь, что тебе, например, еще двести лет надо будет думать и мозговать, так прямо наши законные восемьдесят лет ничуть не кажутся особенной неудачей.

Итак, на этом заканчиваем книгу о неудачах и переходим к новому и последнему делу.

И мы уже слышим шум и выстрелы. И кто-то рукоплещет. И кто-то кричит ура.

Это люди, которые от неудач не потеряли присутствия духа, стремятся к новым берегам.

И те, которые хотя и не стремятся никуда, но ведут себя так, как требуется.

И мы не без волнения спешим туда, чтобы им пожать руки и сказать: «Здравствуйте».

Итак, начинается новый отдел «Удивительные события».

УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СО
БЫ
ШЛИЯ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

1. И вот подходит наша книга к желанному концу.

Осталась у нас с вами одна последняя часть. И вот она перед вами.

Она заключает в себе то, чего бы крайне нехватало, если б наша жизнь была только такой, какой мы вам сейчас преподнесли.

И можно было бы даже потеряться от горя, если б мы на этом закончили наше сочинение.

2. Но, к общему счастью, жизнь тоже имеет свою пятую часть. И только она не перед каждым раскрывалась.

И многие видели только четыре части, и от этого они бывали чересчур несчастны. Многие из них вешались, другие любили выпивать, третьих постигали душевные заболевания, четвертые попросту дурака валяли. А некоторые впадали в меланхолию и восклицали: ах, дескать, господа.

Вот так же, как в свое время воскликнул один из прекрасных поэтов: Ах, господа, — он воскликнул, —

Жизнь, как посмотришь
С холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка.

Или — штука. Не помню. Одним словом, он что-то вроде этого воскликнул, переполненный глубокой меланхолией.

3. Но многие так не думали и про жизнь таких стихов не восклицали, а увидевши все — как и чего бывает,

энергично выступали против этого и с этим боролись. И высказывали свои мысли. И показывали чудеса храбрости, мужества и понимания.

И вот о таких людях и о таких поступках и о многих замечательных делах и героях мы и желаем произнести наше слово.

И мы предоставляем для этих людей последнюю, пятую главу, чтоб они своим примером показали бы, как надо поступать малодушным людям.

Таких слабеньких читателей они своим поведением возьмут на буксир и потянут их туда, куда надо.

Однако обернем предмет со всех сторон.

4. Читатель со своей привычкой к темам современной литературы уже наверно начинает соображать, что речь у нас непременно пойдет о борцах революции и о тех, которые заботились о прекрасном будущем.

И, действительно, речь пойдет об этих людях.

И мы сейчас увидим такую волю и такое мужество, и такую силу человеческого духа, что, если у нас имеется хоть какая-нибудь тяжесть на сердце, нам сразу станет легко, и нам захочется жить и радоваться.

И нам всем захочется любезно и внимательно подходить к людям. И нам захочется воскликнуть: как это поразительно, что среди людей бывают такие выдающиеся герои.

И, действительно, как это радостно, что среди грязи и болота и посредственной пошлости находятся такие сильные люди.

В общем сейчас речь пойдет о революционных событиях и о тех людях, которые этим занимались.

Но прежде нам желательно сказать несколько вступительных слов о том, о сем. Мы хотим побеседовать с читателем.

5. Вернее, мы хотели бы побеседовать даже не с читателем, а с каким-нибудь, например, ну, что ли, представителем буржуазной философии. Только чтоб он, ради

бога, не горячился и не хватал бы нас чуть что за горло. А вел бы себя порядочно и корректно.

Тогда бы мы с ним тихо побеседовали на диване.

Наверно, он бы так сказал, иронически усмехнувшись и играя моноклем:

— Ну, революция, борьба... А жизнь, господа, проходит буквально, как сон. Она коротка — жизнь. Так не лучше ли, господа, продолжать так, как есть, чем думать о каком-то будущем. И тратить на это считанные дни. Давайте, синьор, ударим по рукам и — мир и тишина. В сущности, все мы дети одной больной матери.

И я, взглянув на его гладкое лицо и на прекрасный перстень на пальце, спросил:

— Простите, сэра, я вас перебыю. Я позабыл. У вас дом, кажется, — один или два?

— Один... А что?

— Просто так. Продолжайте же, пожалуйста, сэра.

— Да, так вот я и говорю, — сказал философ, — в сущности, жизнь нереальна... Так пусть себе забавляются народы — устраивают оперетку, — какие-то у них короли, солдаты, купцы. Кто-то торгует. Выигрывает. Некоторые из них нищие. Кое-кто — богачи. Все — игра. Понимаете? А вы хотите жить всерьез. Простите — как это глупо. Вы хотите пустенькую, но, в сущности, милую жизнь отдать за какой-то другой сон. Может быть, более скучный. И даже, наверно, более скучный. Какая чушь!

6. Я говорю философу:

— А скажите, и большой доход вам приносит ваш дом? Небоскреб наверно?

— При чем тут дом... Ну, приносит... Пустяки приносит... Какое нынче приношение — ерунда. Сон...

И наш философ сердито докуривает сигару и откидывается на спинку дивана.

И мы ему говорим, философу, соблюдая международные законы вежливости и почтения:

— Вот что, сэра. Пусть даже останется ваше забавное определение жизни — оперетта. Пусть так. Но осмелимся

вам заметить, что вы за оперетту, в которой один актер поет, а остальные ему занавес поднимают. А мы...

— А вы, — пребывает он, — за оперетту, в которой все актеры — статисты... и которые хотят быть тенорами.

— Вовсе нет. Мы за такой спектакль, в котором у всех актеров правильно распределены роли — по их дарованиям, способностям и голосовым данным. И безголосый певец у нас не получит роли премьера, как это бывает у вас.

— А у вас маленький актер так маленьким и останется. У него не будет стремления быть большим. У нас...

— Простите, сэр, вы не в курсе наших событий. Вы черпаете сведения из древней истории. У нас совершенно разные оклады для актеров. Ведь у нас, к вашему сведению, нету так называемой уравниловки. А кроме того у нас есть другие стимулы для работы.

7. Философ говорит:

— Тем не менее, — говорит он, — я не хотел бы участвовать в вашем спектакле. У вас — фантазия ограничена. У себя я могу все время двигаться вперед. Я могу стать миллионером. Я могу мир перевернуть. У меня есть цель. Меня, так сказать, деньги толкают вперед. У меня есть стремление. Я не боюсь слов — я наживаю. Я накапливаю... Жизнь — движение. Останавливаться нельзя. И это мне дает то устремление, которое нужно. И повторяю, — не боюсь слов, — наживаю. Не все ли равно, какая цель перед лицом смерти? А если деньги не играют никакой роли, то...

— Сэр, вы опять-таки не в курсе событий. У нас деньги играют значительнейшую роль, и вы можете их накапливать на сберкнижке, если у вас есть такое могучее устремление. Больше того — вы даже проценты на них получаете. Или, кажется, какую-то премию.

Философ оживляется. Он говорит:

— Не может быть...

— Только, — я говорю, — получение денег у нас иное. У нас нужно заработать их.

— А-а... — поникшим голосом говорит философ: — заработать. Это скучно, господа. Нет, мне с вами не по пути. У вас какое-то странное отношение к жизни — как к реальности, которая вечна. Заработать! Позаботиться о будущем! Как это смешно и глупо располагаться в жизни как в своем доме, где вам предстоит вечно жить? Где? На кладбище. Все мы, господа, гости в этой жизни — приходим и уходим. И нельзя так по-хозяйски произносить слова: заработать! Какое варварское мышление! Какие огорчения вам предстоят еще, когда вы научитесь философски оценивать краткость жизни и реальность смерти.

В. И., посмотрев на меня с сожалением, он продолжает: — А мы смотрим на жизнь как на нечто нереальное. Мир — это мое представление. Все сказочное... Все дым, сон, нереально. И вот наша с вами разница. И мы — правы. Какая, к черту, может быть реальность, если человеческая жизнь проходит как один миг!

— Но ваш собственный дом, осмелюсь заметить, — это реальность.

Философ, видать, с неохотой говорит:

— Нет, дом — это отчасти тоже нереальность.

— Но если это нереальность, то отчего бы вам не напустить туда нереальных людей и нереально отказаться от нереальных денег. Небось, так не делаете?

Философ испуганно говорит:

— То есть, что вы хотите этим сказать? Слушайте, оставьте мой дом в покое. Что вы, ей-богу, привязались. Я говорю в мировом масштабе, а вы все время сворачиваете на ерунду. Прямо, как в печенку въелись — дом, дом... Прямо, ей-богу, скучно. Ну, дом. Нереально все.

— Да как же, — говорю, — помиуйте, нереально...

Философ говорит, чуть не плача:

— Прямо, ей-богу, человека нервничать заставляете. Вот я теперь, как назло, вспомнил, что трое у меня квартплату не внесли... Теперь я буду беспокоиться. Какие-то у вас, простите, грубые, солдатские мозги. Не даете пофилософствовать.

И философ в изнеможении откидывается на спинку дивана и нервно курит.

9. И мы ему говорим:

— И мы даже согласны с вами, что...

Философ оживляется:

— Вот видите... согласны... А сами человеку прямо дыхнуть не даете...

Я говорю:

— Мы согласны с вами в том, что жизнь коротка. А, вернее, она не так коротка, как плохая. А от этого она может быть и короткая. Пусть даже короткая. Но только короткая жизнь может быть хорошая, а может быть плохая. Так вот мы за длинную, хорошую жизнь. И в этом у нас цель и стремление. А что для вас жизнь коротка, то, несмотря на ее краткость, вам, вероятно, не помешало положить в банк тысяч сто. Простите, сэр.

— Фу, как грубо,— говорит философ, поперхнувшись. — А говорите, впрочем, что хотите. Мне теперь безразлично. Вы чем-то, не знаю, меня окончательно расстроили. А кроме того,— холодно добавляет он,— я считаю, что человеческие свойства неизменны. Это природа. Все равно обувь стопчется по ноге. Привет.

И мы вежливо встаем с дивана и говорим, соблюдая мировые правила приличия:

— Сэр, я ваш покорный слуга. Примите уверения в совершенном моем к вам уважении и почтении до последнего дыхания. А что касается человеческих свойств, то они, сударь, меняются от режима и воспитания.

Философ в сердцах бросает окурочек на пол, плюет и уходит, приветствуя нас рукой.

10. Мы описали вам эту воображаемую сценку, чтобы показать, какая бывает борьба на фронте мысли.

И действительно, некоторые рассуждения могут отчасти смутить более слабую душу. Более слабая душа может поникнуть от таких слов — сон, короткая жизнь, нереальность, считанные дни... Эти слова не раз сму-

щали даже более крепких людей. И были даже среди революционеров люди, которые били отбой и перебежали в другой лагерь. И история знает подобные факты.

И тут надо, действительно, иметь мужественное сердце, чтоб не смутиться от яда этих слов, в которых как будто есть доля правды — иначе они бы не действовали ни на кого. Тем не менее эти слова неправильны и ложны. И это диалектика. Нет, мы не хотим сказать, что все ужасно легко и борьба — прогулка. И у некоторых, которые у нас сейчас размахивают руками и горячатся (и, может быть, и у меня в том числе), нехватило бы духу начинать сначала. Но находились люди, которые смотрели поверх всего. И это были удивительные люди. И они создавали удивительные события. И старались переделать все, что барахталось в грязи, в тине и в безобразии.

И вот об этих людях, побеседовав с философом, мы сейчас и будем говорить. И вы сейчас увидите такую силу духа, что просто содрогнетесь от собственного малодушия.

11. Но прежде — еще одно, совсем коротенькое отступление. Вроде справки.

Представители старого мира имеют, в сущности, понятную привычку говорить о революционерах как о людях, потерявших совесть и человеческое подобие. Не знаем, как в других странах, но у нас, у матушки России, была привычка называть таких людей злодеями и нерусскими людьми.

Так вот для примера осмелимся привести несколько слов, написанных царским цензором Никитенко о повешенном декабристе Рылееве.

Вот что пишет Никитенко:

«Я не знаю другого человека, который обладал такой притягательной силой, как Рылеев. Он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при близком знакомстве. Стоило улыбке озарить его лицо, стоило по-

глубже взглянуть в его удивительные глаза, чтоб всем сердцем безвозвратно отдаться ему. И я на себе испытал чарующее действие его гуманности и доброты».

Вот как Никитенко описывает «злодея» Рылеева.

И мы, прочитав эти строчки, в предчувствии всего хорошего, переходим к историческим новеллам об этих борцах за революцию.

12. Вот рассказ о Рылееве. Рылеев был поэт. Он был дворянин и офицер. Но это не помешало ему написать такие агитационные строчки:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ.
И людьми, как скотами,
Долго ль будут торговать.

Он был мужественный революционер. И перед 14 декабря он выступал за немедленное восстание против царя.

И накануне, вместе со своим другом Н. Бестужевым, он обошел несколько полков и призывал солдат к выступлению.

Больше того, он останавливал солдат на улице и вел с ними беседу.

И вот наступил день восстания.

Уже прогремели ружейные выстрелы, и два враждебных лагеря замерли в некоторой нерешительности.

Мятежники стояли в каре у сената, а царские войска теснились около строящегося Исаакиевского собора.

И был момент, когда восставшие получили моральный перевес.

И об этом моменте Николай I так пишет в своих записках:

«Уже пули просвистели мне чрез голову. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда войска были бы в самом трудном положении».

13. И тогда царский генерал Васильчиков сказал Николаю:

— Ваше величество, нужна картечь.

Государь сказал:

— Вы хотите, чтобы я в первый день моего царствования пролил кровь моих подданных?

— Чтобы спасти империю, — сказал генерал.

И тотчас пушки были поставлены против сената.

Николай I сам командовал:

— Пали!

И первый выстрел загрохотал.

«Первый выстрел, — пишет Николай, — ударил высоко в здание сената, и мятежники отвечали неистовыми криками и беглым огнем».

И тогда Рылеев снял шапку, подошел к Бестужеву и обнял его. Он сказал:

— Последние минуты наши близки. Но это минуты нашей свободы. Мы дышали ею. И я теперь охотно отдам за них мою жизнь.

Вы понимаете, что он сказал? Он сказал, что сейчас все будет кончено, но что даже за минутное ощущение свободы, которое он сегодня испытал, — он без сожаления отдает свою жизнь.

Нет сомнения, что цензор Никитенко не ошибся в Рылееве, когда он о нем так прекрасно сказал. Такие слова, которые произнес Рылеев и в такую минуту, — мог сказать только большой и замечательный человек. И мы так рады и так взволнованы, что он именно так сказал и что он оказался такой большой человек. Значит, двух мнений быть не может — за кем надо было идти.

14. И вот через несколько минут на Сенатской площади действительно все было кончено.

Надежды генерала Васильчикова оправдались.

Пушки сделали свое дело.

«Второй и третий выстрелы, — пишет Николай I, — ударили в самую середину толпы».

Каре восставших дрогнуло. Часть мятежных солдат бросилась к Неве, на Английскую набережную, а часть, как пишет Николай I, «навстречу выстрелов из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала».

В общем, все было кончено.

Рылеев в тот же день был арестован и после суда приговорен к смерти.

Это был настоящий, мужественный человек с большим и даже великим сердцем. И это так ужасно, что его жизнь прекратилась на виселице.

Ему было тридцать один год. И как горько знать, что так рано и так страшно закончилась его жизнь.

И он умер так мужественно, как редко кто.

15. Из героических историй, в которых бы участвовала женщина, нам известен такой рассказ.

Это факт об одной смелой и отважной революционерке.

Конечно, история революции знает множество достойных женщин, причем некоторые из них прославились на весь мир. И о них много писалось. И вы наверно об этом почти все знаете.

А мы расскажем вам о женщине, о которой весьма мало написано.

Вот рассказ о малоизвестной революционерке, о работнице табачной фабрики Лизе Торсуевой.

Она жила в Ростове в начале девяностых годов прошлого столетия.

Она работала на табачной фабрике Асмолова.

И там, в Ростове, она со своим братом организовала рабочий кружок.

Причем это был социал-демократический кружок, где изучались основы научного социализма.

А чтоб работать в таком кружке, надо было иметь немало мужества и отваги, поскольку с рабочим движением велась очень жестокая борьба.

16. Рабочее движение приводило и жандармов в ужас, в трепет и в смятение. И они это движение давили с огромной свирепостью. И почти за каждый шаг революционерам приходилось расплачиваться тюрьмой, ссылкой и даже каторгой.

Добавьте к этому: рабочий день на фабрике — четырнадцать часов, а летом — шестнадцать!

И заработок — восемь рублей в месяц.

И тогда можно понять, какой нужен был героизм, чтоб сквозь все преграды идти к намеченной цели.

И вот табачная работница Лиза Торсуева, несмотря на все препятствия, энергично повела смелую революционную работу.

А брат ее вскоре стал, к сожалению, толстовцем, и он отошел от рабочего движения.

Но Торсуеву это не смутило, и она совместно с двумя рабочими энергично принялась за дело.

17. А тогда среди рабочих табачной фабрики была большая темнота и большая жажда знания. И, помимо политики, надо было знать многое другое.

И Торсуева и сама была почти без всякого образования. И она ночи сидела за книгами, чтобы узнать, как ей отвечать на те вопросы, что ей задают рабочие.

А ей было тогда двадцать пять лет. Она была молода и очень красива. Она всех поражала своей миловидностью, умом и удивительной смелостью.

Она была очень смела и отважна.

Например, расклеивая прокламации на 1 мая (1898 года), она не удержалась и наклеила прокламацию на дверях подъезда жандармского управления. Причем прокламация была наклеена лаком, так что жандармы могли ее снять только вместе с дверью.

Вдобавок в тот же день на строящейся церкви кружок Торсуевой повесил красное знамя со словами: «Да здравствует социал-демократическая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И это знамя три часа висело на церкви, так как рабочие, повесив знамя, разрушили внизу леса.

И это знамя сыграло свою агитационную роль — в городе было много разговоров и большое возбуждение.

18. И вот жандармы, увидя, что подпольная работа в кружке идет блестяще, — пришли в большое огорчение. И они решили положить этому конец.

Они арестовали несколько рабочих из комитета. И однажды утром поставили двух сыщиков у ворот Торсуевского дома. И эти шпики должны были арестовать Торсуеву при выходе на улицу.

Конечно, они могли бы арестовать ее и дома, но считалось более полезным для дела арестовать при выходе, так как она могла нести какие-нибудь важные документы, или же она могла пойти в конспиративную квартиру, неизвестную жандармам. Вот они и ждали ее выхода.

Но Торсуевой сказали друзья об этом.

Тогда Торсуева, нарядив сестру в свое платье, попросила ее выйти на улицу.

И сестра так и сделала, — она взяла с собой пакет с бельем и вышла за ворота.

Сыщики же, приняв ее за Лизу Торсуеву, потащились за ней. Они надеялись, что она куда-нибудь зайдет по делам кружка. Но сестра Торсуевой нарочно два часа мотала их по улицам. И тогда они, наконец, выйдя из терпения, ее арестовали. Но тут, узнав, что это не Елизавета Торсуева, а Валентина, снова бросились к своему боевому посту. Но было поздно. Лиза Торсуева уже успела сложить свой чемодан. И выехала из Ростова.

19. А жандармский полковник Артемьев, узнав, что главная виновница скрылась, пришел в исключительное бешенство. Он без разбора арестовал еще тридцать человек и сказал им, что он их не выпустит, покуда не арестует Торсуеву.

А Лиза в это время скрывалась на Кавказе.

Но ей друзья сообщили о словах полковника.

Тогда она сказала своим друзьям:

— Моя личность менее ценна для дела, чем столько арестованных активных работников. Я должна вернуться в Ростов.

И с этими словами она вернулась назад и добровольно явилась в Жандармское управление.

Полковник, правда, выпустил заложников, но Лизу Торсуеву продержал в одиночке около года.

Но потом ее выпустили. И она с новой энергией принялась за революционную работу.

Вот какие бывают женщины — наши жены, сестры и дочери.

И это приятно знать, что женщины так высоко держали знамя революции.

20. Из удивительных героических событий, в которых бы участвовал писатель, история знает такой случай.

Писатель Радищев при Екатерине II написал свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Это была книга, настолько смелая и революционная по своим взглядам, что даже теперь, читая ее, приходится поражаться необычайному мужеству автора.

Просто трудно представить, на что мог рассчитывать автор, выпуская такую книгу в царской, крепостной России.

Так, например, о крепостном праве у него сказано: «Зверский обычай поработать себе подобных».

И вся книга была — открытое воззвание против царского правительства.

Это был призыв к восстанию, так что, кроме смерти или бегства, автор ни на что другое не мог рассчитывать.

Но тут мнение у потомства раскололось. Некоторые считают этот поступок необычайно мужественным. А некоторые считают это какой-то непродуманностью и слепым безрассудством. И приводят в доказательство покорные слова Радищева о его якобы «минутном заблуждении» и его поведение, которое могло быть более гордым

и смелым, как у человека, написавшего такую мужественную книгу.

21. Но тут следует заступиться. Его поведение было совершенно правильным, но нервы у него были плохие, и от этого он не всегда мог сдержаться. И в этом нет ничего удивительного. И это ничего не показывает.

И что касается его мужества, то вот его описание.

Типографчики не хотели набирать эту книгу, несмотря на разрешение. Тогда Радищев завел типографию у себя в деревне. И там напечатал книгу в количестве шестисот пятидесяти экземпляров.

Больше того, он ходил с кипой книг и разбрасывал их по дорогам и на постоянных дворах. И это не было минутным заблуждением, а это было поступком революционера и агитатора.

Его приговорили к смертной казни, но казнь заменили ссылкой в Сибирь.

И это был великий гражданин, и о нем надо вспоминать с чувством радости и уважения.

И такие люди нередко бывали среди пишущей братии. И об этом так приятно знать.

22. Теперь прослушайте рассказ о замечательном подвиге Федора Подтелкова.

Он происходил из бедной казачьей семьи. И был сыном грудного народа.

А в германскую войну он был солдатом гвардейского полка. А после его произвели в подпрапорщики за храбрость и прекрасное знание военной службы.

Но это свое прекрасное военное знание он с честью использовал для революции.

В апреле 1918 года он уже был командующий Донской советской армией.

И вот, желая увеличить эту свою революционную армию, он организовал специальную экспедицию для мобилизации и вербовки казаков северных округов. И с этой

целью во главе небольшого отряда он двинулся по казачьим станицам.

Но в одном районе части белогвардейского казачества задержали экспедицию Подтелкова. Они сочувствовали атаману Каледину, который тогда занял Ростов, и поэтому они окружили отряд и обманным образом его разоружили. И приговорили весь отряд к расстрелу. А Подтелкова и его помощника Кривошлыкова, желая унижить, приговорили к повешению.

23. И вот 11 мая 1918 года в станице Краснокутской было закончено это ужасное дело.

Семьдесят шесть человек они расстреляли. А двоих повели вешать.

А когда их вешали, они держали себя удивительно хладнокровно и с большим мужеством.

Но Подтелков всех поразил своим удивительным поведением.

Громадная толпа казаков стояла около виселицы.

И Подтелков, держа в руке петлю, обратился к ним с речью.

Сначала он сказал: «Минуточку внимания».

От этих неожиданных слов толпа буквально замерла. И тогда Подтелков, отстранив рукой растерявшегося палача, сказал:

«Трудовой народ! Я призываю вас не верить в обманые слова, которые говорят вам офицерство и дворянство во главе с атаманом Калединым. Помещики снова хотят пить кровь трудового народа. Неужели вы не видите? Это есть ваше ослепление. И я призываю вас идти на борьбу за рабоче-крестьянское трудовое дело».

24. Толпа заволновалась.

Начальник караула подъесаул Сенин, закричав: «не надо слов», вытащил наган и бросился к Подтелкову.

Но тут палач снова приступил к своим обязанностям, и через несколько минут все было кончено.

Так погиб донской казак Усть-Хоперской станицы,

Медведицкого округа, сын трудового народа, Федор Подтелков.

И в этом было мужество, воля и долг революционера. Тот долг, который был выше личных чувств и страха смерти.

И имя Федора Подтелкова надо всем знать не менее, чем прославленные имена других революционных героев.

Кстати в приказе о расстреле всего отряда перечислены семьдесят шесть человек. А внизу перед самой подписью какого-то контрреволюционера Попова указано: «А трое не заявили о своей личности».

Жаль, что мы не знаем имена этих трех революционеров, у которых хватило мужества и презрения не заявить о своей личности.

25. Вот еще героический рассказ о французском революционере Луи Бланки (1805—1881).

Это был такой неустрашимый человек, что читать о нем просто поразительно.

Его два раза приговаривали к смертной казни. Три раза он был ранен в уличных схватках с полицией. Дважды его изгоняли из его любезного отечества. И много раз его бросали в тюрьму и ссылали под надзор полиции.

Это был тот самый Бланки, у которого тридцать восемь лет жизни ушло на тюрьмы и ссылки.

Можно представить, какой был натиск на этого революционера.

Но это не меняло его настроения. И он буквально в тот же день по выходе из тюрьмы снова всякий раз с неукротимой энергией принимался за свою революционную работу.

Его программа выражалась в таких его словах: раньше народ угнетали — знать и духовенство. А сейчас народ угнетают — знать, духовенство и финансовая аристократия. И с этим надо покончить.

И вот в течение пятидесяти лет он был просто гроза для своего правительства.

26. Это был тот самый Бланки, о котором Тьер сказал свою историческую фразу. Дело в том, что 18 марта 1871 года в Париже была провозглашена Коммуна. И Бланки за несколько дней до восстания был арестован и брошен в тюрьму.

Тогда парижские коммунисты вошли в переговоры с Версальским правительством. Они предложили правительству обменять Бланки на одно довольно важное духовное лицо. Дело в том, что они захватили парижского архиепископа. И вот теперь они хотели поменять одного на другого.

И, значит, послали Версальскому правительству известие, что они эту духовную особу, — крайне нужного правительству архиепископа, — могут отдать в обмен на Бланки.

Член Версальского правительства, кровавый Тьер, несмотря на пламенные просьбы духовенства, отказался произвести эту мену. И он сказал такую историческую фразу:

«Вернуть им Бланки — это то же самое, что послать им в помощь целый армейский корпус».

И это было правильно сказано.

Так вот после разгрома коммуны Бланки просидел семь лет в тюрьме в Новой Каледонии.

Но за три года до смерти его выпустили.

27. И вот из тюрьмы вышел седой, почтенный семидесяти трехлетний старик — ученый и революционер.

Казалось бы, что после такой бурной и тяжелой жизни он вполне заслужил отдых и спокойствие. Но это было не для него. Теперь у него была огромная популярность и большое имя, которое он и не мог не использовать для революции. И тотчас по выходе из тюрьмы он стал разъезжать по всем промышленным центрам. И своими пламенными речами и своим присутствием он вселял уверенность в счастливый и победный конец революционной борьбы. И это, как и вся его жизнь, нам кажется не менее удивительным, чем то, что мы говорили о дру-

гих. И в этом было не менее мужества и героизма. Он умер в 1881 году и до последнего момента не прекращал работы.

И память о нем будет всегда жива.

28. Конечно, этот рассказ и то, что прежде мы вам рассказали, — это капля в море подобных дел. И эти наши рассказы о героических делах и событиях — только маленький штришок в общем ходе жизни. А чтобы полностью об этом сказать, — надо написать по крайней мере двенадцать томов сочинений. Поскольку революция постоянно выдвигала таких сильных людей и настолько могучие характеры, что только поражаешься и думаешь: значит, эти правы.

И никакое другое дело, кроме этого, не знает ничего подобного. Все доблестные поступки спорта, искусства и науки, все доблестные военные подвиги, — все это отчасти меркнет в сравнении с этим. Вот что значит сознание справедливости своих мыслей и высокая цель.

И тут можно было бы во множестве привести различные примеры.

И частично мы это сделаем.

Мы предлагаем вашему вниманию отдел, который по традиции нашей книги следует у нас за историческими новеллами.

Этот отдел у нас носит название «Смесь». И вот он перед вами.

Он вам добавочно и красочно расскажет о том, как с этим было в прошлом.

29. ● Николай I на допросе сказал декабристу Н. Бестужеву: «Я могу простить вас, если поверю, что в вас буду иметь верного слугу». Бестужев ответил: «Я бы желал, чтоб жребий ваших подданных, государь, зависел бы от закона, а не от вашей угодности».

● Степан Разин необычайно мужественно вел себя во время пытки. Палач, приложив к его груди раскаленное железо и улыбаясь, спросил: «А теперь больно?» —

Разин сказал: «Ничуть не больно, будто баба иглой кольнула».

● Рабочий (ткач) революционер Петр Алексеев (1849—1891), приговоренный к десяти годам каторги, произнес на суде свою знаменитую речь. Тщетно председатель суда старался остановить его. Алексеев закончил свою речь такими словами: «Скоро поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и тогда ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...»

● 15 ноября 1905 года морской офицер лейтенант Шмидт на восставшем крейсере «Очаков» поднял сигнал: «Командую черноморским флотом».

30. ● Ипполит Мышкин, обвинявшийся в процессе 193-х, сказал в своей речи: «Здесь сенаторы из подлости и хитрости, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью».

● Во время еврейского погрома в Одессе (1905 год) шесть студентов кавказского землячества (социал-демократической партии), вооруженные револьверами, обороняли целый квартал и сдерживали натиск озверелой черносотенской толпы.

● Думская фракция большевиков (1914 год) выступила против войны и против военных кредитов.

В тот патриотический момент «всеобщего энтузиазма» этот поступок мог рассматриваться только как государственная измена. За большевистскую работу фракция (Самойлов, Бадаев, Петровский, Шагов, Муранов) была сослана в Сибирь.

● Бадаев, высланный в Туруханский край, организовал там пораженческую группу и вел энергичную агитацию против войны. За это вторично был отдан под суд.

31. ● Члену Первого рабочего комитета А. Сонкину (Киев, 1898 год) было поручено срочно разбросать прокламации на машиностроительном заводе. Однако весь завод был оцеплен полицией. Тогда Сонкин, достав пачку

реклам мануфактурного магазина, явился к заводу и на глазах полиции стал раздавать прокламации рабочим, а рекламы-листочки — полицейским.

● Учительница французского языка (в Москве), французская коммунистка Жанна Лабурб вызвалась повести агитацию среди французских солдат и матросов, занявших Одессу в 1919 году. Была расстреляна офицерами.

● Царский генерал А. П. Николаев принимал деятельное участие в организации Красной армии. Был захвачен в плен и после избития приговорен белыми к повешению. На площади (в Ямбурге) у виселицы он после прочтения приговора гордо сказал: «Вы отнимаете у меня жизнь, но вы не отнимете у меня веру в грядущее счастье людей».

● Официант Гранд-Отеля, член партии большевиков, А. С. Раков в гражданскую войну был военным комиссаром бригады. Находясь в штабе, он был окружен белыми и, не желая сдаться, один забаррикадировался в избе и в течение нескольких часов отстреливался из пулемета. Истратив все ленты, он застрелился.

Его голова была оценена финскими белогвардейцами в тридцать тысяч марок золотом.

32. ● Я. М. Свердлов за свою короткую жизнь (тридцать четыре года) был шесть раз арестован, два года сидел в крепости, был сослан в Нарымский край (откуда бежал) и, наконец, был выслан в Туруханский край. Он целиком отдал свою жизнь пролетарской революции.

● В 1919 году в здании Московского комитета во время заседания партийных работников была брошена анархистами бомба. Присутствовавший на заседании член партии большевиков Денис Загорский, не растерявшись, схватил в руки шипящую бомбу и пытался выбросить ее в окно. Был разорван на части.

● Дора Любарская за подпольную работу в Одессе была казнена белыми в начале 1920 года. Оставила такое письмо: «Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою жизнь. Через восемь дней мне будет

двадцать два года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что я погибну, жаль, что мало мною сделано для революции. Целую мою старенькую маму-товарища. Прощайте, будьте счастливы».

● Баварский коммунист Левинэ обвинялся в организации Коммуны. В своей речи прокурор назвал Левинэ «жалким трусом», якобы бросившим в опасный момент поднятые им массы. На это ложное обвинение Левинэ ответил: «Я приглашаю вас на мой расстрел, и вы посмотрите, как мужественно умеют умирать революционеры».

И как, не правда ли, удивительно читать эти маленькие заметки о больших и замечательных людях.

Они отдали свою жизнь для того, чтобы перестроить старый мир крови, слез и огорчений.

33. На любом поприще жизни история знает удивительные героические поступки, которые тоже могут вызвать радость и почтение.

И несколько новелл о таких удивительных делах мы и предложим вашему вниманию.

И вы, надеюсь, оцените эти поступки и поймете, что это тоже исключительно хорошо. И тоже достойно уважения. И тоже играет роль в создании новой жизни и новых людей.

Вот, например, исторический рассказ о знаменитом греческом философе Диогене.

Их, правда, было несколько Диогенов. Но наш был самый значительный, проживавший одно время в бочке.

Он был из города Синопа. И он там им сказал: «Надо жить так, чтобы от жизни не зависеть». Он был большой оригинал.

Но только в бочке ему долго не пришлось прожить. Его кто-то, я уж не знаю, продал в рабство. Там у них в Греции это было довольно часто — подобные вещи.

В общем он вскоре выкупился из рабства, и в тот год, о котором идет речь, он жил себе помаленьку у знакомых в Коринфе.

И вскоре до того он там прославился своим умом, что все сбегались посмотреть на него.

34. И вот об его чудном уме дошел слух до мирового властителя, Александра Македонского.

А это был человек тоже в высшей степени замечательный. Это был гениальный человек, смелый, молодой, энергичный.

И он непременно захотел поговорить с этим философом.

Он хотел его обласкать. И что-нибудь сделать ему хорошее.

И с этой целью однажды со всей свитой этот славный вождь приехал в Коринф и заглянул к философу.

Можно представить себе картину.

Блестящая кавалькада подъехала к дому. Молодой адъютант, сверкая шлемом, обращается к собравшейся толпе:

— Послушайте, господа, не тут ли живет этот... как его... Диоген, что ли... Который... что ли... думает...

В толпе, ухмыляясь, говорят:

— Тут. Эвон на завалинке сидит. Загорает на солнце. Чудак, действительно.

35. Александр Македонский, соскочив с лошади, подходит к философу и начинает с ним тихо беседовать. Потом он ему говорит:

— Твой ум, папаша, меня восхищает... Я хочу тебе сделать все, что ты у меня попросишь.

Диоген, усмехаясь, говорит:

— Да мне ничего не надо. Что мне тебя просить?

— Проси, решительно об чем хочешь.

Адъютант Александра Македонского шепчет философу:

— Проси, дурак, загородную дачку. Скажи — у меня мамаша слепая. Или проси колесницу с лошастью. Ой, какая раззява... Скажи — дайте колесницу. Скажи — у меня мамаша пешком ходить не может. Да говори ты, олух царя небесного!

Диоген говорит Александру Македонскому:

— Да вот разве что я тебя, голубчик, попрошу — отойди немного в сторонку, а то ты мне загордил солнце.

Конечно, будь на месте Александра какой-нибудь дурак, хам или тупица, — тот непременно бы стал кричать, вопить, оскорбляться и, чего доброго, сунул бы нашего славного философа в тюрьму.

Но Александр Македонский был великий человек. Он засмеялся и сказал: «Знаете, господа, я бы хотел быть Диогеном, если б не был Александром Македонским».

И на этом они оба весело рассмеялись и разошлись. И это дало им обоим здоровую зарядку. Вот это молодцы. Прелестные люди. Мы никогда не перестанем на них любоваться. Побольше бы таких! И тогда бы жизнь выиграла во многих отношениях. Поскольку ум и великодушное поведение одинаково полезны в жизни, как героизм и мужество.

36. Из древней жизни вот еще зачитайте небольшую и всем известную побасенку о весьма мужественном поступке.

Этот случай, можно сказать, классический, так что вполне полезно его напомнить читателю.

Это уже насчет римлян. Там среди них тоже бывали хорошие характеры.

Там вот что однажды произошло. Этрусский царь Порсена обложил Рим своими, что ли, этрусскими войсками. Он его осадил. И хотел завоевать. При помощи этих самых этрусков.

Но среди римлян нашелся один горячий патриот, который вызвался убить этого этрусского царя. Это был римский гражданин из плебейского рода — Кай Муций.

И вот он ночью пробрался в лагерь к этим этрускам и по несчастной случайности вместо царя убил его писца, который находился в той же палатке. Наверно это был видный мужчина — этот писец. А царь, наверно,

имел какую-нибудь дурацкую, невзрачную внешность. Какой-нибудь этакий худосочный, с кривым носом, этрусский тип. Так что наверно ошибиться было в высшей степени легко. И Муций, думая, что это писец, убил другого. Очень, конечно, жалко, но ничего не поделаешь, — ошибка.

37. В общем, Муция схватили, и этот неказистый царь, похожий на писца, стал его допрашивать и грозит пытками и казнью.

Муций сказал:

— Я твоих пыток не боюсь. Вот смотри мое мужество.

И с этими словами он протянул свою руку над жертвенником и стал ее жечь.

А в древности некоторые римляне из религиозных побуждений зажигали у себя особые жертвенники. Такая чашка на трех ножках. И там у них что-то горит. Запах, наверное, отчаянный. Копоть. И все время надо что-то подкладывать. Пламя, наверное, маленькое, но все-таки класть туда руки не рекомендуется.

А наш славный римлянин, несмотря на это, протянул свою правую руку и стал ее жечь. И держал ее до тех пор, пока кисть руки не обуглилась. И при этом он не пикнул, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Царь, наверно, сначала смеялся, потом стал серьезный и сказал: «довольно».

38. А потом совсем его отпустил в Рим. И вскоре снял осаду. Поскольку видит, что там римская публика способна проявить чудеса храбрости. И лучше с такими не связываться.

Конечно, может закрасться сомнение — верно ли, он настолько сжег свою руку. Может, он едва сунул руку в огонь и тотчас с криком ее отдернул. И запрыгал от боли. А царь, может, от этих прыжков рассмеялся и отпустил его. И, может, у него всего один пузырь вскочил. А уж история, может, взяла и раздула кадило и нарисо-

вала красоту человеческой души. Но, оказывается, нет. Все, знаете, именно так и было.

И даже нашего героя прозвали Муций Сцевола. То есть — левша. Поскольку у него правая рука после пожара совсем не действовала. И это есть отчасти верное доказательство.

Но, конечно, могли бы ему более хорошее прозвище дать. Поступок все-таки незаурядный. Тем более, там у них в Риме даже, кажется, скорой помощи не было, так что это особенно усиливает мужество этого римского бойца. В общем и этим поступком мы вполне любимся. Он указывает на силу и присутствие духа, что в жизни тоже немаловажно.

39. Теперь мы расскажем вам удивительную историю, которая закончилась весьма радостно и приятно.

И в этой истории, наряду с большим мужеством и силой духа, вы увидите исключительную любовь товарища и дружескую поддержку, и громадный риск, и все, что с этим. А это тоже что-нибудь да стоит.

И эта история во многих отношениях является удивительным событием. И она так интересна, что читается одним духом.

Мы собираемся вам рассказать о том, как анархист Кропоткин бежал из Петропавловской крепости. Ему помог бежать его друг — доктор Веймар. И храбрый поступок этого врача мы вполне причисляем к удивительным историям.

А Кропоткин был арестован царским правительством и год сидел в ужасном каземате Петропавловской тюрьмы.

Ему грозила каторга и ссылка на вечное поселение.

И тогда его друзья во главе с этим доктором решили спасти его.

И вот однажды, вместе с передачей, Кропоткин получает карманные часы. Это его удивило. Он стал рассматривать часы, и, к его удивлению, он нашел в механизме часов записочку на тончайшей бумаге. И в этой записочке излагался план бегства.

40. План был такой. В ближайшие дни во время двадцатиминутной тюремной прогулки за стеной крепости Кропоткин услышит игру на скрипке. И это будет знак, по которому он должен добежать до ворот крепости. А у ворот будет ждать лихач, который и отвезет его в назначенное место.

Так что все дело было — добежать до ворот. Но это было крайне нелегко. До ворот было шагов триста. А на прогулке за Кропоткиным по пятам следовал солдат с ружьем. А у ворот стоял часовой.

И вот однажды в июльский день по данному сигналу Кропоткин бросился к воротам.

Причем это было так неожиданно, что конвойный солдат в первую минуту растерялся. И благодаря этому Кропоткин выиграл несколько шагов.

С криком: «держи!» — конвойный побежал за арестантом и несколько раз пытался ударить его штыком, бросая вперед руку с ружьем, но безуспешно. Причем не стрелял, вероятно, уверенный, что арестанта поймают у ворот.

41. Но у ворот специальный человек (приятель Веймара) отвлек внимание часового. Он ему что-то рассказывал, и часовой слушал, развесив уши.

Тогда Кропоткин, сбросив для легкости арестантский халат, побежал быстрее. Конвойный приготовился стрелять, но, к счастью, в ворота въехали крестьянские подводы с фуражом, и Кропоткин успел за ними скрыться.

И вот еще несколько усилий, — и Кропоткин в воротах. И за воротами он видит лихача.

Но тут он с ужасом замечает, что в пролетке лихача сидит какой-то блестящий гвардейский офицер.

Была секунда, когда Кропоткин замер. И не знал, что ему делать.

Но офицер закричал:

— Скорей же, чорт побери, прыгай!

Кропоткин одним духом прыгнул в экипаж. Офицер протянул ему складной цилиндр и плащ, и сам, вскочив

с сиденья и потрясая револьвером, закричал кучеру страшным голосом:

— Гони!.. Убью!..

И великолепный призовой рысак рванул, что есть мочи.

42. Сзади раздались крики: «держи!». И прогремело несколько выстрелов. Но было поздно.

Рысак уже был далеко. И гвардейский офицер (а это был переодетый друг Кропоткина — отважный доктор Веймар) спокойно откинулся на спинку сиденья. И теперь в экипаже ехали роскошные господа — офицер и барин в цилиндре и в крылатке. И проходящие жандармы отдавали честь, хотя где-то вдалеке продолжали кричать: «держи!»

Беглецы выехали на Каменноостровский и вскоре были на квартире у своих друзей.

Однако тут находиться было небезопасно. И Кропоткин уехал за город. А через два дня был уже в Финляндии. И оттуда перебрался в Швецию.

Родных Кропоткина продержали два месяца в тюрьме, но, видя, что они не при чем, отпустили. И это так радостно, что из семьи Кропоткиных никто не пострадал.

И храбрый доктор Веймар тоже не пострадал. О нем, собственно, никто даже и не знал. И только потом все это выяснилось.

Вот какие бывают врачи и доктора. И это весьма приятно знать. И даже у таких врачей хочется лечиться.

43. В общем поступки, подобные рассказанным в этих трех новеллах, нас тоже трогают своим величием и мужеством.

А что касается до работников науки и искусства, то многие из них в этом смысле были на должной высоте. И некоторые их поступки тоже нас поражают своим величием.

И тут мы для примера и доказательства приводим несколько заметок о доблестных и славных делах деятелей этого рода.

● Итальянский ученый Лацциаро Спалланциани (умер в 1799 году), изучая жизненные процессы человеческого организма, произвел множество опытов над самим собой. Он вводил в кровь различные микробы и для наблюдения над пищеварением проглатывал малосъедобные и вовсе несъедобные вещества. Умирая, он сказал: «У меня плохое сердце, — и я прошу тотчас после моей смерти исследуйте его получше, быть может, это даст новый факт для изучения сердечных болезней».

● Микель Анджело всю колоссальную мощь и страстность своей личности отдал живописи, в ущерб всей своей жизни. Работая в Ватикане над своими гениальными фресками, он нередко дни и ночи проводил на лесах, лежа в неудобной позе под самым потолком. Ночью он работал, прикрепив свечку к обручу, надетому на голову. Воск нередко залеплял ему глаза. Благодаря этому он в дальнейшем потерял зрение. И его, слепого старика, водили в музеи, где он с наслаждением ощупывал руками скульптурные работы.

● Бетховен отказался от любви, предложенной одной из его поклонниц. Он сказал своим друзьям: «Если б я таким образом захотел тратить свои силы, что бы осталось для лучшего, для благородного».

Он писал тогда свою знаменитую шестую симфонию.

44. Однако, помимо всего перечисленного, бывает еще один сорт героизма и мужества. И это тоже нас может удивлять своей силой. Но полного восхищения это у нас не вызывает.

Мы говорим о храбрых поступках, которые, так сказать, лишены большой цели и значения.

Ну, например, был такой знаменитый протопоп и писатель Аввакум. И он проявил исключительное мужество. Его пытали, кидали в тюрьмы и в ссылки. Подкупали. Упрашивали, наконец, отказаться от его идеи. Но он так и не сдался. И настаивал на своем. Пока его не убили.

А вся его идея заключалась, извините, в том, что он был против того, чтобы публика крестилась тремя пер-

стами. Он говорил, что верующих это должно смущать. Что это им может напоминать кукиш в его первоначальной форме. И настаивал на двух пальцах. И так с этой славной идеей и помер. Его сожгли. И он даже с костра кричал: «Еретики, мерзавцы!».

Согласитесь сами, что подобный храбрый поступок может удивлять, но восхищения он не вызовет.

45. Или второй случай. Фельдмаршал Миних.

Его, как известно, при Елизавете Петровне в 1742 году судили. Он, собственно, засыпался по общественному делу. Он у прежней царицы состоял в фельдмаршалах. И та относилась к нему благосклонно. А эта новая прямо как с цепи сорвалась.

И только свергли с престола эту добродушную молоденькую дуру, Анну Леопольдовну, со своим детенышем, как Елизавета Петровна сразу вдруг велела отдать под суд нашего почтенного фельдмаршала.

И вдобавок председателем суда назначили одного из его подчиненных — Трубецкого.

Трубецкой на суде говорит:

— Подсудимый Миних, признаете ли вы себя виновным?

Миних говорит:

— Я в одном только виноват, господин судья.

— В чем же именно?

— Именно в том, — сказал Миних, — что я тебя, собаку, не повесил, когда ты у меня в прошлом году попался в плутовстве, будучи кригс-комиссаром.

46. От этого смелого ответа многие в суде фыркнули. А председатель побледнел и без сожаления приговорил Миниха к смертной казни.

Но Елизавета Петровна, отличаясь слабостью нервов, не захотела казни и велела сослать на вечное поселение.

И в этом ответе Миниха было, конечно, много храбрости и мужества. Другие бы стали ныть и подхалимничать. А этот сделал такой гордый ответ. Но тут, конечно, были личные счеты — сильная ненависть и желание обидеть.

И потому подобный поступок при всей его храбрости нас только может удивлять, но к человеку мы остаемся холодны и равнодушны. Нам, как бы сказать, даже наплевать на него.

Вот что значит цель и устремление.

В общем из двух последних новелл можно вывести заключение, что в любом поступке немаловажную роль играет цель и назначение.

И там, где цель ничтожна, там даже храбрейший поступок может вызвать нашу насмешку. А где цель высока, там героизм, как мы видели, достигает своего величия.

47. А правильная и великая цель совместно с героической борьбой и удивительным мужеством создала, например, социальную революцию.

И на этой революции завершилось прошлое, и наступило настоящее. И о прошлом, перелистывая историю, мы вам говорили. А что касается настоящего, то оно перед вашими глазами. И все вы видите, что это такое. Это то, что жизнь из рук владельцев заводов, банков и магазинов и из рук помещиков окончательно перешла в руки тех, кто работает. И это есть одно из самых удивительных событий и перемен, известных за все время.

И наблюдатели этих перемен должны учитывать, что настоящий момент в сравнении с тем, что будет, еще не совсем показателен для наблюдений. А некоторые трудности наших дней еще ничего не говорят. А то, что сделано почти из ничего, — уже чрезвычайно много. А то, что будет вскоре, — будет в высшей степени хорошо, поскольку все будет делаться для себя, — а никто сам себе не враг. Трудящиеся сами разберутся, что к чему.

Но то, что есть, не пришло само по себе. А было проявлено для этого высшее мужество и сила духа, и были испытаны большие страдания и огромные потери.

А из удивительных событий, происходивших в эти годы, помимо указанного, можно назвать такие.

48. Первое удивительное событие — это гражданская война, закончившаяся полным поражением барской России.

Как сказал наш славный советский поэт:

За это билась под Орлом,
Под Жмеринкой дрались.
За эту драку, чорт возьми, кривую как коса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса.
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край...

И, действительно, в эту войну многими было проявлено такое мужество и такой героизм, что мало что с этим может равняться! И имена этих героев у всех на устах. И некоторые из них погибли, а некоторые живы, и их можно видеть. И имена тех и других будут записаны на мраморную доску золотыми буквами.

А второе удивительное событие было такое, что частные торговцы и купцы с их привычкой ежедневно торговать, потерпели окончательное поражение и сошли со страниц новейшей истории со своими актуальными лозунгами: «Не обманешь — не продашь», «Кто прост, тому коровий хвост» и «Деньги не пахнут».

49. Что касается до третьего удивительного события, то оно — Большие Перемены.

Еще не так давно поэт писал такие стихотворные строчки, в которых ради сомнительной рифмы допущена поэтическая вольность:

Довольно гнить и поять
И славить взлетом гнусь, —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Однако эти строчки уже ничего не говорят. И смывшая деготь Русь из соломенной и деревянной стала железной. И нищая деревенская страна, перестроенная на новом коллективном основании, создала новое прекрасное хозяйство и новый еще не записанный быт. И это тоже абсолютно удивительное явление, которое само за себя говорит без всякой записи.

А четвертое удивительное событие уже видно всем. И мы не будем затруднять читателя объяснением, как и чего, и не будем затрагивать вопросов политической экономики. Только скажем, что материальное улучшение, которое растет, все время будет возрастать.

И мы в этом уверены и на это вполне надеемся. И оно наверно так и будет.

И когда это целиком подтвердится, то это удивительное событие оценят все без исключения, и все запишут его в своем сердце.

50. А что касается пятого удивительного события, то оно — Большая Работа. И она с такой силой велась и так энергично, что это всех привело в изумление. И даже некоторые сказали: это чересчур опасно для ихнего здоровья.

И это действительно была такая громадная работа, небезопасная для здоровья, что представитель дворянского класса может просто не понять, что это такое.

Как в свое время поэт Некрасов сказал, обращаясь к своему светскому читателю:

Эту привычку к труду благородному
Нам бы не худо с тобой перенять,
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

И мы к этому стиху добавим, что мы, в свою очередь, должны научиться уважать друг друга и быть друг к другу внимательны и любезны. А то если работу нежно любить, а людей забывать, то получится не то, что требуется. Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца.

И это на голубом мраморе надо записать черными буквами с пятью восклицательными знаками.

51. Может быть, конечно, мы позабыли сказать еще о каких-нибудь удивительных событиях, — просьба отметить их в своей памяти.

А что касается удивительных и славных дел за границей, то это очень часто у них бывает. И там находятся такие исключительные герои, и бывают такие великолепные поступки храбрости и мужества, что даже враги поражаются, и они этим напуганы, страшно сердятся, мстят и убивают.

И вы об этом по временам читаете. И имена этих героев у вас на устах. И эти прекрасные имена тоже будут высечены на мраморе золотыми буквами.

И вот на этом, друзья, мы позволим себе закончить описание удивительных исторических событий и краткий перечень удивительных событий нашего времени.

Так пожелаем же счастья и удачи новым людям и новой удивительной жизни, которая развертывается перед нашим взором.

52. Здравствуй, новая молодая жизнь!

Вот теперь все принадлежит самим трудящимся, и поэтому мы надеемся, что все будет хорошо и что все рабские чувства и мысли, созданные мрачной историей — суетливая услужливость, лакейская угодливость и чрезмерная готовность — уйдут и исчезнут и никогда не будут больше унижать человеческое достоинство.

Это было создано страхом и свирепой борьбой за существование и всем неприглядным ходом истории.

Так здравствуй же, новая молодая жизнь — не такая, как записана в истории.

И на этом приятном восклицании, в котором много радости и надежды, мы и заканчиваем наш отдел с пожеланием всего хорошего.

Попросим вас только зачитать небольшое послесловие к пятому отделу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, друзья, наш славный пятый отдел закончен.

Так что же мы видим, прочитавши все это — исторические новеллы и краткий конспект современных удивительных событий из наших дней.

А мы видим, что сквозь все невозможные невзгоды, сквозь мрак, холод и туман всегда пробиваются светлая мысль, бодрость, надежда и мужество.

Мы видим, как наряду с жалкими и низкими поступками происходят удивительные поступки, достойные наивысшего названия и одобрения.

Мы, наконец, видим, как меняется наша жизнь и как из одной она делается другой — такой, как это будет нужно и полезно для населения.

И мы теперь рады случаю поспорить с поэтом, который в свое время так сказал, не видя пятой части жизни:

Как часто плачем — вы и я
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней.

Но мы холода и мрака грядущих дней не видим.

А мы видим и представляем себе иные и великолепные картины. И очень хорошо, что поэт ошибся.

И на этом, друзья, мы заканчиваем пятую и последнюю часть нашей Голубой книги.

Впрочем, для разбития мыслей мы еще предложим вашему вниманию такое, что ли, специальное приложение. И в этом приложении вам будет рассказано кое-что забавное и смешное.

И этот наш добавочный отдел отчасти будет приложением к пятой части, а отчасти он будет завершать всю нашу книгу в ее близком конце.

И это будет, так сказать, мост, по которому вы плавно перейдете на житейский берег после долгих литературных путешествий.

В общем, мы предлагаем вам зачитать пять современных новелл по числу наших отделов и с их значением.

Так, например, первая новелла будет о деньгах в их удивительном значении. Вторая о любви тоже в удивительном преломлении. И так далее. Вплоть до конца.

Итак, начинаются наши развлекательные новеллы, написанные для разбития мыслей и для того, чтоб посмеяться и получить бодрую зарядку.

Приложение к пятому отделу

БЕДНАЯ ЛЮБА

Одна молодая особа, весьма недуренькая и развитая брюнетка, решила в этом году непременно разбогатеть.

То есть, не то чтобы она хотела заполучить сказочное богатство, как это иной раз бывает в странах капитала среди миллионеров и спекулянтов.

Нет, она, конечно, этого не хотела. То есть, вообще-то говоря, она именно как раз этого и хотела. Но только она не понимала, как это теперь бывает. И потому она решила иметь то, что в пределах возможного.

Она хотела иметь какой-нибудь голубой фордик с постоянным, что ли, шофером. Стандартную дачку. Некоторый счет в Торгсине. И, конечно, какое-нибудь знатное положение мужа, чтоб ей бывать повсюду и всех видеть.

А муж у нее был обыкновенный инженер. То есть он был гидролог. Это у них там что-то насчет воды. А если это так, то он, конечно, никаких там особых колонн не проектировал, за что бы ему шли деньги и премии, как творцу новых идей и положений.

Короче говоря, он жил помаленьку на свои семьсот монет. И, будучи энтузиастом своего дела, был до некоторой степени вполне доволен.

Супругу же его не устраивала эта сумма. И, будучи женщиной праздной и пустенькой, со слабым мировоззрением, она мечтала о сказочной роскоши и так далее.

А ей кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут довольно недурно. Что некоторые из них имеют пишущие машины, отдельные квартиры, дачи, а иной раз

даже и автомобиль. И пусть она среди этой прослойки что-нибудь себе поищет.

Но Лиза не знала, где ей этого искать. И потому она не без поспешности сошлась с одним первым попавшимся автором.

Но, между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом. И вдобавок он был любитель алкоголя. Благодаря чему через месяц он выразил желание, чтоб она непременно где-нибудь служила. Поскольку он сам на себя не надеялся, создавая слабые, маловысокохудожественные книги, не отражающие в полной мере величие эпохи.

В общем, он не оправдал ее надежд, и тогда она покинула этого своего выродка, потеряв при этом веру в литературу и в ее могущество.

В общем она вернулась к своему супругу. Но, вернувшись, она не оставила своих пылких надежд и только ждала, чтоб что-нибудь у нее поскорей случилось.

И вот как раз тогда ее познакомили с одним иностранцем.

Ей представили его в ресторане. И сказали, что он интурист. И что он живет в отеле, но этим недоволен и мечтает найти комнату в частном доме месяца на два. Нет ли у нее такой?

И хотя у нее этого не было, но она, тем не менее, крайне обрадовалась и решила на два месяца переселить куда-нибудь свою преподобную мамашу, чтоб только ей не упустить избалованного иностранца, не могущего проживать в неуютных, шумных отелях среди звонков и проходящих девиц.

В общем этому интуристу и изнеженному аристократу она устроила у себя в квартире комнату. И хотя супруг ее не допускал до этого, но она на своем настояла. И тот к ним переехал со своим ослепительным гардеробом, одеколоном, фотоаппаратом и так далее.

И вот Лиза, думая, что наступил главный момент в ее жизни, сошлась с этим иностранцем,

И тот ее исключительно полюбил. И сделал ей формальное предложение. На что она согласилась и даже сверх того — очень тому обрадовалась, прямо до того, что и описать нельзя.

И тогда она сразу бросила мужа. И стала с ним жить в мамашинной комнате.

И хотя ее иностранец по-русски почти не говорил, а она, наоборот, говорила только по-русски, тем не менее это отнюдь не послужило преградой для их взаимного международного счастья.

В общем она была счастлива и мечтала о Париже, Лондоне, Средиземном море и так далее.

Но через месяц интурист, научившись более сносно выражать по-русски свои мысли, как-то раз особенно разговорился о том, о сем на этом языке, и из разговора она отчасти выяснила, что тот вовсе не собирается уезжать в Европу. А, напротив, он даже хочет тут обосноваться. И что по случаю затруднительных дел там у них за границей закрылось какое-то предприятие, и он по этому случаю остался как бы даже без работы. Вот почему он и прибыл в Союз, надеясь тут найти что-нибудь по своей специальности.

Она, побледнев, попросила его повторить эти грубые русские фразы о том, о сем. И он снова сказал ей то же самое, добавив, что у него есть большие надежды здесь у нас устроиться, поскольку он специалист по шипучим водам и тут в Союзе это как раз, наверное, очень надо. И, если он устроится, тогда через год они смело смогут съездить в Париж, если уж она так этого хочет.

Тогда она, вспыхнув, не без яду, спросила, зачем же он при своем положении, будучи простым безработным, называется интуристом и при этом не оставляет своих изнеженных привычек и не живет в дешевом номере. А своим видом и поведением смущает окружающих, допуская их делать нивесть какие выводы.

Тогда он заметил ей, что вот именно он как раз и переехал из отеля к ним ради, так сказать, экономии.

Тогда она заплакала, сказав, что если это так, то в

ее слабой голове спутались все понятия об устройстве мира. И что об интуристах она была совершенно другого мнения. Она думала, что они все без исключения ездят ради прихоти и любопытства, а не ради того, зачем он прибыл. Нехватало, дескать, ей еще за безработных выходить. Ведь этого даже у нас нету. А тут вот она нашла такого. Так уж лучше она выйдет замуж за нашего конторщика и будет получать свои сто целковых, чем что-либо другое.

И она от обиды и унижения три дня плакала. И велела интуристу уехать в отель, поскольку мама жила на улице.

В общем, она рассталась с ним, поскольку, тем более, ее первый муж, как выяснилось, сделал какую-то крупнейшую экономию на службе и за это получил десять тысяч рублей премии, что и было объявлено в газетах.

Однако супруг, не зная еще, что она к нему вернется, отдал эти деньги на строительство. Он был большой энтузиаст и был отчасти равнодушен к деньгам. Вот он и отдал эту сумму государству.

А она, вернувшись и узнав об этом, до того расстроилась, что супруг боялся за целостность ее рассудка. И тогда она, успокоившись, снова затаила в душе решение найти что-нибудь лучшее.

А ей кто-то сказал, что тот самый злосчастный писателюшка, с которым она недавно жила и не была счастлива, неожиданно сильно пошел в гору. Он бросил писать свои слабые вещицы и неожиданно вдруг написал пьеску, которая по силе, говорят, не уступала Борису Шекспиру или что-нибудь вроде этого. И что он теперь буквально великолепно зарабатывает.

Она, огорчившись, что не подождала этой хорошей полосы, снова хотела сойтись с этим драматургом. Но он, оказалось, уже имел две семьи и был сравнительно счастлив.

Тогда она, подойдя, благодаря этому знакомству, несколько ближе к театральным делам, нашла тут большие возможности. Вдобавок ее в театре познакомили с одним

эстрадным комиком, который, говорят, зарабатывал очень, очень крупные деньги.

Она хотела было сразу сойтись с этим комиком, но в последний момент испугалась какого-нибудь надувательства или подвоха с его стороны, вроде как было у ней с интуристом или что-нибудь вроде этого.

И тогда она не вышла за него замуж, а решила, если на то пошло, сама стать артисткой.

И она стала изучать характерные танцы, чтоб с ними как-нибудь выступать на эстраде и зарабатывать, как другие.

Но от хронических ее неприятностей с интуристом и с писателем у нее доктора нашли невроз сердца и нервную сыпь на теле. И поэтому она стала учиться петь.

И сейчас она поет. И уже начала порядочно зарабатывать в закрытых концертах и в домах отдыха.

А мужу она сказала, что теперь она с ним останется жить. Что раньше у нее были старые взгляды на деньги и супружеские отношения, но что сейчас, получая до тысячи рублей и больше за свое пение, она вполне перевоспиталась и даже довольна и идет не против самостоятельности женщин.

Но довольство ее продолжалось до тех пор, пока ей не рассказали об ее интуристе.

Ей сказали, что этот ее иностранец нашел здесь по своей редкой специальности очень хорошее место, получил прекрасное содержание, женился на одной девице и с ней выехал к себе на родину для устройства своих дел и чтобы привезти сюда автомобиль.

Ей сказали, что она наверное плохо договорилась с ним по-русски, если упустила такой экземпляр.

Вот это известие она действительно перенесла с трудом. И у нее даже пропал голос.

Но через две недели она снова оправилась и сейчас опять поет, как умеет. Но сыпь на коже у нее так и осталась.

Вот какие бывают барышни. И вот что с ними слу-

чается, когда они хотят получить деньги не так, как это у нас принято.

А что она после этого стала артисткой, то для нее это очень хорошо, а для публики это наверно весьма посредственно.

И, конечно, в таких случаях всегда лучше танцевать, чем петь. И молодые особы должны учитывать это горячее пожелание публики. А в общем, даже и зарабатывая деньги, надо стараться иметь иной характер и иное сердце, чем у вышеуказанной молодой особы!

В общем этот рассказ есть до некоторой степени описание удивительного события, связанного с деньгами. И тут главное удивительно, как праздная женщина прежней, так сказать, конструкции потерпела неожиданное поражение.

А второй удивительный момент рассказа — это как инженер отдал премию на строительство.

И это наш первый удивительный рассказ. А второй рассказ будет касаться удивительного события в любви.

И вот он перед вами.

РАССКАЗ О СТУДЕНТЕ И ВОДОЛАЗЕ

Вот интересно. Подрались два человека. Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка, наклепал сильному.

Прямо даже верить неохота. То есть как это слабый парень может, товарищи, нарушить все основные физические и химические законы? Чего он сжулил? Или он перехитрил того?

Нет! Просто у него личность преобладала. Или я так скажу — мужество. И он через это забил своего врага.

А подрались, я говорю, два человека. Водолаз, товарищ Филиппов. Огромный такой мужчина, с буденовскими усами. И другой парнишка, вузовец, студент. Такой довольно грамотный, полуинтеллигентный студентик.

Между прочим, однофамилец нашего знаменитого советского романиста Малашкина.

Водолаз Филиппов, я говорю, был очень даже здоровый тип. В водолазном деле слабых, конечно, не употребляют, но это был ужасно какой здоровый дьявол.

А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект. И он красотой особой не отличался. Чего-то у него завсегда было на морде. Или золотуха. Я не знаю.

Вот они и подрались.

А только надо сказать, промежду них не было классовой борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба два были совершенно пролетарского происхождения. У них драка возникла на любовной подкладке. Они просто, скажем грубо, не поделили между собой бабу! На этом году революции они не поделили бабу! Это ж прямо анекдот.

Такая была Шурочка. Так, ничего себе. Ротик, носик — это все есть. Но особенно такого сверхъестественного в ней не наблюдалось.

А водолаз, товарищ Филиппов, был в нее сильно и чересчур влюбившись.

А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полуинтеллигенции. Она на Малашкина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. Я не знаю. Только она, действительно, отошла к нему. И у нее с ним возникла пылкая любовь.

А тот, знаете, и сам не рад своему счастью. Потому, глядит, очень ужасный у него противник. Однако виду не показывает. Ходит довольно открыто и водит свою мадам в разные места. И водит храбро, под ручку. Так через двор и ведет. В то время как водолаз на них смотрит. Но студент виду не показывает, что робеет, и знамя своей любви высоко держит.

А водолаз, конечно, его задевает. Прямо не дает ему дыхнуть.

Называет его разными хамскими именами и при случае в грудь пихает. Пихнет и говорит:

— А ну, выходи на серенаду! Сейчас я тебе, паразит, башку отвинчу.

Ну, конечное дело, студент терпит. Отходит.

А раз однажды стоят ребята во дворе дома. Тут все правление. Члены. Контрольная комиссия. Водолаз тоже сбоку стоит. И вдруг идет по двору Костя Малашкин со своей Шурочкой. И так как-то мило идут. Любовно. А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии: — На морде, — говорит, — проказа, а, между прочим, любовь крутит и барышень до самых дверей провожает.

Тогда студент провожает свою даму и возвращается назад.

Он возвращается назад, подходит до компании и ударяет товарища водолаза по морде. Водолаз, конечно, удивляется такому нахальству и хлоп, в свою очередь, студента. Студент брык наземь. Водолаз к нему подбегает и хлоп его обратно по брюху и по разным важным местам.

Тут, конечно, контрольная комиссия оттеснила водолаза от студента. Поставили того на ноги. Натерли его слабую грудку снегом и отвели домой.

Тот ничего, отдышался и вечером вышел подышать свежей прохладой.

Он вышел подышать прохладой и на обратном ходу встречает водолаза. И тогда он снова быстрым темпом ходит до водолаза и обратно бьет его в харю.

Только на этот раз не было контрольной комиссии, и водолаз, товарищ Филиппов, порядочно отутюжил нашего студента. Так что пришлось его на шинельке домой относить.

Только проходит, может, полторы недели. Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание.

Он идет на домовое собрание и там обратно встречает водолаза.

Водолаз хочет его не увидеть, а тот подходит до него вплотную и снова ударяет его по зубам.

Тут снова происходит безобразная сцена. Студента

кидают, вращают по полу и бьют по всем местам. И снова уносят на шинельке.

Только на этот раз дело оказалось серьезней. У студента буквально, как говорится, стали отниматься передние и задние ноги.

А дело было к весне. Запевали птички, и настурции цвели. И наш голубчик-студент после этой битвы ежедневно сидел у раскрытого окна — отдыхал. И водолаз завсегда отворачивался и проходил мимо. А когда к водолазу подходил народ, даже хотя бы с контрольной комиссии, он ужасно сильно вздрагивал и башку назад скидывал, будто его бить собирались.

Через недели две студент еще три раза бил водолаза и два раза получил сдачи, хотя не так чувствительно.

А в третий и в последний раз водолаз сдачи не дал. Он только потер побитую морду и говорит:

— Я, — говорит, — перед вами сдаюсь. Я, — говорит, — через вас, товарищ Костя Малашкин, совершенно извелся и форменно до ручки дошел.

Тут они полюбовались друг другом и разошлись.

Студент вскоре расстался со своей Шурочкой. А водолаз уехал на Черно море нырять за «Черным принцем».

На этом дело и кончилось.

Так что сила — силой, а против силы имеется еще одно явление.

И этот рассказ есть удивительнейшее событие из любовной жизни.

А что касается коварства, то нам вспоминается такое забавное происшествие. И оно отчасти тоже удивительное.

ПРОНШЕСТВИЕ

Конечно, об чем может быть речь, — дети нам крайне необходимы.

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на них надеемся и расчеты на них строим.

Тем более, взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность.

Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить и пыль с них сдувать, и носики им сморкать. Невзирая на то — это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как раз мало наблюдается в нашей жизни со стороны обывателей.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.

Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе.

Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ей малютка на руках очень такой звонкий. И орет, и орет, все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом — малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет. Только он, видать, октябрьенок. У него такой красный нагрудник повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Ново-

российск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и, как назло, в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И, конечно, не дает своей мамаше ни отдыха, ни сроку. Она с рук его два дня не спускает. И спать не может. И чаю не может попить.

И тогда перед станцией Лихны она, конечно, обращается до пассажиров:

— Я, — говорит, — очень извиняюсь, — поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя бы супу скушаю. У меня, — говорит, — язык в глотке прилипает. Я, — говорит, — ну, прямо не предвижу конца. Я, — говорит, — в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечное дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, дескать, еще чего: то орет и вякает, а то еще и возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотря какая мамаша. Другая мамаша очень свободно на это решится.

И хотя в дальнейшем этого не случилось и любящая мать осталась при своем ребенке, однако, пассажиры не знали всей этой дальнейшей ситуации и в силу этого отнеслись к просьбе сдержанно — одним словом, отказали.

И, значит, не берутся.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В репochке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И, конечно, в сандалиях. Он так обращается до публики:

— То есть, — говорит, — мне тошно на все глядеть. То есть, — говорит, — что вы за люди — я прямо дивуюсь! Нельзя, — говорит, — граждане, иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну, прямо ведет к отказу от социализма.

Другие говорят:

— Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся бродяга — передовые речи в спальном вагоне произносить!

Он говорит:

— И хотя я есть человек холостой и мне чертовски спать хочется и вообще не мое дело в крайнем случае за это самое браться, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станцию Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный машет красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тут происходят разные сцены в вагоне. Которые открыто хохочут, которые хватают за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший, как сукин сын, и спать больше не может. И речей больше не хочет произносить.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят:

— Довезите до Новороссийска и сдайте на станции в охрану. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае.

А малютка, между тем, вякает, хворает и с рук ничем не уходит.

И вот проходят отчаянные два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку за ножки и хочет пойти на платформу в транспортную охрану. Только вдруг молодая мамаша в вагон вкатывается. Она входит в вагон и так защищается:

— Я, — говорит, — извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и разморило, и я нарочно зашла

в тот соседний вагон и маленько там подзаснула. Я, — говорит, — два дня не спавши. А если бы в этот вагон зашла, — я навряд ли бы выпалась.

И берет она своего крошку и снова его нянчит.

Который в сандалиях говорит:

— Довольно неаккуратно поступаете, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в ваше положение. Дети нам — наша смена, — я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку.

Который в сандалиях говорит:

— Только, конечно, надо предупреждать. А то я за эти два часа много пережил. Вот это нехорошо с вашей стороны.

Тут снова в вагоне происходит веселый взрыв смеха.

И тогда который в сандалиях тоже начинает улыбаться, и вскоре он вполне прощает маленькое коварство, допущенное со стороны матери.

И тогда все кончается к общему благополучию.

И наш следующий рассказ есть удивительное событие в области неудач.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью.

Я ехал в Москву. Из Ростова. Вот подходит почтово-пассажирский поезд в 6.45 вечера.

Сажусь в этот поезд.

Народу не так, чтобы безобразно много. Даже, в крайнем случае, сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

И вот гляжу на своих попутчиков.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темновато. Вообще сумерки. И огня еще не дают. Провода экономят.

Так вот, гляжу на окружающих пассажиров и вижу, — компания подобралась довольно славная. Такие все, вижу, симпатичные, не надутые люди. Прошу их запомнить.

Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке.

Рядом с ним — в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только, видать, очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножиком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого соседа — безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалостно глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная картинка. Сюжет, достойный Рембрандта.

А напротив них сидит немолодой, седоватый мужчина в черном картузе. И все он, этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь забавный разговор был. Только, видать, этот пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: «хе-е» и «хе-е».

А очень меня заинтриговал не этот седоватый, а тот, который безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью, и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволохился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, попривыкну к пассажирам, разговорюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы: куда едете, почему капуста и есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день.

Он говорит:

— У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более, мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

— И что же, — говорю, — вы там комнату имеете или собачью будку?

— Нет, — говорит, — зачем комнату. Берите выше. У меня девять комнат, не считая, безусловно, людских, сараев, уборных и так далее.

Я говорю:

— Может, врете? Что ж, — говорю, — вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?

— Нет, — говорит, — это есть мое родовое имение, особняк. Да, вы, — говорит, — приезжайте ко мне. Я иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно вальсы играют.

— Что же вы, — говорю, — я извиняюсь, арендатор будете или вы есть частное лицо?

— Да, — говорит, — я частное лицо. Я, между прочим, помещик.

— То есть, — говорю, — как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, — говорю, — пролетарская революция смела же вашу категорию. Я, — говорю, — извиняюсь, чего-то не разобрать в этом деле. У нас, — говорю, — социальная революция, социализм, — какие у нас могут быть помещики.

— А вот, — говорит, — могут. Вот, — говорит, — я помещик. Я, — говорит, — сумел сохраниться через всю вашу революцию, и, — говорит, — я плевал на всех — живу как бог. И нет мне дела до ваших, подумаешь, социальных революций.

Я гляжу на него с изумлением и прямо не понимаю, что к чему.

Он говорит:

— Да вы приезжайте — увидите. Ну, хотите — сейчас заедем ко мне. Очень, — говорит, — роскошную барскую жизнь встретите. Поедем. Увидите.

«Что, — думаю, — за чорт. Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию? Или он брешет».

Тем более, вижу — седоватый мужчина смеется. Все хохочет: «хе-е» и «хе-е».

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а который усатый, который раньше нарезал яблоко, отложил перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

— Да вы с ними перестаньте разговор поддерживать. Это психические. Не видите, что ли?

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу — батюшки мои! Да ведь это действительно ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый — ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смирительная рубашка надета — руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый — ихний сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с беспокойством и нервничаю — еще, думаю, чорт их побери, задушат, раз они психические и не отвечают за свои поступки.

Только вдруг вижу — один ненормальный, с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг осторожно берет его в руку.

Тут у меня сердце екнуло, и мороз по коже прошел. В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня поровит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает. — Чего вы, — говорит, — на них навалились, как вам, право, не совестно. Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое — да, мои психические. А

этот пассажир просто едет, как и не вы. Мы у них ножик одалживали — попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял, говорит:

— Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются. Душат за горло. Благодарю — спасибо. Какие странные поступки с ихней стороны. Да, может, это тоже психический. Тогда, если вы сторож, вы за ним получше глядите. Эвон, накидывается — душит за горло.

Сторож говорит:

— А, может, и он тоже психический. Пес его разберет. Только он не с моей партии. Чего я за ним буду зря глядеть. Нечего мне указывать. Я своих знаю.

Я говорю задушенному:

— Я извиняюсь, я думал — вы тоже ненормальный.

— Вы, — говорит, — думали. Думают индейские петухи... Чуть, сволочь, не задушили за горло. Разве не видите, что ли, ихний безумный взгляд и мой — натуральный.

— Нет, — говорю, — не вижу. Напротив, — говорю, — у вас тоже в глазах какая-то муть, и борода тычком растет, как у ненормального.

Один психический — этот самый помещик — говорит:

— А вы дерните его за бороду, — вот он и перестанет ненормальности говорить.

Бородатый хотел закричать, но тут мы приехали на станцию Игрень, и наши психические со своим проводником вышли. И вышли они довольно в строгом порядке. Только что безрукого пришлось слегка подтолкнуть.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции Игрень как раз имеется дом для душевнобольных, куда иной раз возят таких психических. И как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же. Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. А вот которого я подмял, тот действительно обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и с испугом следил за каждым моим движением. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста. Ничего не имею против.

А когда он ушел и я остался один, — мне стало весело и смешно от всего того, что со мной произошло. И этот маленький случай показался мне удивительно забавным происшествием, основанным на несомненно удачной перевозке психических.

И я, посмеявшись, хорошо заснул. И утром встал в хорошем настроении. Так что иной раз и неудача оборачивается удачей.

Теперь, дорогие друзья, зачитайте последний рассказ, который содержит в себе все удивительное и все сразу — деньги, любовь, коварство, неудачу и большое событие, — причем все эти предметы взяты в своем удивительном преломлении. И это не так-то часто бывает. Вот этот рассказ.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ

Еще в первые годы революции произошел у нас в доме такой необыкновенный случай.

Дом громадный. Пять этажей. И, несмотря на это, он весь шел на керосиновом освещении. Такой, можно сказать, подарок от царского режима остался революции.

Другие рядом дома шли на полной электрической нагрузке, а наш был вот какой. И это всех раздражало.

И вот тогда жильцы начали хлопотать, чтоб им что-нибудь было по части света. Чтоб, наконец, у них кончилось это неудачное житье в полном мраке и темноте.

И им сказали — это можно.

И при этом наиболее всех хлопотала наша квартирная хозяйка, или, как теперь говорят, ответственная съемщица, Елисавета Игнатьевна Хлопушкина. И даром, что эта дама только что соскочила со старого режима и была в свое время замужем за одним убитым штабс-капитаном, тем не менее она проявила себя как общественница и любительница электрического освещения, предпочитая на нем греть воду, чем на примусе.

В общем, она зарекомендовала себя с лучшей стороны, и за это ей честь и хвала.

И вот, стало быть, благодаря ее хлопотам вскоре в доме вспыхнул свет, и все воспрянули духом.

Но вскоре наша хозяйка Хлопушкина, пожив дня три со светом, становится неестественно мрачной и неразговорчивой.

Мы ее спрашиваем, что такое.

Она говорит:

— Видите, я недовольна освещением. Свет глаза режет и вызывает слепоту. А, главное, — говорит, — он у меня в комнате осветил такое барахло, что я прямо смущаюсь к себе заходить. Муж мой, бывший штабс-капитан, скончался на войне десять лет назад, да еще до этого факта лет пятнадцать-двадцать я ремонта у себя не делала. И мне этого было не нужно, поскольку комнатка у меня полутемная и ничего такого не видать. А теперь взгляните, что там есть при полном свете.

Но мы туда не стали заходить, поскольку приблизительно нарисовали себе картину, что там могло быть.

Тем более один из нас меланхолично говорит:

— Бывало, действительно, выйдешь утром на работу, вечером явишься, чай попьешь — и спать. И ничего такого лишнего при керосине у себя не видал. А теперича я зайду к себе, освещу, и мне тоже, как ей, неинтересно становится.

Вот мы и зашли к нему. Зажгли свет. Видим, действительно, нечто невероятное. Тут туфля, тут штаны рваные валяются. Тут обои оторваны и клочком торчат. Видим — клоп рысью бежит, от света спасается. На столе лежит тряпка, неизвестно какая. Пол жуткий. Тут плевок, тут окурок, тут блоха резвится.

Стоит канапе. И мы сколько раз на этом его канапе сидели, — думали — ничего. А теперь видим — это совершенно страшное канапе. Все торчит, все висит, все изнутри лезет.

Тогда мы, все жильцы, собрались в коридоре и сказали: «кажется, пришло время ремонт производить». И

после жарких споров и дискуссий мы собрали деньги и решили подчиститься, чтоб у нас не было расхождения со светом.

И вот вскоре мы произвели ремонт. Подчистили. Подправили. И тогда квартирка стала прямо ничего себе.

Чистенько, красиво, весело, и клопов уж очень мало. Они только у двоих жильцов и остались. А что касается блох, то на них почему-то электричество не действует, и они продолжают свою кипучую деятельность.

А что касается общего настроения, то все как переродились. После работы приходят, моются, убирают комнаты, чистятся и так далее. И даже больше — многие стали более вежливо себя держать. А один даже начал учиться французскому языку. И, наверно, у него что-нибудь получится. А некоторые, поскольку стало светло, пристрастились к чтению и к игре в шашки. И вообще при свете началась другая жизнь, полная интересов и внимания друг к другу. Вот что произошло после включения в общую сеть.

И даже ответственная съемщица, Елисавета Игнатьевна Хлопушкина, неожиданно, представьте себе, вышла замуж за техника Анатолия Скоробогатова, который в нее влюбился. И она тоже его безумно полюбила. И многие приписали этот роман действию электрического света, поскольку при свете Хлопушкина оказалась еще ничего себе, несмотря на ее пятьдесят два года. А другие приписали это тому, что свет окончательно выяснил размеры ее комнаты, благодаря чему Скоробогатов рискнул жениться в ожидании чего-нибудь лучшего. И тем самым он возможно, что проявил со своей стороны возмутительное коварство.

Но, так или иначе, она сейчас еще замужем и очень счастлива. И просила всем кланяться и благодарить за изобретение электричества и вообще за электрификацию.

В общем все громадные перемены в квартире и даже, пожалуй, отчасти этот брак были удивительными событиями, которые мы и записываем золотыми чернилами,

Последний рассказ

только они немного расплываются, поскольку бумага не так еще хороша. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут.

И на этом рассказе мы заканчиваем наши развлекательные новеллы. И вместе с этим заканчиваем наше приложение к пятому отделу.

Итак, друзья, Голубая книга в основном окончена. Прочтите тут еще небольшое послесловие ко всему нашему труду.

Это послесловие, как в конторской книге, подведет итог всему, о чем мы с вами беседовали в пяти частях нашего сочинения.

Послесловие ко всей книге

Итак, Голубая книга окончена.

И вместе с тем заканчивается наша музыкальная симфония. Громко гремит медь. И бьют барабаны. И контрабас гудит веселое приветствие.

И мы очень рады и довольны, что на этот раз заканчиваем наше сочинение с чувством сердечной радости, с большой надеждой и с пожеланием всего хорошего.

И основную тему нашей радости можно определить в нескольких словах. И, чтобы критики не сбились в этом сложном деле, мы им по дружбе хотим слегка подсказать.

Нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и к общему благу.

И вот пример из жизни литераторов.

В золотом фонде мировой литературы не бывает плохих вещей. Стало быть, при всем арапстве, которое иной раз бывает то там, то тут, — есть абсолютная справедливость. И эта идея в свое время торжествует. И, значит, ничего не страшно, и ничего не безнадежно.

Вот почему медные трубы нашего сочинения звучат на этот раз непривычно громко. Но нашего смеха тем не менее эти трубы почти не заглушают.

Французский писатель Вольтер своим смехом погасил в свое время костры, на которых сжигали людей. А мы по мере своих слабых и ничтожных сил берем более скромную задачу. И своим смехом хотим зажечь хотя бы небольшой, вроде лучины, фонарь, при свете которого некоторым людям стало бы заметно, что для них хорошо, что плохо, а что посредственно.

И если это так и будет, то в общем спектакле жизни мы сосчитаем нашу скромную роль лаборанта и осветителя исполненной.

Теперь все сказано, и нам осталось любезно попрощаться с читателем, чтобы вполне закончить наше сочинение.

Ах, да, долг вежливости требует — попрощаться с буржуазным философом, с которым мы в свое время в детстве воспитывались.

И поэтому вы, надеюсь, поймете наши чувства и не посетуете на небольшую задержку в окончании.

Прощание

с Философом

Философ был принят нами вместе с двумя какими-то министрами без портфеля, захавшими просто так представиться и узнать, как и чего бывает.

Беседа протекала за чашкой чая.

И министры остались до того довольны любезной беседой, что от восхищения еле могли дойти до своих моторов. И в книге почетных посетителей они елевым тоном написали, что ничего подобного они не испытывали в своей жизни. И что это превзошло все их ожидания. И что они были бы рады, если б это продолжалось всю жизнь.

Беседа продолжалась два часа, из которых полтора часа ушло на обмен этих любезностей. Но в передней гости задержались.

— Последнее время, — сказал философ, — я что-то опять стал увлекаться социализмом. Вы знаете, это действительно может получиться неплохо. Не знаю, как у вас, но на другие страны я очень надеюсь. Они возьмут от нас несколько светлых идей. Плюс ваши идейки. И может получиться очень, очень мило.

— Что же от вас они возьмут? Простите.

— Ну, там пустяки. Об чем говорить. Ну, там собственность, что ли. Капитал. Ну, небольшой. А? Пожалуйста. Все равно вам без этого не обойтись... Все равно вы незаметно приплывете к нашим берегам. Так что не будем о деньгах спорить. А кроме того... Ну, домик там... Землишка... Что? Дачка.

— Если вы для себя, а не для эксплуатации, то можете и дачку иметь.

— То есть что значит для себя? — Нет, господа, все-таки это все, простите, вздор. Наше дело более гармонично. Богатство, капитал — дает человеку по крайней мере уверенность. Он дает независимость. А тут, где независимость я буду искать? Тут вы меня суετε в лапы к людям. У них искать независимость? Да, может, мне попадется какой-нибудь свирепый начальник, так ведь он меня в бараний рог согнет, если что-нибудь не по нем.

— Сударь, вы говорите о буржуазном строе? У нас есть общественность, пресса и новый уклад жизни, которые не позволяют вас сгибать. А потом — ваш строй весьма ведь немногим дает независимость. Единичам.

— Ну, и что же... Ну, хорошо, — он дает немногим, богатым, удачникам. Остальные стремятся к этому, надеются. Это — борьба.

— Но их надежды почти всегда разбиты. А мы хотим жизнь сделать такой, чтобы надежды оправдывались. У нас сейчас, сэр, революция, но тем не менее у нас человек, желающий работать, уверен, что он работу найдет. Вот вам надежды, которые уже оправдываются. И это дает огромную уверенность, чего нет у вас.

— Ну, предположим, — сказал философ. — Но вот, скажем, мне пятьдесят три года. А в эти годы, господа, я должен быть богат. Ну, не богат, ну, иметь что-то. Иначе я, как бы сказать, не участвую в жизни. То есть участвую, но меня уже обходят. Меня уже принимают с поправкой на мое состояние. А у меня, господа, отнюдь не меньше желаний. Господа министры, поддержите.

Министры говорят:

— Да уж ясно уж. Что ж уж об этом говорить. Что-что, а уж желаний-то сколько угодно-с!

Я говорю:

— Видите, сэр, с возрастом человек повышает свою квалификацию, он становится умней, острее в своем деле

или в искусстве, и он, конечно, должен получать больше комфорта и лучшие условия. Это не вопрос. А если он настолько стареет, что теряет квалификацию, то государство берет его на свое иждивение. И каждый имеет разное. Сейчас это может быть мало и не всегда достаточно. Но мы хотим сделать жизнь такой, чтобы и старость была здоровая и веселая. И мы об этом думаем. И это разрабатываем. И мы хотим, чтоб стариков принимали с поправкой на их внутренние качества, а не с поправкой на богатство, которое может быть краденным.

— В таком случае я предпочел бы стареть в Европе, — холодно сказал философ, видимо оценивая свои душевные качества. — Как вы, господа министры?

— Да уж ясно уж. Что об этом толковать. Желаний-то еще ого-го...

— Вообще, — сказал философ, — я за социализм, но только не при мне. После меня хоть потоп. А я человек старой культуры, и позвольте мне уж, господа, прожить в моем старом культурном Риме.

— Пожалуйста, — говорю, — живите.

Тут мы все встали, и началось среди нас любезное прощание, протекавшее почти в дружеской атмосфере.

Философ, прощаясь, сказал:

— Потом вот еще что. — Во всем мире любовь продается. А у вас нет. Это противно человеческой природе.

Министры неестественно засмеялись.

— Это меня тоже как-то расхолаживает к вашей идее, — сказал философ, — у вас надо на это тратить время и деньги. А у нас только деньги. Вы, господа, непременно провентилируйте этот вопрос. Человечество от этого может захворать. И это на браки крайне влияет. Прямо я на вас удивляюсь.

— Сэр, — сказал я, — у нас иной подход к любви. Мы не считаем унизительным тратить на это время. У нас теперь другой мир и другие чувства, сэр. А те люди, ко-

Прощание с философом

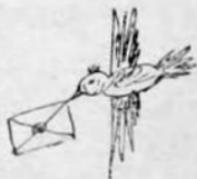
торые сохранили ваши мысли, — сказали мы смеясь, —
те будут к вам ездить.

— Если с валютой, — сказал философ, — то отчего бы и
нет. Очень рады.

Министры многозначительно переглянулись.

И мы, попрощавшись, разошлись.

И я пошел прощаться с читателем.

Прощание

с Читателем

И вот осталось нам попрощаться с читателем, и на этом книга закроется.

Дорогие наборщики, потрудитесь еще немного — поднаберите тут еще несколько строк, чтоб мы могли любезно попрощаться с нашим дорогим читателем.

Итак, дорогие друзья, привет! Наилучшие пожелания. Кланяйтесь вашей мамаше. Пишите.

А в ответ на ваше любезное письмо сообщаем, что живем мы ничего себе, — много работаем, здоровье стало лучше, и оно укрепляется. Тут было в прошлом году мы прихворнули, но ничего, как говорится, — бог миловал.

А что касается нашей дальнейшей литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжонки. Одна на этот раз — из области нашей личной жизни в свете медицины и философии. Другая историческая — сатира на глупость с эпитафией из Кромвеля: «Меня теперь тревожат не мошенники, а тревожат дураки».

Но, конечно, мы еще не знаем, когда возьмемся за эти наши новые сочинения.

На «Возвращенную молодость» у нас ушло три года. И эту сочиняли два года без перерыва. Так что надо теперь отдохнуть и поразвлечься.

Вообще, если что-нибудь интересное мелькнет в нашей жизни, тогда мы сделаем перерыв в работе, а если

Прощание с читателем

нет — тогда мы вскоре приступим к первому сочинению, еще более забавному, чем это.

А эту Голубую книгу мы заканчиваем у себя на квартире в Ленинграде, 3 июня 1935 года.

Сидим за письменным столом и пишем эти строчки. Окно открыто. Солнце. Внизу — бульвар. Играет духовой оркестр. Напротив серый дом. И там, видим, на балконе выходит женщина в лиловом платье. И она смеется, глядя на наше варварское занятие, в сущности несвойственное мужчине и человеку.

И мы смущены. И бросаем это дело.

Привет, друзья.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Горькому	5
Предисловие	7

I

ДЕНЬГИ	13
-------------------------	----

Рассказы о деньгах

Сколько человеку нужно	41
Рассказ про няню	43
Мелкий случай из личной жизни	49
Таинственная история	51
Рассказ про спекулянта	53
Рассказ о том, как жена не разрешила мужу умереть	56
Рассказ про одну корыстную молочницу	62
Трагикомический рассказ про человека, выигравшего деньги	65
Последний рассказ под лозунгом «счастливый путь»	72
Послесловие	79

II

ЛЮБОВЬ	85
-------------------------	----

Рассказы о любви

Рассказ о старом дураке	109
Женитьба — не напасть, как бы после не пропасть	113
Рассказ о письме и о неграмотной женщине	115
Рассказ про даму с цветами	119

Мелкий случай из личной жизни	125
Свадебное происшествие	130
Забавное приключение	134
Последний рассказ под названием «Коварство и любовь»	143
П о с л е с л о в и е	147

III

КОВАРСТВО	153
----------------------------	------------

Рассказы о коварстве

Интересная кража в кооперативе	184
Рассказ о том, как чемодан украли	188
Поимка вора оригинальным способом	190
Мелкий случай из личной жизни	194
Рассказ о подледе	199
Интересный случай в гостях	204
Забавное происшествие с кассиршей	207
Хитрость, допущенная в одном общежитии	210
Рассказ о том, как девочке сапожки покупали	212
История с переодеванием	214
П о с л е с л о в и е	218

IV

НЕУДАЧИ	223
--------------------------	------------

Рассказы о неудачах

Происшествие на Волге	257
Рассказ о банях и их посетителях	260
Страдания молодого Вертера	265
Рассказ об имениннице	269
Мелкий случай из личной жизни	272
Интересное происшествие в канцелярии	276
Романтическая история с одним начинающим поэтом	279
Рассказ о человеке, которого вычистили из партии	285
Рассказ о беспокойном старике	288
Рассказ о зажиточном человеке	294
П о с л е с л о в и е	298

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ	305
Послесловие	338

Приложение к пятому отделу

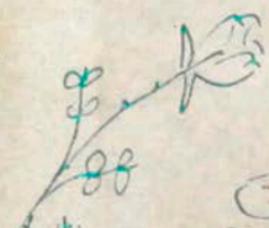
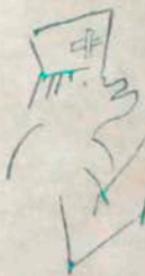
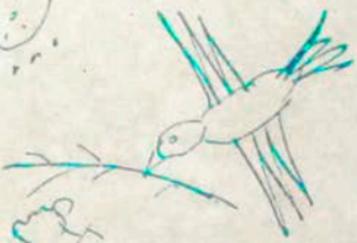
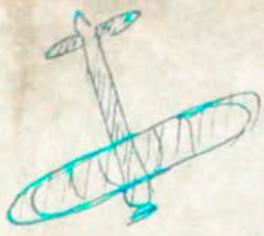
Бедная Лиза	341
Рассказ о студенте и водолазе	346
Проншествие	349
Мелкий случай из личной жизни	353
Последний рассказ	358
ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕЙ КНИГЕ	362
ПРОЩАНИЕ С БУРЖУАЗНЫМ ФИЛОСОФОМ	364
ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ	368

Цена 6 р. 50 к., переплет 1 р. 25 к.

Отпечатано для издательства «Советский Писатель» в типографии «Печатный Двор» г-реста «Полиграфкино», Ленинград, Гатчинская, 26. В количестве 20 500 экз. Авг. л. 18. Печ. л. 23¹/₄. Заказ № 2839. Ленгорлит № 23366. Сдано в набор 17/VII 1933 г. Подписано к печати 3/XII 1933 г. Формат 82 × 110¹/₃₂ см. (133680 тип. зн. в 1 бум. л.) Бум. л. 57³/₈. Ответственный редактор *Е. Добин*. Технический редактор *А. Кукурмчина*.

7

6 р. 50 к. Переплет 1 р. 25 к.

Склад изданий:
Литхудсектор КОГИЗ'а
б. Черкасский, 2